

О.Г.ИВАНОВСКИЙ

Наперекор
земному
притяженью

С.Г. ИВАНОВСКИЙ

Наперекор земному притяжению

*Дорогому Юре
в честь
60-летия Ю. Гагарина
и для космонавтики*

С
12 августа 1994г.

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 63.3(2)7

И22

Ивановский О. Г.

И22 Наперекор земному притяжению.— М.: Политиздат, 1988.— 288 с.; ил.

ISBN 5—250—00163—7

...Тяжелое ранение, казалось, навсегда приковало к постели молодого фронтовика-чекиста. Но сила воли, мужество оказались сильнее недуга: в 1947 году он поступил на работу в конструкторское бюро С. П. Королева. Здесь и довелось ему стать ведущим конструктором легендарного космического корабля «Восток». В своей книге лауреат Ленинской и Государственной премий СССР О. Г. Ивановский рассказывает о героических событиях Великой Отечественной войны, участником которой он был, о рабочих, инженерах, ученых, чьи судьбы — яркое подтверждение огромных возможностей человека в нашей стране.

Адресуется широкому кругу читателей.

И $\frac{0802010203-090}{079(02)-88}$ 217—87

ББК 63.3(2)7

ISBN 5—250—00163—7

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

ПОД СВОИМ ИМЕНЕМ

У каждого немало прожившего и повидавшего на своем веку человека постепенно накапливаются документы, письма, фотографии, одним словом, то, что называется личным архивом. За повседневной суетой редко находится время перечитать пожелтевшие листки, вспомнить даты, как вехи, отмечающие твою прошлую жизнь. Но уж если доберешься до архива, словно фантастическая машина времени подхватит тебя и понесет вспять. И оживет давно забытое, утраченное, как живые встанут в памяти товарищи юности. И рухнут десятилетия, разделившие вас, и почувствуешь себя сбросившим груз годов минувших, и поймешь себя на том, что говоришь с ушедшими, как с живыми...

Вот так однажды перебирал я свой архив и наткнулся на маленькую записную книжку — дневничок с истершимися корочками. Бог ты мой! Почти полвека назад, в 1940 году, подарили эту книжечку мне, призывнику Красной Армии. Начал листать хрупкие от времени страницы и обратил внимание на подчеркнутую фиолетовыми чернилами строчку: «Решил написать книгу о жизни...» И дата: «3 октября 1942 года».

Вот так, книгу — ни больше ни меньше! А было мне тогда двадцать лет, и шла война, и позади были месяцы страшного отступления на восток, и гибель товарищей,

а впереди — новые бои, и так мало надежды остаться в живых. Уже после войны подсчитали, что парней моего поколения, то есть родившихся в 1922—1923 годах, осталось в живых лишь около трех процентов. Склонности к писательству у меня в то время не наблюдалось, разве что письма отправлял родным и близким да изредка записывал в дневник скудные строчки. А вот, поди ж ты, была мечта написать книгу, да не простую, а «книгу о жизни».

...Как-то под вечер весной 1962 года — телефонный звонок. Снимаю трубку.

— Здравствуйте, Олег Генрихович! С просьбой к вам. Мы тут посоветовались и решили собрать воспоминания товарищей о наших космических делах. Вы уж напишите все, что вспомнится. Пусть пока не для публикации.

— Сергей Павлович! Так ведь я не писатель.

— Нет-нет, не отказывайтесь. Я пришлю вам хорошую журналистку и стенографистку.

Говорили мы долго, обстоятельно, я старался припомнить, что мог... Когда же прочитал стенограмму, пал духом. Понял, что не способен интересно рассказывать. А еще «книгу о жизни» собирался писать!

И все-таки именно тогда, в 1962 году, начались мои литературные упражнения. Первый вариант рукописи я отправил Сергею Павловичу, слабо надеясь на положительную оценку. Как дорог мне сейчас этот экземпляр, где на первой странице рукой Королева написано:

«С большим интересом я прочитал эту отличную статью! Прошу переплести этот материал, взять на учет и хранить у т. Бушуева.

3.1.63. С. Королев».

Тут следует объяснить с читателем. Долгие годы не только вся литература о космической технике, но и ее создатели оставались, как говорится, «закрытыми». Мы были «конструкторами без фамилий». Так что вышедшие за эти годы три мои книги — «Первые ступени», «Старт завтра

в 9...», «Впервые» — писались от лица Алексея Иванова. И дело, конечно, не только в том, что сегодня я могу отказать от псевдонима. Автор «Алексей Иванов» не мог, в отличие от Олега Ивановского, позволить себе биографические воспоминания предвоенных и военных лет. Потому за страницами тех книг остались памятные и важные события великой войны и великой Победы, события, которые предварили космическую эру нашей отечественной истории.

Сегодня я выношу на читательский суд, пожалуй, ту самую «книгу о жизни», которую мечтал написать в 1942 году. В ней много личного — воспоминаний, записей, наблюдений, писем, но я стремился, чтобы жизнь человека отразила жизнь моего поколения. Насколько это удалось, судить вам, дорогие читатели.

Часть I

ИСПЫТАНИЕ

18 мая 1945 года наш 29-й гвардейский кавалерийский полк — вернее, треть его, оставшаяся к тому времени в живых, — был поднят по тревоге. Построились. Командир полка, замполит и прибывшие из штаба дивизии три офицера стали обходить строй, вызывая из рядов самых рослых бойцов, наиболее отличившихся за годы войны. Отбрали человек тридцать.

В тот же день вся группа «избранных» выехала в штаб дивизии. Тут уже из лучших отобрали лучших. Командир дивизии генерал Павлов, его замполит полковник Нитовщиков и начальник отдела контрразведки майор Мирошин из тридцати бойцов оставили двенадцать. Как только окончилась эта процедура, Мирошин позвонил меня.

— Цель отбора объявят в корпусе. А пока люди пусть думают, что это для встречи с союзниками на демаркации.

Нужно сказать, что в эти дни подобные встречи практиковались почти ежедневно и на них посылали как раз самых заслуженных представителей частей и соединений.

21 мая вся наша группа отбыла в штаб корпуса. Я ехал рядом со своим другом полковым фельдшером Ефимом Ароновым. Говорили о том о сем. Потом умолкли как-то сразу, одновременно, посмотрели друг на друга. Я не выдержал:

— А что, Ефимушка, может, последний раз в седле, а? Может, и не увижу я больше своего Полета?

— Ну почему же последний? Не вернемся в полк, что ли? Вернемся через денек-другой. Вот что потом будет, кто знает. Останется ли конница в нашей армии, или расформируют ее... А жаль, ей-богу жаль, если расформируют...

На большой поляне, неподалеку от штаба корпуса, собрались представители всех полков и дивизий. Всего человек двести. Построились. Подошла группа генералов. Среди них увидели мы и Плиева, командующего 1-й гвардейской конно-механизированной группой. Притихли.

— Товарищи казаки и танкисты! Пользуясь случаем, сердечно поздравляю вас с победой. Командование фронта поручило мне сообщить вам решение Верховного Главнокомандующего маршала Сталина о проведении в столице нашей Родины Москве Парада Победы. Вам выпало большое счастье стать участниками этого исторического события!

Громогласное, хотя, быть может, и не очень стройное, не очень похожее на парадное, «Ура-а-а!» раскатилось по поляне. Полетели вверх кубанки, шлемы, фуражки.

Сводный полк 2-го Украинского фронта, в который мы вошли составной частью, через день отбыл в Москву. Помню, как, выглянув в дверь вагона, вдруг увидел знакомый вокзал с вывеской «Коломыя». Сердце зашло от волнения. Четыре года миновало с той ночи, когда мы, молодые курсанты-пограничники, вынуждены были оставить этот город, выходя из окружения. Четыре года тяжелых дорог войны — и вот опять та же Коломыя. Кольцо военных дорог замкнулось...

Москва. Она была уже не такой, как в сорок третьем, когда я приезжал сюда из госпиталя. Москва была послевоенной, мирной. Не такой, как до войны, но и не такой, как в суровую годину. Мне показалось, что уже сам

московский голубой воздух пронизан радостным ощущением Победы.

Столица готовилась к празднику. Были отремонтированы казармы для размещения участников парада. В короткие сроки нам шилось обмундирование. А ведь требовалось более 10 тысяч комплектов!

Красива казачья парадная форма!.. Темно-синие черкески, красные казакины, черные каракулевые кубанки, шашки, шпоры на сапогах, красные башлыки. До ослепительного сияния начищали мы свои боевые ордена и медали. Дошли слухи, что в ознаменование Победы будет выпущена специальная медаль «За победу над Германией» и что первую партию этих медалей вручат участникам парада, причем только им будут выданы к этой медали удостоверения красного цвета.

Не забыть, с каким вниманием относились к нам в те памятные дни жители города. На улицах просто проходу не давали, опекали как родных. Питались мы в небольшом кафе, находившемся в угловом доме на набережной Яузы, неподалеку от моста. Так вот, каждое утро рядом с приборами и тарелкой уже лежала пачка папирос «Казбек», в которой золотом поблескивал вкладыш — «Привет победителям».

Наше парадное войско разместилось на Стромынке, в доме под номером 32. Собственно, это был и не дом, а несколько зданий казарменного типа, с садиком между ними и какой-то часовенкой посередине. Рядом Яуза. Та самая речушка, на которой я вырос, в теплую воду которой не раз плюхался с разбегу. Как давно это было, боже мой, как давно!..

На следующий день начались репетиции парада. Задача не из легких — ходить строевым шагом. Далеко не все, приехавшие для участия в параде, в совершенстве владели этим искусством — в боях было не до того. А ведь пройти по Красной площади надо так, как еще никто и никогда не ходил! Таких парадов не было в отечественной исто-

рии. Сколько глаз, своих, дружеских, да и не очень дружеских будут смотреть на это великое действо.

Через день после приезда в столицу помчался я в свою родную Тайнинку — поселок под Москвой. Какое же счастье переполнило все мое существо, когда обнял я родных, дорогих стариков моих, столько вынесших, столько переживших за военные годы. Ведь я был их единственным сыном...

23 июня все газеты опубликовали приказ Верховного Главнокомандующего. Им объявлялось, что принимать Парад Победы будет Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, командовать парадом — Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский.

24 июня выдалось пасмурным, дождливым. К шести утра мы были на исходных позициях у Политехнического музея, а к восьми часам заняли «свой квадрат» на Красной площади. Мокли наши черкески, кубанки, башлыки. Стекала вода по каскам пехотинцев. Темнели, намокая, боевые алые знамена. Мокрая брусчатка. Серая, с резным рисунком, стена ГУМа. На ней — гербы нашей страны и союзных республик.

Без пяти минут десять. Затихла Красная площадь, заполненная тысячами людей. Замерли сводные полки. На трибуну Мавзолея поднимаются руководители Коммунистической партии и Советского правительства во главе с Верховным Главнокомандующим Сталиным.

Сейчас, вот-вот, стрелка часов на Спасской башне, чуть дрогнув, коснется долгожданного мгновения истории. Еще минута. Мы хорошо узнали ей цену на фронте. Сколько человеческих жизней уносила война всего за одну минуту!..

Сколько горьких минут мы пережили до этого победного часа, сколько боевых товарищей потеряли... Я стоял в праздничном строю на Красной площади, и передо мной год за годом, день за днем воскрешалось в памяти минувшее. Воспоминания проносились в голове «задом напе-

ред», в обратном порядке. Братислава... Здесь формировался наш сводный полк для участия в Параде Победы. Венгрия, польская граница, Смоленские леса... Коломыя, пограничная школа служебного собаководства. Здесь застала меня война... Перемышль, граница... И наконец, подмосковная Тайнинка, счастливые, беззаботные дни перед службой...

Граница

В последних числах сентября 1940 года я получил повестку из военкомата. Помню, больше всего меня поразило в ней то, что на сборный пункт 3 октября я должен явиться остриженным наголо. А должен сказать, что шевелюрой в молодые годы я обижен не был. Волосы густые, вьющиеся. «Как у молодого Пушкина», — любила шутить мать.

И вот эта моя «гордость и краса» темными кольцами теперь змеилась по простыне, заправленной за воротник нашим поселковым парикмахером. Когда-то они теперь отрастут! Разнервничался я по этому поводу всерьез. Отец с матерью держались, стараясь не подавать виду. Но бабушка все подносила к глазам краешек фартука и то и дело отворачивалась в угол, где висели две старинные иконы в золоченых окладах и всегда горела маленькая лампадка, в которую она раз в неделю наливала из бутылки специальное «деревянное» масло.

— Боже, спаси и сохрани раба твоего... — слышалось из угла. — Ну ничего, родной мой внучек, это хорошо, что ты в армию в день своего ангела уходишь, в именины твои. Твой ангел-хранитель (она так и говорила «ангел») будет тебя хранить, а я молиться буду.

Собирать в дорогу было почти нечего. Старенький костюм, спитый матерью, зубная щетка, мыло, полотенце, аттестат зрелости, ручка-самописка, пара белья, что-то из

еды — вот, пожалуй, и все. Бритву не брал. Ее у меня и не было за ненадобностью.

Поздно вечером, часов около одиннадцати, пошли к поезду, на нашу платформу Тайнинскую. Последние поцелуй, слезы...

Думал ли тогда, что именно в этот самый момент я уезжаю из своей родной Тайнинки, от родных, друзей на долгие, долгие годы? Конечно, не думал. Срок службы в погранвойсках, куда я был «приписан», определялся тремя годами.

В военкомате таких, как я, стриженных, собралось довольно много. Сдал свою повестку. «Твоя команда вон в той комнате. Там ждать». Пожалуй, это была первая в моей жизни команда: «Там ждать». В комнате человек пятнадцать. Деревянные скамейки вдоль стены, сплошь заклеенной плакатами с цветными изображениями противогазов, силуэтов иностранных самолетов и их опознавательных знаков. Скорчившись, примостившись на лавке, кое-как уснул. Сколько удалось поспать, не знаю. Часов, естественно, не было — в те годы в нашем возрасте их редко кто имел.

Перед рассветом подняли нас и в повидавшем виды «газовском» автобусе повезли в Москву. Приехали на какой-то вокзал. Я не сразу его узнал, потому что завезли нас с задворок и «погрузили» в товарные вагоны. По обе стороны от дверей — в два этажа настилы из неструганых досок — нары. Вот все, так сказать, полное оборудование.

— А сколько человек в вагоне-то? — спросил кто-то.

— Тридцать два! По восемь человек на этаж. Ясно? Вещи под голову, пальтишками, у кого есть, накроетесь. Ясно?

Не скажу, чтобы все услышанное было ясным. Но раздумывать было некогда. Залезли. Разместились. Мне, как я считал, повезло — досталось место на втором этаже рядом со стенкой. И маленькое прямоугольное окошко с железной крышкой рядом.

Паровоз, как мне показалось, дал прощальный гудок. Звякнули буфера, и перрон медленно поплыл назад.

Поезд набирал скорость. 1940 год. Октябрь. Четвертое. Половина одиннадцатого ночи.

...1957 год. Октябрь. Четвертое. Половина одиннадцатого ночи.

На стартовой площадке рядом с ракетой, готовой к гигантскому скачку в пространство, в историю, появился горнист. Резкие звуки горна прорвались сквозь шум стартовых механизмов. Двадцать два часа двадцать семь минут. Минутная готовность! От ракеты оторвалось облачко парящего кислорода. Сердце готово вырваться из груди. Сейчас, вот-вот, сейчас! Боюсь моргнуть. Наконец — отблеск пламени и гул, низкий раскатистый гул. Ракету обволакивают клубы дыма. Они поднимаются выше и выше. Кажется, они скроют ее всю. Но вот величественно, неторопливо, уверенно стройное тело ракеты сдвинулось, поднялось, пошло вверх. Через несколько минут станет ясно, что первый в мире искусственный спутник Земли на орбите.

...Поезд набирал скорость. Промелькнули заборы, контуры складов, сараев, потом назад поплыли дома. Московские дома. Все, кончилось детство, кончилась юность. А что впереди? Неясно... Да что греха таить — грустные мысли стали одолевать меня. И тут кто-то в вагоне потихоньку зашел: «...Москва моя, ты самая любимая!» Песню подхватили сначала несколько голосов, а потом уже не нашлось среди нас человека не поющего. И песня эта, раньше вовсе не имевшая для нас какого-то особого значения, вдруг обрела свою душу. Пели долго. Песни вспоминались одна за другой. Сон сморил нас уже перед самым рассветом.

Утром меня разбудил чей-то громкий, задорный голос. Кто-то из ребят решил спросить напрямик:

— Товарищ командир, а куда нас везут?

На что в ответ спокойно было сказано:

— Скоро узнаешь. Не спеши поперед батьки в пекло.

Поезд стоял. Многие ребята еще спали. Действительно, куда же нас везут? По приписке я знал, что назначен в морпогранохрану. Значит, на море. А на какое? Белое? Черное? А может, на Балтику или на Дальний Восток? Морей-то хватает, и все они пограничные, и на всех, наверное, есть морпогранохрана.

На четвертый день пути в мои «черноморско-беломорские» романтические размышления стали закрадываться сомнения. Поезд миновал Киев, а затем у станции Волочийск пересек прежнюю границу с Польшей. Дорога все больше и больше забирала на запад. И как-то на одной из очередных длительных стоянок сопровождавший наши вагоны старшина, чувствуя, что от осаждавших его вопросов «куда?» не избавиться, сказал:

— На границу, ребята, на западную. Служить будете на заставах...

На шестую ночь пути поезд остановился у какого-то вокзала, где-то на запасных путях. Уже по привычке мы не придали этой остановке никакого значения. Но вот от соседних вагонов не громко, но отчетливо донеслось:

— Взять вещи, выходить из вагона. Не разговаривать, не шуметь, не курить!

Подхватив свои нехитрые пожитки, мы спрыгнули на землю. Темнота — глаз выколи. Тишина. Смутные контуры каких-то зданий. Окна не светятся. Кто-то загремел чемоданчиком по щебенке.

— Тише! Прекратить шум.

И следующая команда:

— Держаться друг друга, из виду не терять, за мной шагом марш! И не разговаривать! Ясно?

Это был Перемышль...

Утром всю нашу разношерстную компанию построили в колонну по четыре и повели в город. В баню. За мытьем последовало облачение во все повенское, армейское. И тут произошло неожиданное. За шесть суток вагонного сосуществования мы, разумеется, попривыкли друг к другу. По крайней мере, отличали Володьку от Тольки, а Юрку — от Сереги. И вдруг... Вот это номер! Все стали сразу одинаковыми. Да сам-то я смогу ли узнать себя? Подошел к зеркалу, протер запотевшую поверхность. Вроде я, а вроде и не я. Лихая буденовка сидит скособочившись, нескладно, воротник гимнастерки оттопыривается — шея для него тонковата. Лицо мое, это уж точно, такое растерянное, как с перепугу.

— Выходи строиться!

Команда тотчас подхлестнула отстававших. Вышли во двор. Торопливо построились.

— Равняйся! Смирно! Шагом марш! Раз-два, левой. Раз-два, левой!

Так я стал бойцом 92-го погранотряда. Одно название что боец, поскольку на мне уже военная форма была. А представления о воинской службе еще никакого. Кто бы видел, как начиналось наше первое армейское утро!..

— Подъем! Бегом во двор строиться!

Не очень соображая спросонья, где брюки, а где гимнастерка, как узнать свои сапоги да еще успеть обмотать ноги портянками, мы суетились в казарме. Надо сказать, что нары в казарме были двухэтажными. Ну до чего же разнесчастными оказывались ребята, замешкавшиеся на том, втором, этаже после команды «Подъем!». Все вскочили, стоят в проходе, надевают брюки, гимнастерки, сапоги, а они, опоздавшие, елозят наверху, прыгнуть-то некуда, внизу сплошь спины да головы. И скулят несчастные жалобно-жалобно: «Хлопцы, ребята, товарищи пограничники, ну дайте прыгнуть, ну будьте людьми...» Ведь все понимали, что опоздание в строй чревато первыми осложнениями по службе.

Выскочили во двор — бегом на зарядку. Потом — строем в столовую на завтрак. Честно должен признаться, что и потом из всех часов внутреннего уставного распорядка, определяющего, когда и чем мы должны были заниматься, все же самыми приятными были те, что отводились на завтрак, обед и ужин.

Но главным, конечно, была учеба.

Первый месяц занятия проводились в казарме или за городом, но, конечно, не на границе. Ее мы пока не видели. Знали только, что Перемышль разделяется рекой Сан на две части — восточную и западную. Западная часть называлась Засанье. Сан был границей. И эта пограничная линия проходила как раз посередине реки. Не воображаемая, а действительная линия была, как нам говорили, прочерчена краской лишь посередине большого железнодорожного моста через Сан. По этому мосту ходили товарные поезда. Торговали с Германией честь по чести, как и следовало странам, подписавшим договор о дружбе.

Из письма домой 5 декабря 1940 года.

«Учеба у меня идет хорошо. Все время держу первое место по взводу. Балл общий — 4,8, как видите — неплохой. На днях у нас будут экзамены, затем дней через десять — двенадцать поедem на границу и приступим к своим непосредственным обязанностям — задерживать или «хлопать» нарушителей, бандитов, шпионов и других гадов. В общем, будет так, как пишут в книгах и газетах о пограничниках. Сами судить будем, выносить приговор и приводить его в исполнение...»

В город нас не пускали: «Зеленые еще, рано!» — говорил наш командир отделения.

— Ну и что? У нас петлицы зеленые, а у вас — фуражка...

— Вот то-то и оно, что у вас пока только петлички. Вот когда фуражки выдадут, тогда — порядок...

— А когда дадут-то?

— Ну не на зиму же! Сами понятие должны иметь! Такие разговоры ничего особенно не проясняли.

А вот зеленые фуражки действительно были нашей заветной мечтой. С какой завистью смотрели мы на командиров! Причем командиры, видимо, перешивали их на свой манер. И форма тулья не совсем соответствовала стандарту, да и козырек не горбился перед носом, а лихо торчал лопаточкой. Это явно был элемент самостоятельности, но, по всей вероятности, допустимой. К зиме стало заметно, что и командирские буденовки отличаются от наших. Особенно у нашего командира взвода лейтенанта Носикова. А как артистично он вскидывал руку к козырьку, показывая нам, как надо отдавать честь. Или как ловко в его руках играла винтовка с поблескивающим штыком, когда он громко и четко командовал сам себе: «На пле-чо! Раз-два!», «На ру-ку! Раз-два!», «К по-ге!» Это называлось делать «ружприемы». Но эта же винтовка с примкнутым штыком становилась жестокой, когда на занятиях по боевой подготовке глаза лейтенанта Носикова приобретали стальной блеск, губы сжимались в ниточку и, казалось, даже голос становился совсем чужим. «Длинным — коли!», «Коротким — коли!» — с каким остервенением он пропарывал штыком набитый соломой мешок, изображавший туловище ненавистного врага!

Особенно любил наш лейтенант бегать. И прививал эту любовь нам. Бегали мы в полном боевом облачении: в сапогах, шинели, с винтовкой, противогазом, двумя подсумками с патронами и двумя гранатами.

Как-то шагаем строем на стрельбище, располагавшееся за городом. Лейтенант наш идет чуть в стороне, приотстав на несколько шагов.

— Подтянись! Не растягивайся! Направляющий, короче шаг!

А минут через пять:

— Ну что тянетесь как от тещи с блинов? Направляющий, шире шаг! Раз-два, левой. Раз-два, левой... Взвод... газы!!!

Команда совершенно неожиданная. Услышав ее, надлежит как можно быстрее надеть противогаз. Вот тут-то и вспомнилась мне школьная тренировка в группе самозащиты. Едва успел зажать винтовку между колен, выхватить из противогазной сумки маску и, чуть приподняв шлем-буденовку, натянуть на лицо, не очень соображая, где нос и где очки, как тут же раздался голос нашего командира:

— Взвод, бегом ма-рш!

Да, это была крепкая проба сил. Не все выдерживали такую нагрузку и буквально через 200—300 метров срывали с головы маску, бледные, взмокшие, еле-еле переводя дыхание...

С великой благодарностью вспоминал я в такие минуты нашего школьного военрука — Палькевича. В то, теперь далекое, довоенное время в школах организовывались так называемые группы самозащиты. Их «бойцами» были учащиеся старших классов. В этих группах были звенья связистов, санитаров, противовоздушной и противохимической защиты. Палькевич организовал такие группы в нашей опытно-показательной школе имени Радищева. Мы тренировались по сигналу «Тревога» быстро собираться в подвале школы, разбирать и надевать положенное обмундирование. Я, как боец звена ПВО и ПВХО, «владел» противоипритным костюмом — здоровым желтым комбинезоном из толстой, чем-то пропитанной ткани с сапогами и капюшоном и, конечно, непременным атрибутом тех лет — противогазом. Соревнование на скорость облачения во все это было, по всей вероятности, одной из главных задач. Неважно, что при этом у кого-нибудь «нос» противогазной маски после громкой команды «Газы!» оказывался где-то возле уха, важно, что маска на голову надевалась в считанные секунды.

В таком «боевом» одеянии нам надлежало «тушить» зажигательные бомбы, «дегазировать» зараженные «ипритом» участки школьного двора. Должен прямо сказать, работали в этих звеньях и ребята и девочки с большим энтузиазмом. Свидетельством наших достижений тех лет служит чудом сохранившийся у меня приказ. Вот он:

Приказ
народного комиссара просвещения РСФСР
№ 349
от 17 февраля 1939 года

§ I

На проведенных, согласно постановлению Президиума Совета Осоавиахима СССР и РСФСР, а также моим указаниям, учебных соревнованиях ПВО школа № 336 им. Радищева Красногвардейского района г. Москвы заняла первое место по СССР среди учебных заведений. Группа самозащиты школы отлично справилась с выполнением своих обязанностей во время учений...

Далее следовал список руководителей и учеников школы, которым подписавший приказ народный комиссар просвещения РСФСР Тюркин объявлял благодарность. Была там и моя фамилия. В моей жизни это был, пожалуй, первый столь официальный документ, в котором я прочитал свою фамилию.

...В конце концов наша курсантская учеба завершилась. Сдали экзамены. В моей записной книжке сохранилась карандашная запись: «Политподготовка — 5, строевая — 5, матчасть — 5, служба — 5, физподготовка — 5, уставы — 5...»

После экзаменов принимали присягу. Я стоял в строю, сжимая вспотевшей от волнения рукой ложе нашей заслуженной русской трехлинейки образца 1891—1930 года. На всю жизнь запали в память священные слова: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических

Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии...»

Через несколько дней началось распределение по заставам.

— Пограничник Ивановский — застава № 9, пограничник Прибылов... — помощник начальника штаба отряда коротко и предельно четко определял судьбу каждого. Да, всего через полгода стало ясно, что судьба наша была определена именно в тот день, тем самым: «Пограничник Петров — застава № 14, пограничник Федотов — маневренная группа...»

Застава № 9, куда я получил назначение, располагалась километрах в двадцати севернее Перемышля вниз по течению реки Сан. Точный почтовый адрес был таким: Украинская ССР, Львовская область, Ляшковский район, п/о Дуньковице, погранзастава села Михайловка...

Местные жители были выселены, дома пустовали. Само село, все в садах, раскинулось вдоль Сана. Застава — метрах в полутора от берега. Чуть ниже по течению наш и противоположный берег реки связывал широкий металлический мост. К нему вела шоссе-ная дорога. Движения по мосту никакого не было. Граница. На нашей стороне у моста — высокая мачта. У ее основания, в деревянном ящичке — наш государственный флаг. Как говорили, на той стороне тоже у мачты лежит в ящичке флаг — немецкий, с фашистской свастикой. Это для вызова на переговоры в случае каких-либо инцидентов.

Нельзя сказать, чтобы участок нашей заставы был чересчур беспокойным. Задерживали, по словам «старичков», в основном контрабандистов. Они носили сахарин, золото, часы. В какой-то мере это относительное спокойствие объяснялось, вероятно, тем, что граница шла по реке, да и крупных населенных пунктов на нашей стороне близ границы не было. Не так-то легко скрыться у нас нарушителю, смешавшись с толпой или выйдя на бойкую

дорогу. Во всяком случае, за год на нашей заставе задержаний было немного. Не то что на перемышльской — городской: там за тысячу перевалило. На одном из занятый политрук Крохалев нам об этом сказал. Вот на той заставе бойкая шла работа! Ничего не скажешь. А еще он говорил, что появился на границе новый вид нарушителей — тергруппы. Задачу они имели единственную: перейдя границу, укрыться где-нибудь недалеко от дозорки — тропы, по которой наш наряд пойдет, — дожидаться пограничников и убить их из маузеров, в упор. А тела потом утащить на свою сторону: «Ваши пограничники нарушили границу и в перестрелке были убиты!» А это уже погранинцидент. Как выяснилось позже, террористы таким образом добывали с определенной целью подлинные документы наших пограничников, обмундирование и наше оружие...

Дорога через мост уводила на ту сторону, к небольшому городку Радымно и дальше к городу Ярославу. Как-то, рассматривая карту, я прикинул: от Радымно до нашего Львова по шоссе всего-то сотня километров. Чуть больше, чем от Перемышля. Действительно, два шоссе — одно от Перемышля, второе через участок нашей заставы — устремлены прямо на Львов, а оттуда на Винницу и Киев. Но тогда я отметил это просто так, не подозревая того, что через полгода эти километры станут первыми километрами смерти на нашей земле. Ничего мы тогда не могли предполагать, ничего...

«...Есть, приказано выступить на охрану границы Союза Советских Социалистических Республик...» Я повторил слово в слово приказ помощника начальника заставы лейтенанта Трусова.

День был ясный, кругом снежная целина. Ни к хатам, ни к сарайчикам — ни одной тропинки, ни одного человеческого следа. Только заячьи да лисьи. Ну а под такие

следы нарушители подделываться еще не научились. Четыре часа прошли незаметно. К двум часам дня нас должны были сменить. К этому времени обычно наряды невольно подтягивались к началу своих участков, чтобы, сменившись, поскорее вернуться на заставу. Да и время это было обеденным. Так что наше нетерпение можно было понять.

Без пяти два на тропинке из-за большого яблоневого сада показались две фигуры. Наши. Подошли ближе, встретились.

— Давай-ка, парень, на заставу бегом, замполит тебя срочно требует! — не расспросив даже о том, как прошло наше время, с ходу бросил мне старший смены.

— Зачем?

— Не знаю. Приказал передать, чтобы сразу к нему, а потом уже обедать и отдыхать. Понял?

Через пятнадцать минут я уже был в канцелярии у замполита.

— Товарищ младший политрук, пограничник Ивановский...

— Вольно, вольно, — остановил он меня, — в пятнадцать ноль-ноль быть готовым к поездке в комендатуру. Там сегодня комсомольское собрание. Вам, как комсorghу заставы, необходимо быть там. Вопросы будут?

— Есть, быть готовым к пятнадцати ноль-ноль. Что взять с собой?

— Комсомольский билет, естественно, и оружие. Все. Выполняйте. Машина будет.

Основным вопросом повестки комсомольского собрания нашей третьей комендатуры было: «Повышение авангардной роли комсомольцев в охране государственной границы». Доклад делал заместитель коменданта по политчасти политрук Лебедев.

Вторым был оргвопрос — довыборы в состав комсомольского бюро комендатуры из числа прибывшего на заставу пополнения.

Вот тут-то меня и подстерегал сюрприз. Совершенно неожиданно кем-то из президиума была предложена моя кандидатура. «Откуда меня-то знают? — пронеслось в голове.— Ведь я же на заставе без году неделя». Но все уже дружно голосовали «за». Так в марте 1941 года я стал членом комсомольского бюро нашей комендатуры.

В ночь с 11 на 12 апреля 1941 года...

В ночь с 11 на 12 апреля 1961 года... Для всех людей планеты это была обычная ночь. Необычной она была лишь для людей в зааральских степях космодромных. Мы понимали, что свершается необычное, чего не делал никто никогда. Но здесь, на космодроме, обстановка не побуждала к необычному восприятию происходящего. Она была строгой, деловой, будничной. Мы делали свое дело — готовили к старту ракету с кораблем-спутником «Восток». Необычность происшедшего пришла в сознание только 12 апреля 1961 года.

...В ночь с 11 на 12 апреля 1941 года мы с напарником Юсовым получили задание выйти на охрану государственной границы в район моста через Сан и занять место в секрете, неподалеку. Это место мы хорошо знали. Из канавы, под прикрытием буйно разросшихся кустов, хорошо просматривался весь наблюдаемый нами участок.

В секрете одна задача: смотри, слушай, дыши в полнотри, не вздумай чихнуть или кашлянуть. Если простудился — в секрет не пошлют. Ложились всегда спина к спине, чтобы смотреть в разные стороны. Впрочем, ночью больше слушаешь, нежели смотришь, — темно. Видны лишь знакомые силуэты моста и деревьев на фоне неба.

Я уже рассмотрел однажды днем, что ровно посередине моста действительно белой краской проведена пограничная черта. А поперек моста растянута густой витушкой

колючая проволока — «спираль Бруно», как ее называли. Вот и все препятствия на стыке двух государств.

Ночь была тихая. Небо в тучах, но дождя не было. Первый час прошел спокойно... Я лежал лицом к мосту. Было по-прежнему тихо. Лишь изредка доносился с той стороны собачий лай из Радымно. Прошел, наверное, еще час, а может, и больше. Часов-то ни у меня, ни у Юсова не было. В какой-то момент мне показалось, что в переплетах моста движется некое темное пятно. Напряг зрение — нет, вроде ничего не видно, значит, показалось. Прошло еще с десяток минут. Не свожу глаз с моста. Нет, не померещилось! Действительно, по мосту, чуть пригибаясь, осторожно идет человек!..

Сердце сразу забилося так сильно, что показалось — его слышно и на мосту. Я легонько щелкнул прицельной рамкой на винтовке — знак напарнику: «Внимание!» И тут же интуитивно почувствовал, как дрогнула спина Юсова. Он осторожно повернулся лицом ко мне. Я кивнул в сторону моста и по движению его головы понял, что он тоже заметил силуэт. Не шевелясь и даже стараясь как можно тише дышать, словно и дыхание наше можно было услышать за 200 метров, мы сосредоточенно ждали, что же будет дальше.

Предприимать что-либо пока рано. Нарушитель мог тут же вернуться на свою сторону. А стрелять в него без предупреждения не положено, а потом и пули бы полетели на ту сторону, а это уже пограничный инцидент. Оставалось одно — ждать.

Человек продолжал идти по мосту. Он не маскировался, не полз, не прятался. Шел открыто, но осторожно. В голове промелькнуло: «Умело идет!» Стало быть, не просто местный житель к родне на нашу сторону решил пожаловать. Цель у него какая-то другая.

Осторожно пробравшись через проволочную спираль, нарушитель перешел на нашу сторону. Мы продолжали наблюдать. На заставу, дежурному, о нарушении границы

я доложить не мог. И телефонная трубка у меня была, и рядом, метра за четыре, в одном из пней, прикрытое куском коры телефонное гнездо, но воспользоваться телефонной связью я не рискнул. Голос наверняка спугнул бы нарушителя — уж слишком тихая была ночь.

Человек сошел с моста, осмотрелся вокруг и, видимо не заметив ничего подозрительного, подошел к мачте. Он был в сотне метров от нас. И тут мы скорее догадались, нежели увидели, что у мачты он открывает ящик, где лежит наш флаг. Тишину нарушил треск разрываемой материи.

«Ну, это уж слишком!» — от негодования у меня даже испарина выступила на лбу. Нужно было что-то срочно предпринимать. Я притянул Юсова к себе, зашептал ему на ухо:

— Лежи здесь, следи. Я отползу ближе к реке. Огнем отсечь, если обратно на мост пойдет... Если сюда, по дороге, подпусти на штык, понял? И оклики тихо, шепотом, понял? Как учили...

Чуть ли не врываясь носом в сырую весеннюю землю, я пополз по дну канавы, заросшему кустами. Канавка тянулась от нашей «берлоги» до берега Сана. Мост оставался правее. То, что нужно. Я прополз метров тридцать. Слышнее стало тихое, мирное побулькивание воды в реке. Течение-то здесь небыстрое. Осторожно приподнял голову. Силуэт нарушителя отчетливо виднелся все там же, около мачты. У меня внутри все кипело: вот сволочь! Так надругаться над нашим флагом! Да и что ему здесь надо, у нас?

А главное, идет по нашей земле эдак по-хозяйски, будто по собственному парку прогуливается. Ну, пусть, пусть пройдет еще шагов тридцать — сорок, и я окажусь между ним и мостом. Только бы Юсов раньше времени его не спугнул, не выдал себя!

Прошло еще несколько томительных минут... Я сдерживал себя из последних сил. Наконец раздался сдавленный окрик Юсова:

— ...ой! — это было все, что осталось от грозного и властного «Стой!».

Нарушитель от неожиданности вскрикнул, прижался к кустам. Меня пружиной выбросило из канавы. Пробежать два десятка метров и встать за его спиной, выставив вперед штык, было делом секунд.

— Руки! Брось оружие!

— Ниц сброи, то-товарищу, нимае, ниц! — не очень уверенно, но при этом излишне громко, как мне показалось, ответил задержанный.

— Юсов, обыщи!

На той стороне сразу послышались голоса, какая-то возня, и тут же все смолкло. Положив нарушителя на землю лицом вниз и оставив около него Юсова, я пошел к тому заветному пню с телефонным кабелем. Доложил дежурному по заставе о задержании. Поскольку мы здесь себя уже открыли, да и время наряда подходило к концу, дежурный разрешил нам самим конвоировать нарушителя на заставу.

Кем он оказался, узнать мне так и не довелось. Утром меня разбудил дневальный:

— Вставай, быстро к начальнику.

— Товарищ начальник, пограничник Ивановский...

— Вольно-вольно! Молодцы вы с Юсовым. Поздравляю с первым задержанием. Только, наверное, поспешили вы малость. Может быть, за ним еще гости бы пожаловали. Ну да ничего. Вечером при всех благодарность объявим. А пока... — и тут лейтенант Слюсарев протянул мне листок бумаги.

«Пограничника Ивановского О. Г., — прочитал я, — откомандировать в штаб отряда для отправки в школу МНС служебного собаководства. Начальник штаба отряда капитан Агейчик».

Сдав оружие и получив нужные бумаги, вечером я уехал с заставы в Перемышль. А уже на следующий день

паша сборная команда выехала в город Коломыю, тогда Станиславской области.

При распределении собак мне досталась красивая, рослая овчарка. Звали ее Ашкарт. Началась учеба. Распорядок дня выглядел примерно так: в 7 часов подъем, бегом на зарядку, на зарядке — бег, с зарядки бегом на собачью кухню, оттуда с бачками с едой бегом к собакам в вольеры, оттуда бегом с пустыми бачками обратно на кухню и бегом в казарму. Умывшись, бегом на завтрак и с завтрака бегом на занятия. Да и на занятиях 80 процентов всего времени занимал бег. На территории школы в свободные от занятий часы разрешалось ходить или строевым шагом, даже если шел один, или бежать. Так нас готовили к работе с собаками на границе.

У нас с Ашкартом установилось полное взаимопонимание. Я не без гордости представлял, как после учебы приеду с ним на заставу. Дух даже захватывало!

До окончания школы оставалось всего несколько месяцев...

Прошел май, стоял жаркий, сухой июнь. В первых числах, получив увольнительную, я с тремя товарищами выбрался в город. Надо было сфотографироваться, чтобы потом послать домой свои «фотокопии».

В следующее воскресенье, 15 июня, в город за карточками выбраться не удалось.

— Не прокиснут ваши фотографии. Пойдете двадцать второго, а сегодня другим надо сходить,— изрек тоном, не допускающим возражений, наш старшина.

Отступление

...Сильные взрывы смели нас с коек. Окна в казарме за какое-то мгновение остались без стекол. Недоуменно глядя друг на друга, спросонья мы ничего не могли сообразить. Было около пяти часов утра. С улицы доносился

разноголосый собачий лай. Наспех одевшись, мы все выскочили во двор.

— Дневальный! Ко мне! — крикнул наш старшина.

Бывший на посту курсант подбежал, остановился по уставному в двух шагах и четко произнес:

— Дневальный курсант Михальцов. За время несения службы происшествий не было!

— Как это — не было? А что за взрывы? Стекла из окон выбиты...

— Да кто их знает, — спокойно ответил Михальцов, — это на аэродроме. Наверное, учеба была, ну и не рассчитали ребята.

— Я же вам говорил, — поддержал один из курсантов, — что они кидать бомбы ночью будут. Ничего и не увидим...

— А какой самолет летал? — продолжал допытываться старшина.

— Да не наш «ястребок». Какой-то двухмоторный. Санитарный, наверное. Кресты на нем были...

— Как «кресты»??

— Да на крыльях нарисованы.

— На крыльях кресты? — переспросил я. — Ребята, если на крыльях кресты — это немецкий самолет... — сказал и сам испугался.

— Вы что, товарищ курсант, — вперив в меня неморгающие глаза, стальным голосом произнес наш старшина. — Вы что, не знаете, что у нас с Германией договор о дружбе? Вы что, на политподготовке спали? Я вам что читал? Или вы специально?..

— Товарищ старшина. Разрешите доложить... Я тоже помню, на плакате видел, — кто-то из курсантов осмелился вмешаться в разговор, грозивший закончиться большой неприятностью, — это у немцев на самолетах такие опознавательные знаки...

— Отставить разговорчики! Марш в казарму. И спать до подъема! Потом разберемся...

Сразу ни улеться, ни успокоиться не смогли. Но до подъема все было тихо. Никаких тревог. Поскольку 22 июня приходилось на воскресенье, то подъем полагался на час позже обычного.

Встали в восемь. Надрав до блеска курсантские кирзачи и подшив свежий подворотничок, я вместе с тремя товарищами предстал перед старшиной на предмет внешнего осмотра. Обещана же нам была увольнительная в город на прошлой неделе! Замечаний по внешнему виду не оказалось. Только на меня старшина как-то подозрительно покосился, очевидно вспомнив те крамольные слова, произнесенные на рассвете.

— Чтоб к шестнадцати ноль-ноль были на месте! Ясно?

— Ясно, товарищ старшина! Есть быть на месте в шестнадцать ноль-ноль.

И мы зашагали к большаку, проходившему неподалеку. Большак удивил нас необычной оживленностью. И прежде всего — колонной грузовиков с красноармейцами в касках, с винтовками в руках. Причем лица у всех какие-то сосредоточенные, строгие. И едут непривычно молча, без песен. Как-то тревожно стало. Но прошла эта колонна, улеглась поднятая машинами пыль. Мы зашагали дальше. Навстречу попадались только повозки, или, как их здесь называли, фурманки, с местными жителями.

— Ну, на базар тронулись,— заметил один из нас.

Среди повозок, двигаясь еле-еле, не имея возможности обогнать их, урчала мотором трехтонка. На подножке, держась за полуоткрытую дверцу, стоял военный в зеленой пограничной фуражке.

Мы поравнялись с машиной. Командир, а мы разглядели три кубика на его петлицах, посмотрел в нашу сторону и вдруг хриплым голосом крикнул:

— Стой! Откуда? Из школы? Кру-гом! Бегом в расположение школы! Приказываю... немедленно кругом!

В выражении лица и в интонациях его голоса было что-то такое, что не позволяло допустить и тени сомнения в необходимости беспрекословного выполнения приказа.

Вбежав в расположение школы, мы, к немалому удивлению, увидели наших товарищей стоящими в строю. Только-только успели занять свои места, как из двери здания вышел тот самый старший лейтенант, который вернул нас.

— Товарищи курсанты...— голос его осекся, он закашлялся, но уже через мгновение продолжил: — Товарищи курсанты. Сегодня в три часа немецко-фашистская Германия напала на нашу страну. На границе идут бои. Жестокие бои.

Война... Как война? Почему? Ведь договор же... Как же теперь? Нет, этого не может быть. Это какая-то провокация! Ну, прорвался кто-то через границу — чего не бывало... Отбросят наши ребята. Части Красной Армии подойдут. Вон утром через мост сколько машин с пехотой прошло — с десяток или больше... Нет, не может быть... Война... Что же сейчас в Перемышле? На нашей заставе? Ведь там мост через Сан. Что там? Как мои товарищи? Ведь я мог быть там, с ними...

«Беспримерны мужество и героизм, которые проявили в этих неравных боях советские пограничники. О том, как они сражались в первые часы войны, можно судить хотя бы по действиям 9-й заставы 92-го отряда. На рассвете ударный отряд противника атаковал пограничные наряды этой заставы, находившиеся у моста через реку Сан в районе Радымно (18 километров севернее Перемышля), и, захватив мост, окружил их. Личный состав заставы в количестве 40 человек под командованием начальника заставы лейтенанта Н. С. Слюсарева в результате рукопашной схватки отбросил врага с советской территории и занял мост. Затем мост вновь был атакован

разведывательным отрядом одной из пехотных дивизий 52-го армейского корпуса 17-й немецкой армии при поддержке 10 танков. Пограничная застава отразила первую атаку пехоты, но была целиком уничтожена прорвавшимися через мост танками»¹.

Такова судьба моей заставы. И если бы не учеба, я был бы там, среди своих ребят, которые первыми приняли бой за нашу землю. Никого из них не осталось в живых, поэтому некому рассказать о тех страшных утренних часах на берегу Сана 22 июня 1941 года. Почти не оказалось и документов, по которым можно было бы восстановить цепь событий: некогда было писать донесения о боях, некому было их передавать. Уже после войны, считая своим долгом хоть что-то узнать и рассказать об участии моей 9-й погранзаставы, я разыскал скудные документальные свидетельства того трагического момента начала военных действий в районе Перемышля.

В дни, предшествующие началу военных действий, за Саном продолжалась концентрация немецких войск. Агрессивность и наглость гитлеровцев росли с каждым днем: самолеты ежедневно безнаказанно нарушали воздушную границу. Стрелять же по самолетам категорически запрещалось.

В апреле кульминационным моментом на участке нашего 92-го отряда была переброска шестнадцати человек в красноармейской форме из диверсионной дивизии «Бранденбург» для наблюдения за строительством оборонительных укреплений. Эта группа была обнаружена и оказала отчаянное вооруженное сопротивление. Дело закончилось тем, что одиннадцать диверсантов были убиты, пятеро задержаны.

11 июня погранотряд 14-й городской заставы в Перемышле обнаружил телефонный кабель, проложенный под водой через Сан.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1960, т. 2, с. 13.

В ночь на 20 июня пробравшаяся через границу группа диверсантов из двенадцати человек, вооруженных автоматами, пистолетами и гранатами, снабженных взрывчаткой и авиаполотнищами, была задержана. На допросе диверсанты показали, что 22 июня фашистская Германия нападет на СССР.

Вечером 21 июня точно по расписанию от станции Перемышль отошел на запад поезд с горючим и строевым лесом. Дежурный по городской погранкомендатуре старший политрук Тарасенков позвонил на левобережную часть станции и спросил, почему нет встречного поезда из Германии. Ему ответили: «Ждите утром!» А утром 22 июня 1941 года, около четырех часов, немецкие войска внезапно открыли сильный артиллерийский огонь одновременно по участкам 2, 3 и 4-й комендатур, штабу отряда и дорогам, ведущим в наш тыл. В первые же минуты была нарушена связь со штабом войск и комендатурами. После артподготовки немцы перешли в наступление. Основные силы они сосредоточили у железнодорожного моста. Туда был направлен с пятью пограничниками заместитель начальника Перемышльской заставы лейтенант Петр Нечаев.

Для захвата моста фашисты бросили свыше роты. Наши пограничники не стреляли — ждали, пока враг достигнет середины моста и передние ряды переступят красную черту, обозначающую границу. Лишь после этого Нечаев приказал открыть огонь. Восемь атак предприняли гитлеровцы до полудня и каждый раз откатывались с большими потерями. Потерпев неудачу в лобовых атаках, командование противника бросило в обход группы Нечаева несколько отрядов автоматчиков на резиновых лодках. Одновременно последовали новые прорывы через границу на мосту. К тому времени, когда противнику наконец удалось форсировать Сан, на мосту был в живых только лейтенант Нечаев. Гитлеровцы окружили раненого лейтенанта, надеясь захватить его живым.

Нечаев выхватил гранату. Грохнул взрыв. Рядом с лейтенантом упали несколько фашистских солдат и офицеров.

Из донесения начальника погранвойск Украинского округа:

«...г. Львов. 22 июня 1941 г.

...По участку Перемышльского погранотряда. В 9.35 бомбардировка Перемышля продолжается. Связь со штабом корпуса потеряна. Все части на основании якобы приказа командования корпуса отошли за Перемышль. Немцы заняли Дуньковице, Неновичи...»

Вот, пожалуй, и все, что мне удалось найти о родной «девятке» среди официальных документов и воспоминаний.

Хотя нет, есть еще один любопытный материал. В книге замечательного советского военачальника, командующего фронтом Маршала Советского Союза Ивана Христоворова Баграмяна «Мои воспоминания», выпущенной в 1979 году ереванским издательством «Айастан», я обнаружил следующее:

«Мужественно дрались пограничники Перемышльского отряда, которым командовал подполковник Я. И. Тарутин... К нам в плен попал немецкий фельдфебель, который участвовал в атаках на 9-ю пограничную заставу лейтенанта Н. С. Слюсарева. На участке этой заставы находился мост через реку Сан (восточнее Радымно). Показания гитлеровца были записаны фронтовым корреспондентом Владимиром Беляевым. Привожу эту запись.

«До сих пор,— сказал фельдфебель,— располагаясь поблизости от советской границы, мы слушали только песни советских пограничников и не предполагали, что люди, поющие так мечтательно, протяжно, мелодично, могут столь яростно защищать свою землю. Огонь их был ужасен! Мы оставили на мосту много трупов, но так и не овладели им сразу. Тогда командир моего батальона

приказал переходить Сан вброд — справа и слева, чтобы окружить мост и захватить его целым. Но как только мы бросились в реку, русские пограничники и здесь стали поливать нас огнем. Потери от их ураганного огня были страшными. Нигде — ни в Польше, ни во Франции не было в моем батальоне таких потерь, как в те минуты, когда порывались мы форсировать Сан. Видя, что его замысел срывается, командир батальона приказал открыть огонь из 80-миллиметровых минометов. Лишь под его прикрытием мы стали просачиваться на советский берег. Наша тяжелая артиллерия уже перенесла свой огонь в глубь советской территории, где слышался рокот танков. Но и находясь на советском берегу, мы не могли продвигаться дальше так быстро, как того хотелось нашему командованию. У ваших пограничников кое-где по линии берега были огневые точки. Они засели в них и стреляли буквально до последнего патрона. Нам приходилось вызывать саперов. Те, если им это удавалось, подползали к укреплениям и подрывали их динамитом. Но и после грохота взрывов пограничники сопротивлялись до последнего. Нигде, никогда мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства. Мы уже обтекали огневую точку, двигались дальше, однако никакая сила не смогла сдвинуть двух-трех пограничников с их позиции. Они предпочитали смерть возможности отхода. Советского пограничника можно было взять только при двух условиях: когда он был уже мертв либо если его ранило и он находился в тяжелом, бессознательном состоянии... В нашем батальоне насчитывалось тогда 900 человек. Одними убитыми мы потеряли 150 человек. Больше 100 получили ранение. Многих понесло течением, и в суматохе мы так и не смогли их вытащить на берег...»

Нужны ли комментарии к этому признанию немецкого фельдфебеля? А ведь на девятой заставе было всего сорок человек, и вооружены они были лишь винтовками, гранатами и парой ручных пулеметов...

* * *

«По телефону из Львова...

24 июня 1941 г. 20 час.

...По состоянию на 9.00 24 июня 1941 г. ...На участке [Коломыйской] комендатуры выброшен германский парашютный десант в числе 50 человек, одетых в пограничную форму и гуцульскую одежду. 35 человек из этого числа взяты в плен, остальные разыскиваются».

29 июня танковые части противника блокировали города Станислав и Львов и, зайдя нам в тыл, отрезали пути подвоза боеприпасов и питания.

30 июня был получен приказ оставить границу...

1 июля. Школа как разворошенный муравейник. Кто-то куда-то бежит, кто-то что-то тащит — вороха обмундирования, учебные винтовки.

— Куда?

— Командир велел в колодец бросить...

— Вторая рота, бегом к вещевому складу! Кто хочет сменить сапоги — можно взять командирские яловые...

Это уже совсем неожиданно. Нам, курсантам, — и командирские сапоги? Поддался этому искушению и я. Снял свои кирзачи, уже повидавшие виды за девять месяцев службы, надел новенькие кожаные.

Рядом с вещевым — продуктовый склад. Там на три повозки курсанты грузили какие-то мешки и ящики.

Часов в девять вечера дежурный вызвал командиров взводов к начальнику школы. Вернулись они быстро. По лицу нашего старшины нетрудно было догадаться, что принесенное им известие нельзя отнести к разряду обычных.

— Третий взвод, ко мне!

Построились быстро.

— Товарищи курсанты, — старшина запнулся. — Товарищи курсанты, обстановка очень сложная. Вы знаете, что уже восьмые сутки на нашем участке границы идут бои. Коломыя окружена. Получен приказ: сегодня оста-

вить город... Да, ребятки,— голос у старшины дрогнул,— не думалось, что такое получится... Задача,— резко произнес он,— собраться быстро, взять с собой винтовку, два подсумка патронов, гранаты, противогаз, шинель в скатку, флягу для воды, вещмешки с личным имуществом. Собак — на коротких поводках, но длинные тоже взять. А также щетки и скребницы... Ничего лишнего не брать! Ясно? Сам проверю. Выступаем в двадцать три ноль-ноль. Разойдись!

В двадцать три ноль-ноль мы уже стояли в колоннах повзводно, с собаками на коротких поводках. Из города дописился раздражающий душу вой сирен воздушной тревоги. Над Коломеей полыхало зарево. Горела нефть... Чей-то пес тоскливо завыл...

— Школа-а! — донеслось от головы колонны, — шагом... арш!

Не очень держа равнение, тронулись. За нами потянулись повозки с продуктами, еще с какими-то вещами и походная кухня на паре лошадей.

Немецкие и венгерские войска к вечеру 1 июля практически окружили город. Кольцо оказалось незамкнутым лишь на одном участке в несколько километров. Это нас и спасло. При вооружении, которое мы имели, это мог быть наш первый и последний бой.

Где фронт? Где части Красной Армии? Когда же она наконец остановит немцев, погонит их на запад, назад, за границу?! Ведь прошло уже восемь суток! Восемь... И верно ли говорят, что немцы уже где-то под Ровно? Но почему тогда у нас тут боев не было? Говорили как-то, что на другой окраине города немцы сбросили авиадесант и одеты их солдаты в нашу пограничную форму. Но будто бы городская комендатура их быстро переловила. Может, не завтра послезавтра вся война и кончится? Зачем же тогда отходить? Зачем же столько всего в школе сожгли и бросили? Разные путанные мысли приходили в голову. Информации-то у нас, рядовых, никакой не было, сводок

информбюро по радио никто не слышал. Где оно, радио-то? А слухи ходили один страшнее другого: об отступающих и окруженных, о погибших заставах и разбомбленных эшелонах. Такое даже слушать было страшно, не то что обсуждать. Вслух и не говорили. Помилуй бог, это же провокация, паникерство! А дома что? Уже две недели я не получал писем от родных. И о себе ничего не сообщишь. Нас предупредили: не пишите, почта все равно не работает...

Мы отходили к северо-востоку, в сторону Киева. Направление становилось известным по мере того, как оставались позади города, городки и села Западной Украины. Коломыя — Городенка. Почти 40 километров. Это был наш первый ночной переход. 3 или 4 июля где-то между Городенкой и Гусятиным мы перешли Збруч. Эта река была нашей старой границей.

Жаркий, душный день. Дорога запружена машинами, повозками. По обочинам — люди. Задыхаясь от пыли, изнывая от палящего солнца, идут бесконечной то редющей, то густой цепочкой люди, тащат тачки с домашним скарбом, собранным и напиханным как попало, — тут и узлы, и сундуки, и самовары, и иконы. Рядом волочится коза или корова. Плачут дети, уставшие, испуганные. Скольких же людей война отправила в это горестное шествие. И кто из этих несчастных, сорванных войной со своих родных мест, был готов к эвакуации? Да и слово-то это разве часто приходилось слышать?.. И что говорить о беженцах, если даже военные не знали, как надо отступать. Разве этому учили? Красноармейцев учили бить врага на его территории.

Кое-где среди беженцев — в основном женщин, стариков и детей — раненые красноармейцы в бинтах и повязках, давно уже потерявших белый цвет. На выгоревших гимнастерках белые пятна соли. За спинами тощие, пропыленные вещмешки — «сидоры». На поясе невесомо болтаются пустые фляги. Куда ни кинешь взгляд — везде

брошенные вещи, порой даже каски, противогазы. Брошены бесполезные грузовики — нет бензина. За кюветом па трех ногах лошадь. Тут же, в воронке от бомбы, вспухшие трупы еще двух лошадей. Жестокие следы, оставленные фашистскими летчиками...

Внезапно, обвалом, — рев моторов, и тут же истощный вопль: «Возду-у-ух!» Прямо над нами пронесся краснозвездный «ястребок». За ним три «мессера». Но наш истребитель принял бой. Самолеты закружились в небе. В сипеве потянулись серебристые бегущие пунктиры, с запозданием раздались выстрелы.

Через минуту наш самолет выбросил желтый язычок огня, окутался дымом. Из леска поднялся и поплыл багрово-сизый гриб. Три «мессера», воя моторами, пронеслись над нами, развернулись и со стороны солнца один за другим пошли в пике, строча из пулеметов. Видимо, выбрали себе цель, показавшуюся им важнее нашей колонны и толпы беженцев.

«А где же наши?» — тщательно вглядывались люди в синеву. Разве мы знали, что наша авиация накануне вражеского нападения была сосредоточена на старых аэродромах близ границы, что за половину дня, того страшного дня 22 июня, фашистскими летчиками было уничтожено 1200 советских самолетов?

Все это стало известно значительно позже, а пока, выполняя приказ, мы шли и шли. Страшно изнуряли переходы по 40—50 километров в сутки с короткими привалами. Сон стал похожим на глубокий обморок. Еле шли не только мы, но и наши собаки. По совету командиров во время передышек в кюветах мы обычно поднимали вверх ноги, чтобы оттекала кровь. Точно так же стали поступать и собаки. Лягут на спину — и все четыре лапы вверх. А ведь их-то никто этому не учил!

Гусятин, Дунаевцы, Ялтушков, Бар, Жмеринка... Мы уже еле-еле переставляли ноги. Гимнастерки мокрые, от пота во рту солоно. Как хотелось присесть, а еще боль-

ше — прилечь! Но шагали, шагали, и конца той дороге не было видно. И вот когда уже казалось, что никаких сил не хватит еще раз, два или три переставить налитые будто свинцом ноги, от головы колонны перекатом долетало: «Прива-а-ал!» И сразу кто где стоял, там и падал. И — тихо. Никто не шутит, не ворчит... Сколько минут будем лежать? Пять? Десять? Между командами «Привал!» и «Встать, строиться!» время точно отмерено. Но эту меру знают только командиры...

Постоянно мучила жажда. Боже, как хотелось пить! О еде-то уже и забывать стали. Что за еда — один сухарь и два кусочка сахара на день. Это и завтрак, и обед, и ужин. Пожевал на привале отломанный от сухаря кусочек, запил водой, если есть во фляге, сдвинул скатку с плеча под голову... и провалился в небытие до команды «Встать!». Как только команда раздастся — опять шею в скатку, как в хомут, винтовку на ремень, собачий поводок на левую руку. Вещмешок — неизменный «сидор» — всегда на спине. И опять шагать, шагать, шагать...

Выходить из строя категорически запрещалось, не говоря уж о том, чтобы срывать с ветки десяток черешен или начавших уже поспевать вишен. При нашем более чем скудном рационе это могло быть неплохим подспорьем. Но... пельзя! За мародерство — под трибунал! Таков был приказ.

Выполняя строжайший приказ командования: «В бои не ввязываться, двигаться как можно быстрее в Киев», мы продолжали шагать. Пошли девятые сутки, десятые...

13 или 14 июля мы брели по дороге между Сквирой и Белой Церковью. Приближалась ночь. Неожиданно товарищ, шедший за мной, вполголоса сказал:

— Ты, кажется, штык потерял...

Протянув руку и ощутив ствол винтовки, я убедился: штыка нет. Лоб сразу покрылся испариной. Что же теперь будет? Может, доложить старшине? Или скрыть? Но ведь это же оружие...

Выйдя из строя, я с трудом обошел человек десять и, поравнявшись со старшиной, с дрожью в голосе произнес:

— Товарищ старшина... Я где-то потерял штык.

— Что-о?! Как потеряли?

— Не знаю. Наверное, на привале. А мне только сейчас Михайлов сказал.

— Штык найти. Иначе — под трибунал. Ясно? Все! Легко сказать — найти. А как его найдешь ночью?

Зашагали мы с Ашкартом обратно. Нас ждать, конечно, никто не стал.

Я шел и со злостью думал: «Вот, стремился с немцами грудь в грудь сойтись — воюй теперь!» А ночь, прямо сказать, выдалась беспокойнее прошедшей. Пулеметные и автоматные очереди раздавались совсем рядом. Где же может быть этот проклятый штык?.. Штык или трибунал... Жуть какая-то!

Пес мой часто останавливался и с тревогой оглядывался назад. Все его собачьи друзья ушли, а его хозяин тянет куда-то совсем не туда.

Не помню, да я тогда не очень-то представлял, сколько отшагали мы по шоссе, как вдруг сапогом я поддел что-то металлическое. Нагнулся, пошарил — штык. Штык! Счастье-то какое! Как-то сразу и силенок прибавилось. Повернули мы с Ашкартом назад. Только бы догнать своих! Ашкарт уже не оглядывался, а тянул поводок вперед, словно понимал, что догнать надо во что бы то ни стало.

На шоссе было совсем пусто. Ни машин, ни повозок, ни людей. Не могли же наши уйти за это время так далеко вперед! Силы-то у всех на исходе. Догоним. Должны догнать. Вскоре Ашкарт стал тянуть сильнее и тихонечко повизгивать. Ну, значит, учуял или услышал своих. Так и оказалось: Догнали-таки мы с ним ребят, замыкавших нашу колонну. Идти дальше, обгонять почти весь строй, чтобы дойти до своего места, сил уже не хватило. Так и поплелись последними.

Не помню, сколько времени прошло, когда по цепи передали вполголоса: «Привал». Тут же в кювете упал я, словно подкошенный. И дальше не помню ничего до того момента, пока не почувствовал, что кто-то настойчиво дергает меня за ногу. Дергал, тихонечко повизгивая, Ашкарт. Совершенно автоматически, когда остановились, я в последний момент надел петлю поводка себе на ногу. Так учили. Вот и пригодилось. Огляделся. Рядом никого. Ушли? Когда? Сколько минут я спал или был без сознания? Кто знает. Ашкарт очнулся первым и растормошил меня.

Стрельба была совсем близко... Да, если бы не Ашкарт, быть бы мне у немцев. А они, известно, зеленые пограничные петлицы не жаловали.

На восемнадцатые сутки, едва не попав под немецкий десант, мы миновали Васильков. После одного из привалов я никакими силами не смог поднять Ашкарта и заставить его идти. Страшно было смотреть на его разбитые, кровоточащие лапы. Он жалобно скулил и безнадежно силился ползти.

Подожел старшина.

— Ну что тут у вас опять, товарищ курсант?

Я молча показал на собаку. Старшина покачал головой:

— Да, жалко, конечно, но придется пристрелить. Дальше не пойдет. А хороший был пес...

Не знаю, откуда у меня взялась решимость, но голосом, дрогнувшим от любви к верной собаке, упрямо, сквозь зубы, я процедил:

— Стрелять Ашкарта не дам... Не дам!

— А вас и спрашивать-то не спрашивают. Он идти не может, это вам ясно?

— Ясно. Я понесу его.

— Да вы сами-то еле ноги волочите.

— Я его понесу...

Через Киев, до Броваров я нес Ашкарта на себе, и даже лапы ему перевязать оказалось нечем.

В Броварах, в сосновом бору, собрались все пограничные части и отдельные группы пограничников, вышедшие из окружения или выведенные из боев. Стоять на ногах у нас уже сил не было.

Позади остались почти 600 километров горя, крови, пожаров, смертей, ужаса. 600 километров злобы и ненависти, растерянности и недоумения...

Через несколько дней поступил приказ: передислокация в Харьков. Собак было приказано оставить в Броварах. Прощай, Ашкарт. Вот и конец нашей испытанной дружбе. Да не скули ты, и так тошно...

В Харькове, в расположении пограничного училища, собрались наши курсанты и курсанты строевой школы младшего начсостава погранвойск, которых война застала неподалеку от Перемышля. Участь многих из них оказалась куда тяжелее нашей. Нас объединили. Начались занятия. Прошел август, сентябрь. В начале октября состоялся выпуск. Я стал младшим сержантом. Предстояло распределение. Новым местом моей службы стал 18-й погранполк. Должность — командир отделения.

Особенность боевой деятельности пограничных полков состояла в том, что если до ноября 1941 года эти войска часто действовали в составе арьергардов по прикрытие отходящих частей и соединений, то после ноября 1941 года они главным образом вели борьбу с агентурой противника, забрасываемой через линию фронта, и с мелкими группами разгромленных германских войск, оставшихся при отступлении оккупантов в нашем тылу.

Итак, охрана тыла... А как же фронт? Желание лицом к лицу встретить ненавистного врага? Уже чуть ли не полгода идет война, а мы то отступали, то учились, и вот на тебе — тылы охранять!

А что, если опять подать рапорт? Ведь школу я окончил, звание сержантское получил, на здоровье, слава богу, не жалуюсь. Сговорились втроем — все трое младшие сержанты — и написали...

— Товарищи пограничники и сержанты,— дня три спустя, собрав две наши роты около штаба, сказал замкомбата по политчасти,— в последнее время командованию батальона некоторые наши товарищи стали подавать рапорты с просьбой отправить их на фронт. Желание их понятно. Но удовлетворить их просьбы мы не можем. На этот счет есть указание политуправления погранвойск. Каждый должен выполнять свой воинский долг на том участке, куда он направлен. Посылать на фронт мы будем в виде исключения только тех, у кого есть для этого самые веские основания...

— Это какие же «веские»? А разве бить немцев — это не веские? — выкрикнул кто-то.

— Нет, товарищи. Бить врага весь наш народ хочет. Лишь тот может рапорт подать, у кого фашисты родных убили, у кого братья или отцы на фронте погибли.

— А наш полк воевать будет?

— А что, разве наша служба, наша работа — не война? Положение на нашем участке фронта пока стабильное. Но перед нашей 3-й армией, а мы ее тылы охраняем, у немцев крупные силы, сосредоточенные в основном в районе Орла. Поэтому на спокойную жизнь не рассчитывайте. Противник сейчас активнее, чем когда-либо, забрасывает агентуру. Так что нам работы хватит.

— Воздух!!! — чей-то высокий голос оборвал речь замполита.

— Разойдись! По укрытиям!

Со стороны околицы послышался нарастающий рев самолета. Он шел низко, поливая хаты свинцом из двух пулеметов. Я успел заметить, как из соседнего дома выскочил наш сержант Петров со станковым пулеметом и, построив его на слеге забора, стал торопливо заправлять ленту.

Самолет пошел на второй заход. Петров припал к прицелу и, как только самолет показался из-за соседних хат, дал по нему длинную очередь. Потом еще одну вдогонку.

— Эх, промазал, наверное,— прошептал кто-то рядом. Но в этот момент мы увидели взметнувшийся столб дыма.

— Неужели сбил?

— В ружье! Бегом к месту падения!

Наш лейтенант первым побежал по улице. За околицей на снегу догорали остатки самолета. Летчикам спастись не удалось.

— Ну, Петров, ну, молодец! И как это он так быстро сориентировался? А что, братцы, за это ему орденоч положен? Или как?

Из доклада командования войск по охране тыла Брянского фронта:

«...26 марта 1942 г. приказом по войскам Брянского фронта награжден орденом Красного Знамени сержант 18-го погранполка Петров П. И., бесстрашно вступивший со своим пулеметом в бой с фашистским бомбардировщиком и меткими двумя очередями сбивший стервятника...

Начальник пограничных войск НКВД
по охране тыла Брянского фронта
полковник *Панкин*.

Военный комиссар
бригадный комиссар *Кириллов*.

Начальник штаба
подполковник *Алжаев*».

Все это происходило под Мценском. Тогда я, конечно, не предполагал, что буквально через несколько дней жизнь моя снова круто изменится...

— Встать! Смирно! Товарищ командир полка, пограничники и младшие командиры согласно списку собраны. Начальник штаба...

— Вольно. Садитесь, товарищи.

Нас, человек двадцать, вызвали в штаб сразу после завтрака. Зачем — никто не знал. Думали: какое-нибудь особое задание.

— Товарищи пограничники и младшие командиры,— начал командир полка,— по указанию начальника погранвойск нашего фронта мы отобрали группу лучших бойцов и командиров отделений. Вам предстоит теперь служить в 38-м погранполку. Он требует усиления. Жаль с вами расставаться, но приказ есть приказ. Вопросы будут?

Мы, растерявшись от услышанного, молчали.

— Ваши документы штаб сегодня подготовит. Завтра отправитесь. Счастливой вам службы.

Так пришлось мне расстаться с 18-м и продолжить службу в 38-м погранполку. Он в то время нес охрану тыла на нашем же Брянском фронте. Вскоре меня назначили помощником командира взвода, затем заместителем политрука и чуть позднее, несмотря на то что я был лишь старшим сержантом, политруком нашей погранза-ставы.

Прошло лето.

В первых числах сентября в штабе полка, а размещался он тогда в городе Белеве, были назначены сборы политсостава. На второй день сборов, после занятий, ко мне подошел офицер из штаба.

— Товарищ старший сержант, с вами хочет поговорить майор. Видите, вот там, сидит на скамейке.

— Есть подойти к майору,— ответил я.

Поправив свой командирский ремень, пилотку, с тоской осмотрев выдавшие виды сапоги, я постарался насколько можно четче, как учили в школе, подойти и по уставному доложить:

— Товарищ майор, старший сержант...

— Знаю, знаю, вольно. Садитесь, пожалуйста,— как-то по-домашнему заговорил со мной майор и жестом пригласил сесть рядом.

Я успел заметить, что петлички у него не зеленые. Фуражка защитного цвета лежала на скамейке.

— Ивановский Олег Генрихович, 1922 года рождения, призыва 1940 года, комсомолец? — скорее утвердительно,

нежели вопросительно произнес он, поразив меня своей осведомленностью.

— Так точно...— растерянно произнес я.

— Не удивляйтесь. Я это узнал от вашего комиссара полка. А я из штаба фронта. Расскажите мне подробнее о себе, о родителях, родственниках.

Рассказ мой не занял много времени: биография-то была короткой. Когда я умолк, майор, улыбнувшись, посмотрел мне в глаза и опять-таки как-то по-домашнему сказал:

— Так вот, товарищ Ивановский Олег Генрихович, 1922 года рождения, 1940 года призыва, член ВЛКСМ. Есть решение откомандировать вас на специальные оперативные курсы в Особый отдел фронта. Подучитесь там несколько месяцев, получите новую специальность. Слышали, конечно, о чекистах? — Он улыбнулся опять. — Так вот, у вас есть возможность чекистом стать. Надеюсь, не возражаете?

— А как же застава?..

— Вопрос с вашим командованием согласован.

...На попутной машине, закинув в кузов вещмешок — все свое немудреное имущество, я выехал из Белева в Ефремов, где в это время находился штаб Брянского фронта и все его службы. Неподалеку от города, в небольшой деревеньке Челищево, собирались все будущие курсанты, присланные, как и я, из разных частей. Были представители всех родов войск. Не встречал я только ни одного пограничника. Но однажды утром в нашей разноразовой компании заметил я офицера, средних лет, с красивым волевым лицом, чуть полноватого, с двумя «шпалами» на зеленых петлицах и в нашей пограничной фуражке. Очень захотелось познакомиться ему на глаза. Как же! Пограничное братство! Уж он обязательно должен со мной заговорить — мы же оба пограничники. Но тут же я себя урезонил: мне двадцать, ему на вид около сорока. Я — старший сержант и в пилоточке, он — подполковник, в фуражке. Тоже мне — «братство»!

Но тем не менее на следующий день он действительно окликнул меня. Я подошел.

— Откуда, товарищ старший сержант?

Я ответил.

— А до этого где служил?

Коротко рассказал про школу, про Харьков, про Коломью, про отряд, про девятую заставу.

— Знаю, знаю этот отряд, встречал. Лихо дрались парни, просто герои. Да вот только нет уже ни начальника, ни комиссара... И Тарутин и Уткин погибли. Слыхал фамилии такие?

— Слыхал. Но видеть не видел ни разу.

— В районе Умани они с частями двух наших армий в тяжелейшую обстановку попали. Тебе, брат, повезло. Крепко повезло. А здесь ты чего? На курсы прислали?

— Да, на курсы,— ответил я.— А вы... Нас учить будете?

— Нет, брат. Я сюда на время. Фронт пока в резерве держит. Должен назначение получить. Ну давай-давай, пограничник, учись. Может, встретимся. Соломатин моя фамилия. Запомнишь?

— Запомню, товарищ подполковник.

Все, чему нас учили, было совершенно необычно, ново, сложно. Помнится, поначалу даже удивлялся, что нам, таким молодым, можно сказать, зеленым юнцам, доверяют работу большой государственной важности, доверяют государственные тайны. В конце октября, после сдачи зачетов, нам было приказано еще до официального присвоения нового звания прикрепить на петлицы по три «кубаря». Так я стал младшим лейтенантом государственной безопасности. Государственной безопасности!

— Хлопцы, вот интересно: два дня назад я, курсант с петличками старшинскими,— важничал мой сосед по койке в казарме,— шел по улице, козыряя направо и налево

то лейтенанту, то майору, то политруку. А сегодня иду важно так, а всякие там сержантики, старшины да лейтенантики меня приветствуют. Здрóрово, а?

В первых числах ноября я встретил в штабе подполковника Соломатина.

— Здравствуй, здравствуй, пограничник! Как дела? Как курсы?

— Товарищ подполковник, курсы окончены, звание присвоено. Теперь по частям.

— А ты уже получил назначение?

— Нет еще, не получил. Слыхал только разговор — меня хотят вроде здесь, при штабе фронта, оставить...

— При штабе? — Да что тебе такому молодцу при штабе делать? Поедем ко мне в корпус!

— К вам? А куда, в какой корпус?

— Получил назначение в 7-й кавалерийский начальником особого отдела. Ну, решайся!

Кавалерия... Казаки... Кони лихие... Шашки... Бурки... Шпоры... Рейды по тылам противника... Вот это жизнь! Одно только смущало:

— Так ведь я верхом-то...

— Ну и что? Помоложе меня, научись.

— А вы можете договориться с начальством?

— Это уж не твоя забота. Так что, согласен?

— А что?.. Согласен!

— Молодец, быстро принимаешь решения. Как фамилия? Дай-ка запишу. И не забудь — 7-й кавалерийский.

Кавалерийская дивизия

На следующее утро попутка уже мчала меня в штаб 7-го кавалерийского корпуса, располагавшийся километрах в тридцати от Ефремова.

Соломатина в особом отделе не оказалось. Его заместитель, просмотрев мои документы, коротко сказал:

— В одиннадцатую имени Морозова дивизию. Там как раз пужен оперуполномоченный.

— А как туда попасть?

— Это мы сейчас организуем. Петров!

В дверь вошел пожилой сержант, вскинул руку к черной каракулевой кубанке. Шпоры на каблуках звонко щелкнули. Кубанка. Шпоры. Черт возьми! А я в пилоточке, в кирзачах.

— Петров, комендант из одиннадцатой морозовской тут с утра был, узнай, уехал или нет? Если тут, подседлай лошадь лейтенанту. Ему в дивизию надо.

— Есть подседлать и узнать!

Лихо звякнули шпоры. Уж очень этому сержанту было приятно продемонстрировать свое кавалерийское превосходство передо мной — пехотой. Ему ведь, что пограничники, что пехота, все едино. «Подседлай лошадь лейтенанту...» Это, стало быть, мне? Так я же никогда в жизни ногу в стремя не держал!

— Простите, товарищ майор, а далеко до дивизии?

— Двадцать три километра. Почти рядом. Деревня там большая.

Через полчаса нашелся комендант.

— Здравия желаю,— приветствовал он меня.— Разрешите спросить, вы раньше верхом ездили?

— Нет, не приходилось,— сознался я.— Разве только на велосипеде.

— Ну, это вполне достаточно,— рассмеялся он.— Начнем подготовку. Стоять, милая, стоять.— Он похлопал по шее небольшую гнедую лошаденку.— Подойдите к седлу, пожалуйста, дайте руку. Надо стремя под вас подогнать. Вот как это делается, учитесь.

— Понятно. На велосипеде мы так же седла регулировали.

— Я же сказал, что вашего велоопыта достаточно. А сядились на велосипед с какой ноги? С левой?

— С левой.

— Ну, совсем хорошо. На коня тоже полагается с левой, придерживаясь за гриву и за седло, за заднюю луку. Ну-ка, давайте!

Мне ничего не оставалось другого, как попробовать.

Лошадь, правда, мой первый кавалерийский инструктор под уздцы при этом держал сам.

— Да, шинелька-то ваша без разреза сзади, в седле неудобно будет. Ну ничего, до полка доберетесь, а там ребята сделают все, что надо. Поехали.

И он ловко, в мгновение ока, оказался в седле своего рослого серого коня.

Тропулись. Лошадка моя бодро зашагала за серым. Черт подери, под ноги ей не посмотришь — не видать пог, хоть бы не споткнулась. А шея тонкая такая. Сбоку-то казалась понадежнее, пошире. Слава богу, сзади, кажется, она солиднее. Потолще вроде...

Тем временем мы выехали, вернее, вышагали за околицу. Понемногу я начал осваиваться, даже рискнул выпрямиться в седле. Опасался только одного — вдруг она на камень наткнется или в канаву угодит.

Поравнявшись с группой пехотинцев на дороге, я, честно говоря, не стерпел — выпятил грудь колесом. Дескать, вы, пехота, смотрите, как мы, казаки, ездим! Но тут, как на грех, комендант, ехавший впереди, пустил своего серого рысью. Царица, мать небесная! Проклятая моя лошадедка, несшая на своей спине такого braveго казака, как я, увидев, что серый пошел рысью, решила последовать его примеру. Ее спина, а следовательно, и седло, в котором за минуту до этого я так гордо восседал, стала совершенно беспорядочно, с моей точки зрения, то подниматься, то опускаться. Меня трясло так, что стучали зубы, и казалось, все внутренности сейчас оборвутся.

Случайно оглянувшись, комендант не удержался от хохота и остановил своего серого. Подождал, пока я до него дотрясусь. Ему-то смешно, а мне каково?!

Поравнявшись с серым, моя лошаденка остановилась, покосила на меня карим глазом и спокойно стала помахивать хвостом. Ох, проклятущая! Казалось, вся ее лошадиная сущность только и мечтала поиздеваться надо мной.

Здесь же, на месте, я получил второй инструктаж: что надо делать, когда лошадь побежит рысью. При этом подчеркивалось не мое желание ехать так, а именно лошадиная инициатива — «когда она побежит рысью». Комендант оказался человеком гуманным и, к счастью, рысью больше «не злоупотреблял». У меня, правда, после очередной пробежки мелькнула мысль слезть к чертовой матери с этого своенравного транспорта, но я просто не знал, как это сделать. Да вроде и стыдно.

...У большой крепкой избы, около которой мы спешили, нас встретил заместитель начальника Особого отдела дивизии Антон Максимович Братенков. Он подробно рассказал мне о предстоящей работе, о дивизии, о легендарном начдиве Морозове, об истории 250-го полка, где мне предстояло служить.

В сенях стукнула дверь, и в комнату, где мы беседовали, вошел смуглый офицер средних лет с открытым, приветливым лицом. Был он в кубанке и накинута на плечи бурке.

— Юрченко. Будем знакомы.

— Кстати,— сказал Братенков,— этот товарищ тебя сменить приехал. Можешь собираться.

Поговорив еще с полчаса, мы с Юрченко выехали в полк, располагавшийся в деревне в пяти километрах от штаба дивизии. После осиленных двадцати трех эти пять километров показались уже не столь страшными. На окраине деревни подъехали к большой хате. Навстречу вышел пожилой худощавый казак.

— Знакомьтесь,— Юрченко кивнул на казака,— мой ординарец и коновод Горбунов Николай Григорьевич. Очень рекомендую подружиться.

Николай Григорьевич внимательно посмотрел на меня. Взгляд его я оценил как заданный самому себе вопрос: «И что это за мальчишка к нам приехал?»

— Николай Григорьевич, это смена моя — новый начальник. Так уж люби его и жалуй, будь добр. А теперь сообрази нам что-нибудь перекусить...

Как только Николай Григорьевич вышел из компаты, Юрченко повернулся ко мне и вполголоса сказал:

— Интересной судьбы человек. Чекист двадцатых годов. Участвовал в боях против Колчака, в ликвидации банд, в подавлении восстания эсеров. В партию вступил в двадцатом году. В органах ВЧК и ОГПУ прослужил семнадцать лет. Потом был уволен по состоянию здоровья, работал в областном финотделе. А когда война началась, его мобилизовали. И вот воюет солдатом.

— А сколько ж лет ему? Не молодой вроде...

— Девяτισотого года рождения. Стало быть, сорок два.

— Товарищ начальник, — накрыв стол, обратился Горбунов к Юрченко, — а наш гость, то есть хозяин новый, одет как-то не так, не по-казацки. Вам ведь сегодня к командиру полка сходить надо, представить товарища. Но не в таком же виде?

— Ладно, дядя Коля, мы первым делом перекусим, а потом что-нибудь сообразим.

«Сообразил» Юрченко таким образом, что через полчаса на мне были его мундир, брюки, на голове кубанка, на ногах хромовые сапоги.

— Это напрокат, — оглядывая меня со всех сторон, весело приговаривал он. — А завтра дядя Коля организует, и получишь уже свое довольствие. Ну как, теперь ничего?

Николай Григорьевич, критически осмотрев меня, произнес:

— Ничего. Идти можно.

Через пару дней, введя меня в курс дел, Юрченко уехал. Я остался один на один со своей новой работой. Но кроме выполнения прямых служебных обязанностей

я должен был разрешить еще одну проблему: не мог же я, числясь в кавалерии, считать весь лошадиный род своим врагом ненавистным! Необходимо было в совершенстве освоить верховую езду.

Вечерами, а они в ноябре длинные, мы с Николаем Григорьевичем, которого я стал звать с его согласия просто дядей Колей, выезжали за околицу села на тренировки. По наследству от Юрченко мне достался его рослый, крепкий серый конь Разбой.

Однажды вечером, после наших «манежных» занятий, устроив Разбоя и Тумбу (Тумбой звали лошадку дяди Коли) в сарае и задав им овса — помимо всего прочего, я должен был не только уметь сидеть в седле, но и ухаживать за своей «материальной частью», — я засел за письмо домой.

Это письмо родителям, которое послал я 12 ноября 1942 года, сохранилось:

«Добрый день, мои родные старички. Ну, первым делом поздравляю моего родненького папку с днем рождения — 16 декабря. Ведь ему уже 62 годика! Старичок мой родной, крепко-крепко целую тебя. Вы, конечно, спросите обо мне. Это ясно. Ну что же, напишу, что можно. Ничего общего с той частью, где я был все время, я теперь не имею. Теперь я казак. Осваиваю лошадку, пашку и т. д. Если бы вы сейчас на меня посмотрели, то не узнали бы. Черная бурка, кубанка с красным верхом, френч, на сапогах шпоры, пашка на боку. В общем, только усов не хватает до полной формы...»

Вот переписал сейчас строчки письма, и подумалось: каким же я был тогда мальчишкой! Смешно даже. Смешно не смешно, а так началась моя служба в кавалерии, в казачьем кубано-черноморском полку 11-й имени Морозова дивизии.

Что происходило в то время на нашем Воронежском фронте? В конце 1942 года сложившаяся стратегическая обстановка способствовала переходу Красной Армии в

реши́тельное насту́пление пре́жде всего на ю́жном кры́ле советско-германского фронта. Одной из частей пла́на насту́пления был разгром крупной стратегической группировки, оборонявшейся в верховьях Дона, западнее и южнее Воронежа. Это насту́пление вошло в историю Великой Отечественной войны под названием Остро́гожско-Россоша́нской операции. Ее цель состояла в том, чтобы разгромить гитлеровские войска и захватить важную железную дорогу Воронеж — Миллерово, которая на участках Лиски — Кантемировка и Лиски — Валу́йки еще находилась в руках врага.

Поддержку боевых действий танковой армии генерала Рыбалко командование возложило на наш 7-й кавалерийский корпус. Командовал корпусом генерал-майор С. В. Соколов. По железной дороге наши части доехали до станции Анна и к утру 14 января, совершив 300-километровый марш, сосредоточились в районе Кантемировки.

Верховья Дона. Минные поля, опорные пункты, связанные ходами сообщения, разветвленная сеть окопов чуть ли не на 10 километров в глубину. В 15—20 километрах от первой — вторая оборонительная линия. На этом участке у противника было около 20 дивизий. Учитывая все это, наше командование решилось на весьма смелый и не совсем обычный тактический шаг: на главных участках намечавшегося прорыва сосредоточить максимально возможные силы, и прежде всего артиллерию. Было решено поставить на прямую наводку даже тяжелые орудия. Смелость и оригинальность задуманной операции была в создании ударных группировок на участке прорыва за счет ослабления остальных участков фронта, где на километр осталось по 50 солдат, по пулемету и по орудиям. А на участке прорыва на километр было более 100 стволов артиллерии! Перегруппировка войск была проведена так скрытно, что за два дня до прорыва командование противника сообщало в свою ставку (об этом узнали,

конечно, позже): по данным разведки, советские войска на этом участке не собираются вести никаких активных действий. Поэтому наступление наших войск для противника оказалось действительно неожиданным.

Два часа бушевал артиллерийский ураган. После арт-подготовки в прорыв пошли танки, за ними пехота.

Я хорошо помню ту ночь. На льду скользят и падают кони, справа и слева по берегам Дона пожары. Горят хутора. Между пожарищами темень непроглядная. По дорогам разбросана разбитая вражеская техника, окоченевшие трупы. Ворота прорыва. В них и устремилась наша дивизия. Строжайший приказ: дальнейшее движение в тыл противника только ночью, только скрытно! А что значит скрыть в тылу противника движение кавалерийских дивизий? Ведь их в нашем корпусе не одна. Кавполк — это почти 2 тысячи лошадей, десятки саней, три артиллерийские батареи — две пушечные и одна минометная, около тысячи всадников. В дивизии три таких полка, да еще нам придали танковую бригаду. Даже если полк идет очень организованно, колонна не растягивается, и то получается цепочка километров в пять. А дивизия? Это уже около 20 километров.

Нужно было так спланировать движение, чтобы к рассвету выйти обязательно к населенному пункту и в нем найти укрытие и для людей, и для лошадей, и для техники.

«Выйти к населенному пункту...» Но ведь мы были в глубоком тылу у противника, и почти в каждом селе у него были гарнизоны, а между гарнизонами установлена связь. Пришлось гарнизоны уничтожать внезапными короткими налетами так, чтобы они и тревоги поднять не успели. Как только входили в населенный пункт и размещались по хатам, по сараям, тут же выставляли посты наблюдения. Следили за тем, чтобы по улицам не было никакого лишнего хождения.

Днем немецкие самолеты утюжили села, открывая

огонь из пулеметов. Очевидно, немецкие летчики рассчитывали на ответный огонь с нашей стороны. Но приказ был строжайший: ни в коем случае по самолетам огня не открывать. Так и не удалось противнику обнаружить нас. Мы уходили все дальше и дальше в тыл.

Приказом командира дивизии нашему полку при поддержке нескольких танков предписывалось захватить город Валуйки. Мы шли к городу, уже бывшему однажды победной вехой одного из полков нашей 11-й Морозовской дивизии 1-й конной армии в гражданскую войну.

Из разведотдела дивизии сообщали, что Валуйки заняты двумя полками итальянской пехотной дивизии, несколькими подразделениями немецкой пехотной дивизии, двумя строительными батальонами. Кроме того, в городе две танковые роты, артиллерийский полк и зенитный дивизион. Подступы к городу с востока прикрыты подготовленными к обороне зданиями, на окраине с юга — противотанковый ров. С северо-востока и юго-востока — сплошные проволочные заграждения. Вдоль улиц в городе — ДЗОТы...

Да, не простым был валуйский «орешек».

Остановились в одном небольшом селе. Это было, помоему, 17 января. Случайно я узнал, что с нами вместе расположатся несколько подразделений штаба дивизии и Особый отдел. Можно встретиться с Братенковым, давно я его не видел.

— Нет, товарищ начальник, — возразил дядя Коля. — Прежде всего надо немного отдохнуть. Да и Братенков не машина. До ночи еще время есть.

Он был прав. Надо признать, хотя я и держался к тому времени в седле довольно уверенно и чувства мои к «четыrehногому» транспорту уже не определялись шипением «проклятушая» и «чтоб тебя...», все же ночные переходы по 30—40 километров давались нелегко. Впрочем, похвалиться легкостью преодоления этих двух сотен километров ночных маршей вряд ли кто мог.

Проспали мы с дядей Колей часа три. Он занялся «транспортом» — моим Разбоем и своей вороной коротконогой Тумбой, а я пошел искать Братенкова.

— Товарищ лейтенант, прошу подождать! — остановил меня часовой у крыльца большой хаты.

— Что, отдыхает?

— Нет. Просил никого не пускать.

— Я подожду, а ты доложи; прибыл оперуполномоченный из 250-го кавполка.

Пожав плечами, казак вошел в сени. Не успел я даже закурить, как он вернулся.

— Майор велел зайти.

— Вот видишь, а ты: «Не пускать!»

В большой комнате, основную часть которой занимала, как и везде в российских деревнях, русская печь с лежанкой и полатами, на лавке за столом сидел Братенков. Напротив — двое мужчин. По виду — местные.

Братенков, не представляя меня, кивнул на свободный край лавки.

— Садитесь. Слушайте. Это товарищи из местного партизанского отряда.

Разговор шел, как я вскоре понял, о выполнении задания нашего командования. Связь с местными партизанами была установлена по решению командира корпуса генерала Соколова. Замысел был такой: Валуйки освободить внезапным ударом, с ходу, не дав противнику возможности подтянуть подкрепление, эвакуировать из города технику и многочисленные армейские склады. Предстояло взорвать железнодорожное полотно на участках Валуйки — Уразово и Валуйки — Волоконовка. Об этом и шла речь.

— Вы должны знать, — обратился Братенков ко мне, — что в операции участвуют партизаны. Предупредите ваших командиров эскадронов. И смотрите, чтобы неприятностей не было.

Получив подробный инструктаж, я ушел к своим. До Валук оставался один ночной переход...

Ночью наш полк занял большое село Рождествено. До Валук оставалось около пяти километров. От села до окраины города — чистое поле. Вдоль железнодорожной насыпи дорога. Эскадроны спешились. Подошли танки. Казаки пересели с коней на броню. Десант. Наступление началось в пять утра. Командиры эскадронов получили приказ: при занятии железнодорожной станции дать по три красных ракеты.

Через полчаса в городе послышалась пулеметная и винтовочная стрельба. Заговорили и танки. Командир нашего полка майор Шаповалов нервничал. От эскадронов никаких докладов не было. Оставалось ждать условленных красных ракет.

Наконец в хату прибежал коновод командира полка:

— Товарищ майор! Товарищ майор! Три красные ракеты на левой окраине!

— Чумовой! Какой «левой»? Восточной, северной или западной?

— А черт его батьку знает, где тут север, где восток. Солнышка-то нету. Но ракеты я сам видел.

— Ну, как думаешь, комиссар, двинем в город?

— Не имея доклада о положении эскадронов?

— А здесь мы ничего не высадим. Связи все равно не будет. И раненых что-то из города не видно. Пора.

— Да, пожалуй, двинемся.

— По коням! — и Шаповалов первым шагнул через порог.

Ординарец подвел мне Разбоя.

— Товарищ начальник, а не рано ли мы в город подаемся?

— Приказ командира полка. Пойдем вместе со штабом.

— Уж больно группа большая. Эскадроны в маскхалатах затемно прошли, а мы-то — вон какая кавалькада.

— Ладно-ладно, дядя Коля, проскочим...

Сказал не очень уверенно. Да и откуда было взяться уверенности, если наш полк готовился принять свой первый на этой войне бой...

Половину пути прошли спокойно. С каждой сотней метров приближался город, и казалось, что все обойдется, пройдем без помех. А что, если немцы остались на окраине? Наши затемно прошли в город, завязался бой, а очищены окраины или нет, кто знает. Может, не случайно из города в Рождествено и раненых-то ни одного человека не привезли? Да и из казаков никто не пришел.

Придержав коня, я приотстал, чтобы посмотреть со стороны. Уж больно заметная кавалькада! Ее бы рассредоточить, растянуть. А то идем, как на показательных учениях.

Я дал шпоры Разбою, догнал голову колонны, поравнялся с Шаповаловым и вполголоса высказал ему свои опасения. Он искоса посмотрел на меня, дав понять: молод ты, брат, меня учить, да и зелен. Жестко сказал:

— Ничего, проскочим.

Я вернулся на свое место в третьей шеренге. Шли поуставному — тройками. До первых домов на окраине оставалось метров триста — четыреста. У железнодорожной насыпи валялись сброшенные под откос обгоревшие вагоны, помятые цистерны. Слева возвышалась серая громада элеватора. Неожиданно с элеватора застрочил крупнокалиберный пулемет. Пули со свистом пронеслись у нас над головами. Пригнувшись в седлах, мы резко рванули влево, под насыпь.

— Слезай! — раздалась команда начальника штаба. — Спокойно! Без паники! Конводам взять коней и галопом в деревню! Батареи! Справа от дороги — в поле! С передков — и к бою! Лошадей убрать, пушки — на руках. Огонь по элеватору! Диментман! Слышали команду?

Лев Диментман, почти мой ровесник, командир батареи, придерживая одной рукой полевую сумку, другой — кобур с пистолетом, побежал к пушкам.

Я подвел коня к дяде Коле:

— Бери Разбоя и галопом в Рождествено. Понял?

— Товарищ начальник, а как же вы?

— Делай, что говорю! — крикнул я. — Город рядом, и пешком пройдем.

Батарея Диментмана снялась с передков, лошадей галопом повели тесной группкой обратно в Рождествено, а расчеты засуетились у пушек. Через минуту несколько снарядов полетели в элеватор, но вреда никакого не нанесли. Как стоял, так и стоит. Еще несколько пушечных выстрелов. Стало тихо. Пулемет на элеваторе замолчал. Наша группа, выжидая, притаилась под прикрытием насыпи. Прошло минут десять. Тихо. Только собрались двигаться дальше, решив, что пулеметчики на элеваторе или убиты или сбежали, как у крайних домов появились два танка. Чьи? Танки были белыми, выкрашенными под снег. Наши тоже такие. И по типу не сразу опознаешь. Ко всему прочему, темно. Танки пока не двигались и не стреляли.

Но вот на одном башня медленно повернулась, раздался раскатистый выстрел, и одна из пушек диментмановской батареи скрылась в дыме разрыва. И снова выстрел, третий, четвертый! Минуты не прошло, как все четыре пушки были разбиты у нас на глазах.

— Пэтээры! К бою! — хрипло гаркнул кто-то рядом. — Ложись за вагоны и по танкам!

Две пары казаков с длинными неуклюжими ружьями побежали к исковерканной цистерне. Почти тут же в эту цистерну вцепился бронебойный снаряд и, пробив ее насквозь, с ревом пронесся дальше. Я оглянулся. Рядом никого не было. По полю, к разбитым пушкам, галопом неслась пара лошадей с большими, приспособленными под станковый пулемет саними. Было видно, как двое каза-

ков, соскочив с саней, бегали от одного орудия к другому, забирая раненых. Уложили их на сани, тут же тронулись. Кони пошли крупной рысью в нашу сторону.

Я успел увидеть сидящего на самом краю Леву Диментмана, в грязном разодранном полушубке. Поравнявшись со мной, хриплым голосом он проорал:

— Лейтенант! Прыгай к нам! Танки в атаку пойдут — отрежут, пропадешь!

С танков застрочили пулеметы. Пули вспороли снег рядом с санями. Державший вожжи пожилой казак попытался придержать коней. Я, мало соображая, правильно ли поступаю, прыгнул на сани. Диментман притянул меня к себе.

— Вот, ядрена корень, к чему приводят необдуманные решения! Разве можно было так открыто!

Удар...

Опрокинулось куда-то небо.

Стало темно и тихо.

Вот и отвоевался...

Но почему так мерзнут лохмотья кожи на животе? Разорвало пополам? Как не хочется умирать... И тихо как, тихо. Почему же нет боли? Буду считать. Раз... два... три... А небо-то есть. Вот оно, серое-серое. Почему же так мерзнут лохмотья кожи? Двадцать один... двадцать два... Нет, не умираю... Надо посмотреть, где ноги, далеко ли?

Я приподнял голову. Рядом, на боку, лежал Диментман. На виске — небольшая дырочка. Из нее толчками выплескивалась кровь. Снег у его головы стал ноздреватым от теплой крови. Убит Лев. Вот он, рядом. А ведь только что он, прижав меня к себе, прохрипел свои последние в жизни слова. Не закончил мысли, не успел. И он убит, и я убит. Зачем? Кому это было нужно?

Какие-то ничтожные, глупые мысли лезут в голову. Неужели у всех, кто умирает, такие мысли глупые? Почему же я не умираю? Повернул голову в другую сторону: поле, снег, дорога со следами саней, копыт, навоз кое-

где. Понял — лежу на спине посередине дороги. А как же танки? Танки где? Ведь я на дороге. Пойдут танки — раздавят! Ползти, ползти надо к вагонам, туда, к насыпи. Там не заметят. Попробовал повернуться со спины на живот. Получилось. Ноги как плети. Но слава богу, не оторваны, со мной вместе повернулись. Ползти, ползти надо. Ниже локтей рук не чувствую, словно нет их. Опираясь локтями, пополз к насыпи. Боли никакой. Что же случилось? Контузия? А что это такое? Что должен чувствовать контуженный? Да откуда я знаю! Ползти надо, ползти!..

И я полз, кое-как перетягивая себя локтями. Стало жарко, очень жарко. Набил рот снегом, упал вниз лицом. Где-то рядом застрочил пулемет. По звуку — немецкий. Пули просвистели выше. Раз слышал, значит, не мои: своей пули не услышишь. Та, что услышал, дальше полетела — не твоя она. Приподнял голову — нет, окраины не видно, какой-то сугроб загораживает. Это хорошо. Раз я не вижу танков, значит, и они меня не видят.

Отдышавшись, пополз дальше. Через какое-то время заметил лошадь с санками, несущуюся галопом из Рождествена по дороге. В санях стоял солдат, держа одной рукой вожжи, другой нахлестывая лошадь кнутом. «Лихач!» — успел подумать я. И в ту же секунду сани взрывом подкинуло в воздух. Эх, погиб солдат! И чего он летел в город, чумовой? Но вдруг из-за перевернувшихся саней показалась фигура. Солдат, пригибаясь, побежал к железной дороге и внезапно скрылся. Засвистевшие ему вдогонку пули опоздали.

«Куда ж он делся?» — удивился я. Все происходило метрах в ста от меня. Собрав силенки, пополз дальше. Ах, вот оно что! Под железнодорожной насыпью был тоннель. Я заметил и несколько наших казаков. Санинструктор перевязывал одному из них голову. Лицо его все было залито кровью. И вдруг окровавленное лицо, повернувшись ко мне, дернулось из рук санитара.

— Товарищ начальник! Господи, живой!
Да ведь это же Николай! Мой дядя Коля!
— Коля, родной, что с тобой? Сильно?
— Живы, живы! Слава богу-то. А мне сказали, убит.
Я сани нашел у хозяев, запряг какую-то лошаденку и по-
скакал искать.

— Так это тебя сейчас накрыло?
— Меня. Лошадь жаль. Погибла. А с вами-то что?
— Не знаю. Контузило, наверное. Сейчас медицина
посмотрит.

Как определил санинструктор, это была не контузия.
И не осколок. Пуля. Она попала слева в шею, прошла ее
насквозь и вышла на правом плече. Вышла на правом
плече... Будто молнией меня ударило: Лев! Диментман!
Ведь он головой прижался ко мне вплотную. Он был чуть
ниже меня. Я его закрывал собой почти полностью. Зна-
чит... Значит, его — моей же пулей?..

До Рождествена — под прикрытием железнодорожной
насыпи — дядя Коля тащил меня на плечах. В школе, где
разместился дивизионный медсанэскадрон, врач бегло ос-
мотрел меня и, не трогая повязки, сделанной там, в тонне-
ле, приказал:

— Положите в дальний класс.

От пережитого и усталости я то ли терял сознание,
то ли просто засыпал. Но, судя по тому, что за окнами все
еще было светло, эти периоды беспамятства были недол-
гими. Открыл глаза. Рядом, наклонившись ко мне, стояла
девушка. Белый халат, кубанка на голове. На лице испуг
и сострадание, как мне показалось.

— Ну что, миленький, тяжело? — участливо спросила
она.

— Да, ничего, вроде жив. А закурить у тебя нет?

— Найду сейчас. А врач не заругает?

— Я потихонечку...

Она вышла, вскоре вернулась, держа во рту сигарету.

— Вот, раненый один дал. Трофейная.

Она затащила несколько раз и закашлялась.

— На, противная какая-то,— и插插了 сигарету мне в зубы. Затащила несколько раз. Действительно, противная, кислая какая-то.

— Возьми. Спасибо. Как зовут-то тебя?

— Люда...

Она ушла. Рядом лежали еще двое, укрытые шинелями с головой. «Спят, наверное»,— подумал я и опять провалился в теплое небытие. А когда открыл глаза, моих соседей уже не было. Ни врачи, ни сестры ко мне не заглядывали. Как узнал я позже, интереса я для них в тот момент не представлял: с таким ранением, как у меня, можно прожить час-два от силы...

Медицина тоже может ошибаться. Я не умер.

Раненых стали подвозить больше. Путь от Валуек был свободен, к шестнадцати часам город был полностью освобожден.

В ночь с 19 на 20 января три грузовика с ранеными в кузовах двинулись по заснеженной дороге на Россошь. Морозец был приличный. Неподвижные и полуподвижные, мы лежали рядом на соломе, покрытой плащ-палатками. Оружия у нас никакого не было, а по дороге от Россоши отступали немцы и итальянцы. Охраны с нами — никакой. С шоферами в кабины посадили по одному раненому, способному еще сидеть, вот и все. А проехать предстояло больше сотни километров. Разговаривать — не разговаривали. Помню только, что несколько раз останавливались в поле. Шофер, заглушив мотор и выключив фары, выходил. А когда минут через пятнадцать — двадцать возвращался, говорил соседу в кабине:

— Ну вот, слава богу, в селе немцев нет. Спросил хозяйку, говорит были, но с час как ушли. Хорошо, не по нашей дороге.

Потом обращался к нам:

— Ну как, братки, не померзли? Сейчас в деревню приедем, обогреем вас. Только давайте так: лежачих нам

на себе всех не перетаскать. Уж кто может потерпеть — потерпите. А кому немоготу или по нужде надо — скажи...

Так, с остановками, с шоферской разведкой, мы добрались до Россоши. Город еще не остыл от недавнего боя. Горели здания. В госпитале, у которого остановились наши грузовички, было полно раненых. Среди них — немцы и их союзники. Отступающие бросили их и медперсонал, не успев или не захотев эвакуировать. Ничего себе соседство! Но за сутки, которые мне довелось пробыть в этом госпитале, никаких эксцессов не произошло. Если не считать того, что многие наши раненые категорически отказывались от помощи итальянских врачей.

Ночью нас, лежащих, тяжелых, погрузили в санитарный поезд. Через сутки с небольшим — госпиталь в Кочетовке, что под Мичуринском. Поскольку за эти дни я не умер, то наконец стал представлять для медиков большой интерес.

Хоть и говаривал Суворов: «Пуля — дура, штык — молодец!», но та пуля, которая судьбой была мне предназначена, по отношению ко мне была не душой. Действительно, надо же было ей ухитриться, пройдя через шею, навывлет, не задеть сосуды и позвоночник. А в шее, скажем прямо, тесновато всему этому. А паралич ног и рук, как мне объяснили врачи, случился оттого, что пуля коснулась-таки позвонка, да и внутреннее кровоизлияние какие-то там нервные корешки прижало. Но, к счастью, подвижность и рук и ног стала довольно быстро восстанавливаться. Через неделю я уже потихоньку ходил, а через две уже мог самостоятельно поднести ко рту ложку с кашей...

«...От Советского информбюро... наши войска освободили город Харьков... В боях отличились... конники генерала Соколова...»

О. Ивановский, 1941 г.

Н. Горбунов, 1943 г.

Г. Юрченко и Е. Аронов,
1943 г.

Минометный расчет на боевой позиции,
1944 г.

Слева направо:
И. Нетребский,
Р. Поздняков,
Е. Аронов.
А такими они стали
через 30 лет.

Фотография О. Ивановского,
пробитая осколками мины
20 апреля 1945 г.
Фото находилось в кармане
гимнастерки А. Филатова,
погибшего в этом бою
от многочисленных ран.

В. Симбуховский,
командир
29-го гвардейского
кавполка,
1944 г.

Кавалерист-разведчик
А. Филатов,
1945 г.

Ветераны полка в г. Дубно возле склепа,
где находился командный пункт.

Ветераны 29-го гвардейского кавполка.

Слева направо: О. Ивановский, И. Насонов, П. Маклаков, М. Коротков.

Слева направо: О. Ивановский, Е. Аронов,
С. Ростоцкий, А. Карастоянов.

О. Ивановский и Н. Савгир возле здания бойни,
в которой симбуховцы держали оборону в феврале 1944 г.

Сообщение по радио подействовало на меня сильнее, чем назначенные физиотерапевтические процедуры. Вот где наши! И дивизия, и полк! Решение созрело тут же: вырваться из госпиталя как можно скорее. Пока «адрес» дивизии есть. А то уйдут опять в рейд по тылам — поди их найди.

Первый разговор с палатным врачом ничего не дал: «Рано-рано! Вечно вы, молодежь, спешите. Успеете еще свинца нахвататься».

Поделился я своими заветными мыслями с дежурившей медсестрой, симпатичной круглолицей сибирячкой Шурочкой Рябых.

— И нечего спешить, нечего. Прав врач. Вон рука правая еще не работает, левой скоро станет.

— Да пойми, Шурочка! Надо. Очень надо. Ведь ты знаешь, это не каприз и не бахвальство. Уйдут наши опять в прорыв, по тылам — как их найдешь, как к ним проберешься?

— Ну меня-то что уговаривать...

— А что, если вот просто взять и уехать?

— Как это — уехать? А документы, а обмундированные? В пижаме, что ли, собрались на фронт бежать?

— Так что же делать, Шурочка, а?

— Знаешь что, лейтенант, поговори по душам с нашим политруком.

Утром я нашел политрука Рувимскую. Она не стала отговаривать, поняла мое состояние. Больше того, выступила моим ходатаем перед главврачом. Мне удалось получить согласие на проезд через Москву с задержкой в столице на двое суток. Чуть ли не два с половиной года я не был дома, двадцать месяцев из которых — военные. Что и говорить, несмотря на ранение, я был счастлив.

Через сутки я уже шел по знакомой тропинке от станции Тайнинка к своему дому.

— Сыночек... — только и смогли произнести вместе отец и мать. И расспросы, расспросы, расспросы.

— А твое письмо из госпиталя мы получили,— вдруг сказала мама.— Но почему почерк чужой? Вот мы и думали бог знает что.

Пришлось признаться, что еще правая рука не очень работоспособна, левой писать не научился, вот и попросил товарища по палате написать под диктовку.

В комендатуре, оформив документы, я узнал, что на улице Горького в магазине «Табак» по справке о ранении можно получить три пачки папирос. Папиросы! Я и курить-то их не пробовал. На фронте махорка да табачок-самосад.

Попадались нам в деревнях деда-умельцы, такой табак делали — ни с каким фабричным не сравнишь. Из чего его делали, мудрено догадаться. Только затянешься, горло так перехватит, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

А тут папиросы. Настоящие. Фабричные. У меня по сей день цела справка из госпиталя о ранении со штампом: «Главтабак. Магазин № ... Москва, ул. Горького... тел. К-1-17-47», а поверх синим карандашом: «23/II 43». Штамп этот ставили, наверное, для того, чтобы второй раз за папиросами не приходили.

23 февраля я уехал из Москвы догонять свою дивизию. В дневничке сохранилась запись: «23.2.43.— 10.3.43. Москва — Мичуринск — Графская — Воронеж — Лиски — Валуйки — Купянск — Харьков — Мерефа — Новая Мерефа — Островецкая (попал в полк) — Харьков — Дергачи».

В Островецкой улицы были сверх всякой меры забиты повозками, машинами, полевыми кухнями, пушками, забиты так, как бывало при больших наступлениях или отступлениях. И, на удивление, все это скопище не привлекло еще «мессеры» или «юнкеры». Ох, как любили они такие скопища! Так вот, на одной из улиц из кузова попутной полуторки я увидел обоз. Каким-то особым чутьем угадал, что обоз кавалерийский. Подбежал, спросил. Это шла колонна одного из полков нашей дивизии!

— А 250-й не знаете, где идет?
— Эх, лейтенант. Давно в полку не был? Откуда?
— Из госпиталя.
— А... Ну понятно. Нет больше 250-го.
— Как нет? — У меня оборвалось сердце.
— Да ты чего? Жив твой полк. Только теперь он не 250-й, а 29-й гвардейский. А мы вот — 31-й!
— А дивизия, корпус?
— Ну, много знать хочешь. Об этом начальство спроси, — посуровел мой собеседник. — Но-о, родные, шевелись! — и хлопнул вожжами по мокрым крупам пары гнедых.

— Так где же 29-й? — крикнул я.
— Не горячись, — осадил меня возница. — Перед нами идет. Как остановимся, беги вперед, догонишь. А пока садись, подвезу.

Через час с небольшим я догнал свой полк. Родные, знакомые лица... А где же мой друг Ефим Аронов, наш дорогой полковой фельдшер?

— Олег! — кто-то крепко обнял меня сзади за плечи.
— Ефим! Да полегче ты, я ж из госпиталя сбежал. Расскажи лучше, как там вы после Валуек...

Аронов затащил меня в ближайшую хату. Закурили. Все еще не верилось, что встретились.

— В Валуях мы пробыли два или три дня, — начал рассказ Аронов, — точно не помню. Потом перебрались в село рядом, называется, кажется, Насоново. Там мне приказали развернуть санчасть. К Валуям отступали итальянские дивизии экспедиционного корпуса. Я тебе доложу — картинка была: тысячи солдат и офицеров идут сдаваться в плен. А куда их девать? На улице-то не оставишь — январь. Решили размещать по сохранившимся домам. Мне было приказано организовать медицинскую помощь. Как-то вышел я из санчасти, смотрю, движется громадная толпа — войско не войско, сразу и не поймешь. Кто в чем тащится, к нашим морозам этот люд непривыч-

ный. Одно слово — итальянцы. Впереди этой кавалькады на легких саночках, в которые запряжен красивый белый мул, едет, по всей вероятности, какой-то большой чин. Я оглянулся, смотрю — из соседней хаты выходит наш командир взвода связи Боря Поляков. Я кивнул ему. «Пошли!» Подбежали к санкам и кричим: «Хенде хох!» Сидевший поднял руки. Вижу — лицо у него все обморожено. Спрашиваю: «Ваше звание?» Отвечает: «Генерал». На вид ему было лет пятьдесят, волосы седые из-под шапки выбились. Велел ему слезть и идти за нами в хату. Вошел он, сел на лавку у стены и как-то сразу обмяк. Спрашиваю: «Кто вы, генерал?» Отвечает: «Я командир альпийской дивизии». И стал отстегивать саблю от портупеи. Пистолета при нем не было, только бинокль на груди болтался. «Господа, у меня к вам одна просьба: окажите помощь моим несчастным солдатам, они все обморожены и голодны...» — тихо проговорил он. И ты знаешь, тут я разозлился: «А какого же вы рожна пришли в Россию, в эти промороженные леса и степи из вашей солнечной Италии? Кто вас звал сюда?»

— Слушай, Ефим, я одного не понимаю: вы-то, медики, при чем? Вы что, разведка или контрразведка? Зачем вы этого генерала к себе затащили?

— Да просто захотелось поговорить с ним. Ведь генерал, командир дивизии. Такого вражеского начальника впервые видели. Отвели его потом в штаб полка. Мне после говорили офицеры, что этот «наш» генерал был не единственным среди пленных. Их всех на самолете отправили в Москву. А мы через день тронулись дальше. Опять ночами шли, с боями. Линии фронта никакой. Все время в тылу у немцев. Не поймешь, где наши, а где противник. Знаешь, что недавно случилось?

Наш хоззвод — саней шесть — поотстал ночью и оторвался от полка. Ехали-ехали и свернули на какую-то дорогу. На передних санях ездовым такой представительный, пожилой казак Жирнов, оренбуржец. Задре-

мал, видно, дядька, да и не заметил, как оторвались. А остальные-то за ним держат. А когда Жирнов заметил, что отстали, пустил коней рысью да еще скрутил свою любимую самокруточку. Стал кресалом огонек высекать, а фитилек отсырел, ничего не выходит. А сзади все некурящие, это он точно знал. Стеганул тогда Жирнов своих серых, и пошли они крупной рысью. Глядь — впереди замаячили сани, тоже парой запряженные. Догнал их и обращается к вознице: «Слышь, браток, дай огоньку-то, курить хочу, аж уши пухнут!» А тот повернул да как завопит по-немецки: «Казакен! Русиш!» Хлестанул своих короткохвостых и галопом вперед, а наш Жирнов опешил и стремглав назад, вопит в голос: «Немцы-ы-ы!» Остановил свою шестисанную кавалькаду, развернулись и назад — искать дорогу, с которой по ошибке свернули. И, представь, обошлось все без единого выстрела. Вот как бывает!

— Ну и нашли дорогу?

— Нашли. Жирнов, понятно, помалкивает. Мне эту историю другие рассказали. Ты уж не казни его, сам понимает, что маху дал.

— Ну а дальше что?

— Ты хочешь, чтоб я тебе как в боевом донесении по каждому дню доклад сделал, да? Так я не начальник штаба. Ты у него можешь все узнать. А мы, что? Воевали вроде неплохо. Народу только погибло много. Вот расскажу тебе еще о Мерефе.

— Мерефа? Так вы и там дрались? А я через нее проехал, когда вас догонял, и через Новую Мерефу. Да, собственно, это и не местечки, уже уничтожено все...

— Сколько там наших полегло. Я с санчастью в самой Мерефе не был: мы расположились на небольшом хуторе. А штаб был ближе к железнодорожному переезду. Между нашим хутором и штабом овраг был, довольно глубокий. Дорога огибала этот овраг, по ней до штаба с полкилометра было.

У меня собралось около сорока раненых, а куда их отпирать — не знаю. Послал одного санитаря в штаб — он не вернулся. Связи никакой, кто будет в такой обстановке кабель тянуть? Двое саней от какого-то эскадрона отбились и к нам пристали, да и еще кухня полевая. Вот хозяйство, представляешь? Работаем, перевязываем раненых, вдруг в хату вбегает наш санитар Окунев и кричит: «Товарищ старший лейтенант, немцы!» Выскочил я из хаты, смотрю, к нашему хутору движется большая толпа, все в маскхалатах, с автоматами. Мы скорее всех раненых на сани, даже на кухню посажали. Ходячих своих ходом отправили и скорее — к штабу, к переезду. У нас-то охраны никакой. Оглянулся, смотрю — один остался. Ну, думаю, надо спасаться. К дороге уже подошли немцы. Побежал к оврагу, скатился вниз. А снегу на дне — мать честная!

Как я перебрался? Помню только — немцы по мне стали стрелять. Кое-как вылез, оглядел себя: сумка санитарная пробита, полшубок — тоже в двух местах, валенок продырявлен. Надо же — так повезло!

Смотрю — мчатся сани с нашими связистами. А у меня даже нет сил крикнуть. Хорошо, они заметили меня, втащили на сани и галопом к штабу. А там наши уже круговую оборону заняли. Все, кто только мог оружие в руках держать. И мои раненые тут же. К счастью, тогда драться не пришлось, немцы дальше не пошли. А раненых в тот же день удалось отправить в медсанэскадрон. Да, ты помнишь командира взвода Николая Дупака?

— Помню, симпатичный такой паренек...

— Так вот, его тогда тяжело ранило, ногу перебило. Я его перевязал и говорю: «Давай мы тебя отправим в медсанэскадрон». А он: «Не поеду, и все!» Я ему: «Пойми, командир полка приказал всех раненых туда!» — «Не поеду! Сяду в сани и буду взводом командовать. Ординарец со мной будет, поможет». Так и остался. А к вечеру

кто-то мне сказал, что своими глазами видел, как в эти самые санки с Дупаком мина попала...

— Слушай, Ефим, я проходил сейчас по улице, а там какой-то пацан в нашей форме. Кто это?

— А, это Роберт Поздняков. Его после Валуек в одном селе наши казаки из второго эскадрона подобрали. Бездомный хлопчик. Родителей его немцы в сорок первом расстреляли. Ему лет одиннадцать. Голодный был, оборванный. Накормили его первым делом, выкупали, подстригли, потом перешли брючишки да гимнастерку, сапоги сшили, кубаночку нашли — и стал Роберт настоящим сыном полка. Командир эскадрона Зенский приказал своему старшине держать его в обозе и беречь пуще глаза своего. Хороший хлопец. Вот только уезжать в тыл никак не хочет.

От нахлынувших чувств — вот он наконец, родной полк! — спалось в ту ночь плохо. Рано утром я вышел из хаты, где ночевал. Городок Дергачи, где сосредоточились наши эскадроны, располагался в ложине и окружен был довольно высокими холмами. Меня бросило в жар: на холмах — громадная колонна черных автомобилей. Немцы! Машины стояли. И в этой их неподвижности было что-то зловещее. Уж лучше бы бой! Очевидно, немецкое командование еще не успело оценить обстановку и не располагало данными о наших частях в Дергачах. Действительно, через каких-нибудь полчаса над нами закружила «рама» — немецкий самолет-разведчик. А вслед за ним, не заставив себя долго ждать, и «лаптежники» — «Юнкерсы-87». Что наши карабины и автоматы против этих пикировщиков? «Юнкерсы» просто издевались над нами, гоняясь по ложине чуть ли не за каждым всадником.

Никогда не забуду: стремительно падающий в пике самолет, вспыхивающие точки изрыгающих огонь пулеметов, а через мгновение рядом — фонтанчики взвихренного, вспоротого снега. И над всем этим — жуткий рев выходящего из пике самолета.

Остатки наших эскадронов, смешавшись, предприняли попытку вырваться из-под огня по лесистой ложине, идущей к Допцу...

15 марта наши части вынуждены были оставить Харьков.

Полк был сильно потрепан. В эскадронах и людей, и лошадей, или, как принято было говорить, «людского и конского состава», и пятой части не осталось. Да и усталость после напряженных боев в прошедшие три месяца давала себя знать.

В середине апреля полк получил приказ сосредоточиться в районе Дрязги Липецкой области, между Воропеем и Мичуринском, километрах в двадцати от небольшого городка под названием Грязи.

Расквартировались на опушке леса. Казаки — в палатках. Неподалеку от опушки, в лесу, нашли мы довольно большой, разделенный на две половины дом. Жили там лесник-старик, его жена и дочь. Трех сыновей старики проводили на фронт. На двух уже похоронки получили. Мы с Ефимом Ароновым подошли к хозяину, спросили, можно ли у него поселиться.

— Отчего же нет? Поживите. И нам со старухой веселей будет. Только дочку с собой не сманите. А то я вас, казаков, знаю. У вас это ловко получается.

Там и устроились. В одной половине Ефим со своей сапчастью, в другой я с дядей Колей...

Мы рвемся на запад

Наш полк стал получать пополнение. Новые люди — кто они, откуда? Обстрелянные или новички? Хорошо, если восставшие, из раненых, а если «зелень» — к ним еще присматривайся и присматривайся. Ведь не к параду готовимся. Дадут немного отдохнуть — и снова в бой.

Спустя неделю к нам прибыл необычный обоз — повоз-

ки с большими котлами, мешками, набитыми бог знает чем. Но самое главное, что привлекло наше внимание,— на повозках сидели молодые девчата. В форме, в кубаночках.

Оказалось, прибыл ППО — полевой прачечный отряд. Так именовалось это корпусное подразделение. Ну, подумалось мне, потеряют теперь наши казаки сон и покой...

Разместились девушки в большой палатке, на поляне, близ тихонько воркующего ручья. Весьма скоро галантность наших кавалеров стала заметна невооруженным глазом. Добровольцев воду натаскать, дров напилить, наколоть и вообще выполнить любые просьбы и указания нашлось довольно много.

Пришлось вмешаться штабу полка. Соответствующий приказ строго регламентировал дни и часы «взаимоотношений» эскадронов и батарей с прибывшим «пополнением»: кто и когда сдает белье в стирку, кто, когда и в чем помогает. После приказа казачки чуть поугомонились.

Вечером сидели мы с Николаем Григорьевичем за столом, письма писали. Я — отцу с матерью, он — супруге своей, Анне Никифоровне, в Оренбург. Вдруг слышу стук в стену, разделявшую комнату, где мы обосновались, и санчасть, которой Ефим командовал. Спрашиваю: «Чего стучишь?» — «Зайди,— говорит,— ко мне, дело есть». Захожу. Ефим у стола хлопочет. Запах яичницы с салом приятно зачекотал ноздри. Такими яствами мы не часто баловались.

— Что это ты пир затеял? В честь каких событий?

— Сейчас узнаешь. Девочки, вы руки помыли?

Из другой комнаты выходят две незнакомые девушки. Поздоровались робко и присели на скамейку. Сообразил я, что девчата из ППО, поскольку раньше в полку их не было. Посмотрел я мельком на одну, на другую. Показалось, что где-то я видел это лицо. Точно видел... Девушка в упор, широко раскрыв глаза, смотрела на меня. На ее лице проступила неуверенная улыбка.

— Лейтенант... миленький... господи, жив...— чуть слышно пролепетала она.

И тут я вспомнил. Рождество. Школа. Медсанэскадрон. 19 января. Ведь это она тогда мне трофейную сигарету принесла!

Подошел, протянул ей обе руки:

— Здравствуйте! Как видите, жив!

— Господи, слава богу, живы! А я, честно говоря, и не думала, что вы выживете. Врачи вас в смертники определили. А уж когда вас ночью в Россось повезли, то никто и не думал, что доедете.

Ефим с удивлением смотрел на нас.

— Ну, Ефим, по такому поводу придется тебе...

— Без намеков, прошу, без намеков! Сам понимаю.

Из какого-то заветного, только ему одному известного места была извлечена фляга с чистейшим спиртом. Призывно шкварчала большая глубокая сковорода, вместившая чуть ли не две дюжины яиц. Появилась еще какая-то снедь. Весело стало. Разговоры пошли, воспоминания.

— Может, погуляем,— тихонько предложила мне сидевшая рядом Люда. Кстати, только тогда, за столом, я узнал, что она москвичка и что служит в дивизионном медсанэскадроне, а сейчас прикомандирована в помощь ППО кладовщицей.

Мы незаметно, так по крайней мере мне показалось, вышли из дома. Пошли по тропинке в глубь леса. Люда рассказывала о школе, о том, что добровольно пошла в военкомат, попросилась в действующую армию и вот уже год при нашем корпусе.

— Поначалу страшно было, особенно там, под Валуями. Как стали раненых привозить, знаете, руки затряслись. Я крови боюсь. Боялась раньше. А тогда, в Рождество, когда вас увидала, да еще врач сказал «безнадежный», подумала, что никогда не привыкну на смерть смотреть...

— Не надо, Людочка, сейчас об этом. Кто погиб — того не вернешь. Кто выжил — живет. Не о смерти думать надо. Смотри, какой лес. И хвоей пахнет. Люблю лес...

— Я тоже люблю. И речку. Особенно летом. Товарищ лейтенант, а вы тоже из Москвы?

— Да. Вернее, из Подмосковья. Слышала такое село — Тайнинское? И станция Тайнинская есть по Ярославской дороге.

Я увлекся воспоминаниями и не сразу заметил, что стало смеркаться.

— Товарищ лейтенант, — тихо произнесла Люда, — уже поздно.

— Не надо «лейтенант». Зови меня по имени. Ведь я тебе не начальник, ты не подчиненная. Договорились?

— Не знаю, получится ли.

— Должно получится. Ведь мы еще встретимся?

— А вам... А ты... Хотел бы?

— Конечно.

— Значит, встретимся. Знаешь что? Научи меня верхом ездить! А то все на повозках да на машинах. У нас ведь верховых лошадей нет.

— Во-первых, не лошадей, а коней. В кавалерии так говорить положено...

— Слушаюсь, товарищ гвардии лейтенант! — рассмелась Люда. — Так как насчет занятий, договорились?

— Вот это как раз и во-вторых. Когда прикажете? Прямо сейчас?

— Ну, не сейчас... Сейчас уже темнеет. Завтра можно?

— Конечно, можно. Приходи в конце дня.

На следующее утро я проснулся рано в необычайно приподнятом настроении. Одно лишь смущало: столько часов до встречи с Людой.

— Товарищ начальник... — на пороге стоял дядя Коля.

— Чего тебе?

— Где это вы вчера вечером пропадали?

— А ты что, родитель мой? Так я совершеннолетний.

— Это так, а все же сказать, куда идете, надо. Не рядовой солдат. Вечером из штаба прибежали, вас к телефону Братенков требовал.

— Ругался?

— А я почему знаю? Я посыльному сказал, что вы где-то в подразделениях.

— Так что ж ты вчера промолчал?

— А что говорить, на ночь глядя?

Антон Максимович Братенков в то время замешал заблужденного начальника отдела в дивизии. Позвонив, я узнал, что к двенадцати часам нужно прибыть в штаб дивизии.

Братенков собирал оперативников для ознакомления с обстановкой на направлениях Воронежского фронта, в тылу действующих армий и в нашем районе. Данные контрразведки, о которых он сообщал, совсем не соответствовали моему благодушному, мирному настроению, навеянному вчерашним вечером. Оказалось, неподалеку от нашего расположения противник выбросил на парашютах группу разведчиков или диверсантов. Жители соседнего хутора обнаружили в лесу несколько парашютов. Других данных пока не было.

— Так что, дорогие, отдых отдыхом, но вы должны быть постоянно начеку. А то вчера я хотел поговорить с одним нашим товарищем, а его в полку найти не смогли.

Говоря это, Антон Максимович даже не взглянул в мою сторону. Я же от стыда готов был провалиться сквозь землю.

— Парашютисты могут быть одеты в красноармейскую форму,— продолжал Братенков,— и вряд ли это немцы. Кому, как не вам, знать, что подонков хватает. Есть такая русская присказка: у каждого варева своя накипь. Вот и повсплывали. По линии командования ориентировка командирам полков дана. Надеюсь, вам задача ясна?

Через час мы с дядей Колей тронулись обратно. Я думал о только что услышанном. Как-то не вязалось: де-

сант, враги, диверсанты и тишина, лес, покой. Ожидание встречи с Людой. Милая она девушка.

Размечтавшись, я не заметил развесистой сосны, склонившейся над дорогой, и чуть было не напоролся на толстый сук. Резко пригнул голову. Как я оказался на земле — так и не понял.

— Не разбился? — тут же подскочил ко мне дядя Коля.

— Не знаю. Голова кружится.

— Головой ударился?

— Да нет, не ударился, — я провел рукой по лбу. — Черт, неужели ранение дает себя знать? Скажи кому — как пить дать упрячут в госпиталь. — Николай Григорьевич! О том, что случилось, никому ни слова! Это и просьба и приказ. Понял?

У штаба полка отдал коня Николаю.

— Давай домой — обед приготовь. Я через часок приду.

В штабе полка помощник начальника штаба, как у нас называли — ПНШ-2, что-то писал, заглядывая в двухверстку — топографическую карту, сложенную гармошкой. Поздоровались. Он достал из ящика стола бумагу:

— Из штаба дивизии привез нарочный, посмотри.

Это было распоряжение об усилении охраны и ориентировка о возможном появлении десантов противника в нашем районе. Мы стали обдумывать план действий.

Короче, вместо обеда я едва успел к ужину. Дядя Коля привычно выразил свое недовольство.

— Не ворчи, старина. Скажи-ка лучше, Людочка не приходила?

— Какая еще Людочка? Уж не та ли, с которой вы вчера до ночи гулянку устроили? — Николай строго посмотрел на меня и даже постучал пальцем по столу.

— Вчера, сегодня, завтра... Я что, маленький? Сегодня мы верхом поедem. Как только она придет, подседлай коней.

— Ничего я седлать не буду. Кони вам не баловство. Нахлопает холку, что я потом делать буду?

— Холку-холку... Что ж ты думаешь, мы сразу галопом полетим? Шагом поедem.

— А шагом и так можно. На своих двоих.

— Слушай, Николай, ты мне надоел. Сказано подседлать,— значит, седлай, выполняй приказание.

— Приказание...— обиделся дядя Коля. И, что-то бормоча себе под нос, вышел из комнаты.

В седьмом часу вечера за окном мелькнула черная ка-
ракулевая кубаночка. Остановившись в дверях, Люда бег-
ло осмотрела наше пристанище.

— Можно?

— Конечно, конечно! — я почувствовал, что отчего-то краснею.— Проходи, садись. Сейчас дядя Коля подседла-
ет нам коняшек, и поедem.

— Правда? Прямо сегодня? Ой, а как же мне быть? —
Люда указала взглядом на свои колени, обтянутые
юбочкой.

— Фу ты, я и не учел. А у тебя или у девчат разве нет
брюк?

— У меня нет. А у девчат не знаю. Не видела.

— Вот тебе раз... Слушай, а если мои? Дядя Коля! —
крикнул я в сенцы.— Где мои зимние диагоналевые
брюки?

— Здесь, в мешке. А зачем они?

— Давай-давай, доставай. Девушка их примерит.

Николай зашел в комнату, взглянул исподлобья на
гостью:

— А не маловаты будут?

— Сейчас посмотрим. Мои не подойдут, с тебя сниму.
Посидишь пока дома, под одеялом,— улыбнулся я.

Покопавшись в своем хозяйстве, Николай принес брю-
ки. Мы вышли из комнаты, чтобы дать возможность де-
вушке переодеться.

Через пять минут передо мной стоял симпатичный ка-

зачонок в брючках, словно специально сшитых. Продолжая ворчать, Николай подвел к крыльцу моего Разбоя и свою Тумбу. Я посадил Люду в седло, потихоньку, шагом, мы направились к лесу. Лошади наши, сдружившиеся за прошедшие месяцы, шагали нога в ногу, приветливо поворачивая морды друг к другу. Люда достаточно быстро освоилась и уже без страха поглядывала по сторонам. Но, когда Тумба споткнулась о еловый корень, она от неожиданности ойкнула и, бросив повод, схватилась за меня. Разбой и Тумба остановились. Я притянул Люду к себе.

— Так бы век быть вместе,— прошептала Люда.— Но я знаю, что этого не будет. Не может быть.

— Но почему же? — удивился я.

— Война, милый. И еще одна причина есть.— Она опустила голову.

— Какая еще причина?

— Не скажу.

— Людочка, милая, да что ты выдумываешь!

— Не надо. Если бы не война, я никому, слышишь, никому на свете не отдала бы тебя. Никогда!

Я растерялся. Гулко забилося сердце, стиснутое радостью. Я снова притянул ее к себе:

— Но сейчас-то мы вместе...

Люда заплакала, а потом вдруг сказала:

— А хочешь, милый, я сегодня останусь у тебя?

...Через два дня полк получил приказ готовиться к передислокации. Полевой праچечный отряд свернул свое хозяйство и уехал.

Люда заставила меня поклясться, что я никогда не буду ее разыскивать. Ни при каких обстоятельствах. Что это было — причуда, каприз или желание не испытывать судьбу, такую переменчивую на войне? Нам было по двадцать лет, на нашу долю выпало такое короткое счастье. А что могло быть в дальнейшем, когда военные дороги разводили нас в разные стороны? Возможно, Люда, на-

смотревшись в госпитале на череду смертей, страшилась привязанности... Не знаю. Одно могу сказать: столько лет прошло, а я до сих пор помню и лесную опушку, и высоченные сосны, и милую девушку в кубаночке. Война — это, конечно, кровь и смерть. Но она, эта долгая война, была еще и частью нашей жизни, где были не одни пули, бомбы, снаряды, не одни потери, но и обретение верных друзей, преданных товарищей и любимых...

Осень сорок третьего. Смоленское направление. Нам противостояли отборные немецкие части. Непрерывные дожди, грязь по колено, техника вязнет: что по дороге, что по целине — одно и то же. А приказ есть приказ — наступать! Общая обстановка складывалась явно не в нашу пользу: бои были изнурительные, атаки, контратаки, зачастую безуспешные. Только потери. И немалые.

В эти дни в штабе стало известно, что к нам должен прибыть новый командир полка. Толком никто ничего не знал. Но перемен ожидали серьезных. Слишком явно на нашем участке противник старался парализовать нашу волю к наступлению. Люди нуждались в поднятии боевого духа.

И вот у штабной землянки собрался офицерский состав: все, кто в этот момент не находился на передовой. Из землянки вышли двое. Одного из офицеров я не раз видел в штабе дивизии, другого встречать не доводилось. На вид ему было лет тридцать, не больше.

— Товарищи офицеры! Представляю вам нового командира полка майора Симбуховского Василия Федоровича. Он прибыл к нам в дивизию из Москвы после окончания военной академии.

«Из академии. Ну и повезло! Накомандует этот академик», — пронеслось в голове.

Такие мысли мелькнули, видимо, не у меня одного.

Майор был худощав, по-спортивному подтянут, лицо смуглое, строгое. Серые глаза пронизывающе смотрели на нас. «Ну и зол, наверно, наш новый академик!»

После того как его представил офицер из штаба дивизии, майор Симбуховский сказал всего несколько слов, смысл которых сводился к тому, что дальнейшее знакомство состоится в боях. За все это время он ни разу не улыбнулся. Говорил кратко, четко. Чувствовалось, что он заранее ознакомился с обстановкой. Знал по фамилиям даже некоторых офицеров.

Из сказанного мы поняли, что меры по укреплению дисциплины им будут приняты самые решительные.

— Дисциплина в бою — это главное. Плохих солдат нет. Есть плохие офицеры. А командир, офицер должен быть примером всегда и везде. Учтите, этого я от вас буду требовать прежде всего. Теперь давайте посмотрим, как вы здесь живете, — сухо сказал он и добавил: — А конь для командира полка у вас найдется?

Коня подвели. Симбуховский осмотрел его со всех сторон, ощупал ноги, проверил седловку, подогнал стремяна и в один миг вскочил в седло. Все это произошло так быстро и ловко, что многие от удивления и рта раскрыть не успели.

— Всем по подразделениям. Коновод, за мной!

И, пришпорив коня, он поскакал к позициям, которые занимали наши эскадроны.

Рассказывали потом, что он, невзирая на обстрел со стороны противника, пробрался в боевые порядки, эскадроны и батареи, осмотрел состояние окопов, оценил расположение огневых точек. Командирам взводов и отделений на месте дал указания. Он говорил: «Сегодня — советую, а завтра, если не сделаете, шкуру спущу! Пенять потом на себя будете!»

Уже стемнело, когда командир полка вернулся в штабную землянку. Начальнику штаба был продиктован приказ о наведении порядка в обороне. За несколько дней, несмотря на то что активность противника не уменьшилась, наши потери резко сократились.

Когда стало чуть потише, в полку состоялось партийное собрание. Командир подробно остановился на недостатках, которые подметил на передовой и в тыловых подразделениях. Попутно Симбуховский сделал строгие замечания офицерам и казакам, внешний вид которых в боевой обстановке не совсем соответствовал уставному. Сам командир полка отличался исключительной подтянутостью: независимо от обстановки, он всегда был чисто выбрит, аккуратно одет. Собрание это памятно мне еще тем, что на нем я был принят в члены партии.

В течение двух недель полк буквально преобразился. Симбуховский нашел время поговорить по душам со всеми офицерами: расспросить о семье, о том, где каждый из них воевал, за что получил награды. Я тоже хотел было поближе познакомиться с Василием Федоровичем. Но разговора не получилось. Еще в первый день, когда замполит представил меня командиру, я был неприятно поражен тем, как Симбуховский сквозь зубы процедил: «Очень приятно!» Предвзятость его по отношению ко мне была очевидной. Но причина была непонятной. Я, правда, знал, что к работникам прокуратуры, военного трибунала и особых отделов отношение бывает не самым доброжелательным. Но лично у меня с командным составом полка отношения сложились хорошие, без намека на тенденциозность. И потому предубежденность Симбуховского показалась мне необоснованной и обидной. Уж кто-кто, а офицер, окончивший академию, должен был бы лучше понимать необходимость на войне работников моей профессии.

Шло время. Бои, атаки, наступления, марши сменялись кратковременными передышками. В полку все больше и больше узнавали Симбуховского, все больше убеждались в том, насколько повезло полку с командиром. Его отношение к людям — и рядовым и офицерам — породило огромное уважение к нему и как к командиру, и как к человеку. О нас стали говорить в дивизии, приводить в при-

мер. Командование ставило перед полком боевые задачи на наиболее трудных и ответственных направлениях.

В начале октября наша дивизия получила приказ маршем выйти к деревне Ленино для взаимодействия с 1-й польской дивизией имени Тадеуша Костюшко. Нашему полку была оказана честь идти головным. А это — ответственная задача. Может быть, командир дивизии решил устроить экзамен нашему командиру полка? Так или иначе, но мы шли в голове.

Под Ленино польской дивизии предписывалось прорвать оборону противника. Используя этот прорыв, наши казачьи полки должны были выйти на оперативный простор и истреблять немецкие части до подхода основных сил нашей армии. План операции был тщательно разработан в Генеральном штабе и имел помимо военного и политическое значение: это был первый бой польской дивизии, сформированной в нашей стране. А ведь совсем недалеко была и граница с Польшей.

Фашистское командование решило сорвать этот план, подтянув из глубины фронта пехоту, артиллерию, танки и штурмовые орудия. Немецкие самолеты буквально висели над позициями польских полков. Особенно ожесточенные бои разгорелись 12 и 13 октября за высоту 215,5 и село Тригубово. Части польской дивизии во взаимодействии с нашими войсками вклинились в оборону противника западнее Ленино и, отбив все контратаки, удержали захваченные позиции. Было подбито девять фашистских танков, уничтожено около полутора тысяч солдат и офицеров противника, захвачено много пленных.

Несмотря на героизм польских и советских солдат и офицеров, глубокий прорыв обороны немцев не удался. Но бой под Ленино стал первым этапом в освободительной борьбе польского народа против фашизма. Здесь родилась боевая дружба советских и польских солдат. С той поры день 12 октября отмечается в Польше как День Войска Польского...

Не получив возможности использовать прорыв у Лени-по для ввода нашего кавалерийского корпуса в тыл противника, командование армии решило бросить корпус в глубокий фланговый обход через белорусское Полесье и Сарненские леса к городам Ровно, Луцку, Ковелю.

Наш полк продолжал идти в авангарде дивизии, стараясь не ввязываться в бои с гарнизонами в населенных пунктах, занятых противником, хотя удавалось это, конечно, не всегда.

Еще в последних числах декабря мы с Николаем Григорьевичем остались без коней. Бомба угодила во двор хаты, где мы собирались остановиться на ночлег. К счастью, я в это время был в другой хате, метров за двести от нашей, там штаб разместился, а Николай пошел в хоззвод овсом разжиться. Если бы не это... Сколько раз можно было бы, вспоминая о всех прошедших боевых днях и ночах, за все эти четыре года сказать: «Если бы не это...»

Рассчитывать на получение новых коней в ближайшее время не приходилось. Разве что на трофейных. А пока мои ноги да надеюсь на то, что кто-нибудь в эскадронах подсадит на сани.

Ночью полк вошел в густой, мрачный лес. Было тихо. Фронт остался где-то далеко позади.

Проехав километра четыре на санях во взводе связи, я решил пройтись, немного поразмяться. Мимо, спешившись, шел второй эскадрон старшего лейтенанта Дмитрия Зенского. Увидев меня, Зенский призывно махнул рукой:

— Идите к нам, лейтенант, веселей будет. Ночь-то — сказка. Люблю я ночь, особенно когда тихо и луна скользит по облачному небу. То спрячется, то покажется. Чудо!

— Романтик ты, Дима. Тебе бы не эскадроном командовать, а стихи писать.

— Что же ты думаешь, военный человек не может быть романтиком?

— Но не на войне же...

— Э-э, нет! Ты не прав. Сам себя обманываешь. Вспомни свои же письма. На прошлой днечке ты читал мне одно...

— Ну, то письма. А впрочем, может, я и не прав. Не вытравила же война душу людскую до конца. А чувства, пожалуй, даже обостреннее стали.

— Вот ты москвич. Сам говорил. А я в Москве не бывал. А знаешь как хочется... Слушай, спой мне потихонечку ту песню, которую как-то на привале мурлыкал. Люблю я ее.

— Да что ты, Дима, какая сейчас песня? Идем черт те куда, немцы кругом...

— А черт с ними, с немцами. Больно ночь хороша. Спой...

Присядь-ка рядом, что-то мне не спится.

Письмо в Москву я другу написал,

Письмо в Москву, далекую столицу,

Которой я ни разу не видал.

Письмо в Москву...

Я тихонько напел куплет этой полюбившейся нам на фронте песни. Потом — другой, третий... Сзади, позвякивая удилами, пофыркивая, топали кони.

— Эх ты, командир эскадрона! Хозяин, можно сказать. Сколько лошадей — почти табун. А допускаешь, чтобы твой друг, москвич, пешком ходил. Выручить не можешь. Выделил бы лошадку...

— Лошадку?.. — Дима замолчал. Через минуту как-то очень спокойно, тихо, но уверенно произнес: — Вот убьют меня сегодня, возьмешь моего серого. Вон он идет.

И Дмитрий кивнул на шедшего за ним с поводом, закинутым на шею, красавца коня.

Я не успел ничего ответить, как в голове полка, там, где шел Симбуховский, раздалась короткая автоматная очередь. Колонна остановилась. Через минуту оттуда передали: «Второй эскадрон — в голову! Комэска-два — к командиру полка!»

— Ну, я пошел. Прощай... — Зенский, придерживая одной рукой кобур, другой — клинок, побежал вперед.

Пропустив второй эскадрон, я пошел туда же, к штабу. Симбуховский, начальник штаба майор Денисов, замполит Наумов и еще несколько офицеров стояли под большой развесистой сосной. Командир, разложив карту прямо на штабных санях, внимательно следил за карандашом, которым Денисов вел извилистую линию по зеленым картам — лесу, которым мы шли.

— Василий Федорович! Эта деревня, подождите, взгляну... — Денисов поближе поднес трофейный фонарик. — Скрештувка или Скрегитовка, не разобрал точно. Партизаны говорили, в ней немцев много и укрепились они неплохо. Наверно, разведка напоролась.

— А где соседи наши? — спросил Симбуховский.

— Соседи? Вы же знаете, тридцать первый полк пошел на Деражне, вот сюда. Это недалеко...

— Эту Скрештувку или Скрегитовку — название какое-то скрипучее, черт его возьми... Да черт-то ее не возьмет, нам придется. А брать надо. Не обходить, а брать. Мы в голове, за нами дивизия. Тут подумать надо. Вот дороги, которые от деревни идут. У немцев здесь наверняка есть силенки. Эти дороги надо перерезать. Лучше всего вот здесь, на перекрестке... — Василий Федорович обвел пальцем кружочек на карте. — И держать этот перекресточек надо во что бы то ни стало, пока не возьмем деревню.

— Товарищ майор, разрешите мне! Четвертый эскадрон возьмет и удержит перекресток, — прикладывая руку к кубанке, уверенно произнес комэск капитан Кухарев.

Симбуховский на минуту задумался:

— Нет! Я уже вызвал второй эскадрон. Перекресток оседлает Зенский. Твои соображения, старший лейтенант...

— Я думаю закрепиться на перекрестке тут и тут, — Зенский показал районы на карте начальника штаба. —

Так мы оседлаем обе дороги. Но у немцев наверняка телефон между селами есть. Обрубим связь, чтоб своих не предупредили.

— Возьмите с собой бронебойщиков и ручные пулеметы. Пушек я вам не дам — они здесь нужнее. И не шуметь. Разведку води, а ко мне связного пришли. Телефон... не знаю, сможете ли протянуть? Мой КП пока будет здесь. Ну, давай, старшой, ни пуха...

Зенский молча объехал строй своих казаков, скомап-
довал:

— По коням!

Через полчаса разгорелся бой на перекрестке, там, куда пошел эскадрон Дмитрия Зенского. Страшное предчувствие его оправдалось. Пуля, попав в медаль «За отвагу» и смяв ее, вошла в сердце. Это случилось 30 января 1944 года.

Остальные эскадроны, обойдя этот перекресток по лесной дороге, ворвались в Скрегитовку.

Тяжелое впечатление оставляли села и деревни, через которые проходил наш путь в январские дни сорок четвертого года. Все было разрушено, сожжено. Местные жители ютились в погребах и в землянках.

Развалины пожарищ покрыл чистый, белый снег. Казалось, нет и не может быть ничего живого в этой мертвой, страшной пустыне. И вдруг снег в каком-нибудь месте начинал подниматься и отваливаться в сторону. Изпод крышки погреба, в облаке пара, появлялась фигурка ребенка. Почти голое и босое дитя, увидев нашу колонну и тут же забыв, по какой нужде оно вылезло из своего убежища, наклонялось к дыре, что-то кричало вниз. Из дыры вылезали на белый свет такие же голоногие обитатели: дряхлые старики да старухи.

Полк шел по направлению к Сарнам. По морозной, обледеневшей дороге кони, постоянно оскальзываясь, а то и падая, срывая подковы, тянули сани. Полозья на санях за два перехода стирались, поскольку были без подрезов.

Сани в эскадронах и в батареях мы делали сами, стальных полос для полозьев достать было негде. Днем от талого снега валенки раскисали, ноги в них прели, а ночью, когда мороз усиливался, валенки промерзали насквозь так, что невозможно было пошевелить пальцами.

В районе сарненских болот встретился нам партизанский отряд. Вооружены партизаны были в основном трофейными автоматами, пулеметами. За поясом у каждого — немецкие гранаты на длинных деревянных ручках. Наши ребята их почему-то «макагонами» звали. В хвосте партизанской колонны, а она растянулась почти на километр, плелись табунок лошадей и стадо коров с телятами. За ними — обоз. На бричках — мешки, тюки, ящики, столы, стулья — словом, полное хозяйство. Везли с собой и раненых. Партизанский отряд перебазировался в другой район Ровенщины, за Горынь.

Последние рейды совершали только ночами. Еще жестче стала дисциплина на маршах. Курить категорически запрещалось. Нарушителей наказывал сам командир полка. Дело порой доходило и до плетки, если кто под горячую руку попадал. После очередного марша полк вошел в большой лес. Спешились. Мы с Николаем Григорьевичем перебрались к артиллеристам, чтобы немного отдохнуть у них на повозках. Казаки растирали ноги лошадям. Кто-то уже и маленький костерчик из сушняка развел. Балагурят батарейные весельчаки у костра. Словно и не было тяжелой бессонной ночи. Вспоминают разные забавные случаи, не обходят вниманием и жепщин, будто больше и поговорить не о чем. А ведь знают, что сегодня предстоит бой.

Здесь, на нашем участке, сплошной линии фронта не было: немцы отсиживались по хуторам да селам. Но сегодня быть бою. С минуты на минуту вернутся наши разведчики, и тогда... Что будет тогда, знают лишь те, кто уже бывал в боях. А таких в полку и половины не осталось. После осенних боев в полк прибыло молодое попол-

нение, еще и пороху не нюхавшее. А глядишь и па тех, и на других — беззаботность выказывают.

Старики, бывалые, — те спокойнее. Но это только внешне. Покуривают, переговариваются между делом. Кое-кто без надобности перекладывает свое немудреное имущество, состоящее из одной переметной суммы, с правой стороны седла на левую, долго разглядывая при этом каждую мелочь. Другой, говоря что-то соседу, вдруг умолкнет на полуслове, задумается, а потом, заметив удивление на лице собеседника, торопливо отойдет к коню или повозке, делая вид, что ищет что-то. А вот новички радуются передышке, как щенята, и знать не хотят, что кому-то из них вот-вот стонать и плакать от рап. А некоторые, может быть, и смеются-то в последний раз.

Вспомнилось, как однажды после боя проходил я мимо санчасти. Около крыльца небольшой хатенки санитарструктор перевязывал молодого бойца, а тот расспрашивал его и сидящего рядом, ждущего перевязки пожилого казака:

— А это долго будет заживать? Меня что, отправят сейчас в госпиталь?

— Да, отправят, отправят. Помолчи только немного, тебе вредно разговаривать, — отвечал ему санитарструктор.

Наискосок от левого плеча под правую руку медик уже намотал ему несколько бинтов, но и через них проступало темно-красное пятно. Парень еще что-то хотел спросить у казака, но тут у него изо рта потекла кровь. Он стал вытирать рукой подбородок, недоуменно глядя на окровавленную ладонь. Потом машинально вытер руку о брюки. И вдруг запрокинул голову на спину и медленно опустился на руки санитарструктору.

— Ну вот, и отвоевался парень. Совсем еще мальчишка, — тихо произнес пожилой казак...

Привал кончился. Облака разошлись, и выглянуло скупое, зимнее солнышко. На верхушках деревьев, на хвое радужным разноцветьем заблестели тающие льдинки.

Где-то, невидимый, долбил кору дятел. Удары его клюва, как автоматные очереди, слышались то отчетливее, то глуше.

Полк двинулся дальше. Шли по лесу часов до четырех дня. Наконец от головы колонны донеслась команда:

— Стой! Слезай!

Спешились, подошли к опушке. Слева — большой луг. За ним виднеются вдалеке какие-то постройки.

Взводы первого эскадрона, развернувшись цепью, подвигались к той стороне луга короткими перебежками. Стрельбы не было. Противник то ли выжидал, то ли не заметил еще наших казаков. Через какое-то время до нас докатилось не очень дружное «Ура-а-а!». И тут же раздался треск автоматов. За несколько минут луг стал неузнаваемым от оспин разрывающихся мин. Минометы били откуда-то из-за построек, к счастью, с перелетом. На нашей стороне разрывные пули зацелкали по ветвям деревьев так, словно автоматчики стреляли у нас за спиной.

Наконец «подали голос» и наши бронбойки, неторопливо заговорили два «максима». Теперь звуки ожесточенной перестрелки доносились из хутора. Впрочем, бой был недолгим. Через час казаки уже разбирали коней у коноводов. Все оживленно делились впечатлениями. И только несколько человек молча долбили на поляне, под большим раскидистым деревом, братскую могилу. Рядом, на плащ-палатках, лежали шестеро. Четверо — из последнего пополнения. Для них этот бой оказался и первым и последним. Теперь на этом маленьком хуторке на Ровенщине, которого и на карте-двухверстке сразу не разыщешь, их братская могила.

Придет ли кто сюда, положит ли цветы на этот холмик, поплачет ли?

Командование армии, в составе которой мы воссали, прилагало все усилия, чтобы как можно скорее освободить Ровно, Луцк, Здолбунов и, вбив клин между груп-

пировками фашистских армий, открыть путь на Броды, Львов, а там и к Карпатам, к границе.

И хотя в нашей дивизии было всего три кавполка, а противник сосредоточил здесь танковые и механизированные части, полки СС, полицейские батальоны, удерживать натиск морозовцев немцам не удавалось. Помогали нам и действия партизан, серьезно тревоживших фашистов: они перерезали дороги, разгоняли и уничтожали гарнизоны в хуторах, передавали нашему командованию ценные разведданные.

...Ночь. Лес. Двигаемся больше шагом. Часто останавливаемся, спешившись, ведем коней в поводу. Над лесом то и дело пролетают самолеты. По звуку моторов — немецкие. Невзирая на ночь, они все еще пытаются нас обнаружить.

Дисциплина по-прежнему строжайшая. Ни громких разговоров, ни курения. Иногда только стукнет колесо повозки о корень или лошадь фыркнет.

Колонна остановилась, я подошел к начальнику штаба. Он внимательно рассматривал карту.

— Вот смотрите, лейтенант, здесь должна быть железнодорожная станция Клевань. Наверняка немцы ее так просто не отдадут. Наши два эскадрона впереди и наверняка уже вошли в местечко. Но непонятно, почему тихо?

Действительно, мы без боя прошли по улицам местечка и вышли к небольшому кладбищу на его окраине. Кресты, каменные плиты памятников, склепы... Симбуховский слез со своего гнедого:

— Остановимся здесь.

Первый и второй эскадроны на рысях ушли в сторону видневшейся неподалеку железнодорожной станции. Автоматные, пулеметные очереди, уханье гранат тут же известили о начале боя.

Неподалеку от нас артиллеристы снимали с передков две «сорокапятки».

— Товарищ командир! От леса к нам бронетранспортеры идут!

Это крикнул командир отделения бронебойщиков сержант Коротков. Я познакомился с ним перед этой боевой страдой, когда он, выписавшись из госпиталя после ранения, удрал из запасного полка, куда был направлен, и вернулся в свой. Формально это было грубое нарушение дисциплины. Там, в полку, его могли счесть дезертиром со всеми вытекающими из этого последствиями. Пришлось провести с сержантом разъяснительную работу, а затем сообщить в тот полк, что их «дезертир» прибыл в свою родную часть и успешно воюет.

Коротков, отбежав метров двадцать в сторону от нас, крикнул своим бронебойщикам:

— Приготовить ружья к бою! Бронебойным... заряжай! Целься под обрез радиатора!

Уже хорошо было видно, как за первым бронетранспортером шел второй. Коротков подождал еще несколько минут и резко взмахнул рукой:

— Огонь!

Почти одновременно раздались два выстрела, и у мотора первого бронетранспортера вспыхнуло пламя. Тут же звонко ударила наша «сорокапятка». Второй транспортер сошел с дороги в кювет и остановился. Из кузова на дорогу выскакивали солдаты. И тут же, отрезая их от кладбища, где мы стояли, пригнувшись к гривам коней, вылетел взвод наших казаков. Через пять минут все было кончено. Двое верховых притащили к штабу раненого немецкого ефрейтора.

Симбуховский, кивнув помощнику начальника штаба Зотову, коротко бросил:

— Допроси.

Зотов нагнулся над лежащим раненым, задал ему по-немецки какой-то вопрос. И вдруг этот пленный немец, грубо выругавшись на чистейшем русском языке, зло произнес: «Ничего я вам не скажу, мать вашу...»

— Ах ты гад! Да это же власовец!

Симбуховский с омерзением взглянул на пленного.

— Уберите эту сволочь с моих глаз, а то я за себя не ручаюсь... — и рука его потянулась к кобуре.

Я подошел ближе. Василий Федорович, увидев меня, буркнул:

— Это по вашей части, лейтенант, разбирайтесь...

Привели еще несколько пленных. Казаки с брезгливым любопытством разглядывали их. Действительно, это были власовцы. Подлые изменники своего народа, родины, предавшие своих матерей и детей.

Бой затих. Под вечер полк двинулся по направлению к Ровно. Перед рассветом подошли к селу. Определились по карте — до Ровно оставалось 6 километров.

В ходе приграничных сражений 1941 года наши войска вынуждены были оставить Ровно. Гитлеровцы установили в городе жесточайший оккупационный режим и объявили его центром рейхскомиссариата «Украина», там находилось большое количество их военных, экономических и полицейских учреждений.

И вот в середине января 1944 года войска правого крыла 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Николая Федоровича Ватутина, в которые входил и наш 6-й гвардейский кавкорпус, вышли на подступы к Ровно. Учитывая условия труднодоступной лесисто-болотистой местности, начавшуюся распутицу, командование фронтом рассчитывало в предстоящей операции на внезапность наступления при поддержке кавалерии. Больше ста километров пришлось нам пройти по лесным тропам и болотам, чтобы выйти на подступы к Ровно.

Полк был уже на окраине города. Симбуховский послал связного за командиром минометной батареи Насоновым. Тот быстро прискакал в голову полка.

— Иван Федорович, у тебя все хлопущки в порядке?

— Так точно, товарищ майор, в порядке. И мин хватит. В крайнем случае трофейные в ход пущу.

— Это как же «трофейные»? У них же калибр другой.

— Да, на миллиметр меньше. Но я пробовал: если дополнительный заряд надеть на шейку — летит и из нашего миномета, как милая. И своих, то бишь немцев, неплохо лунит.

— Так ты разведай себе как следует цели и дай по ним беглый огонек по две-три мины на ствол. Сколько будет трижды двенадцать? Вот так. Это нам «катюши» заменит. Отстали наши-то, дивизионные.

Батареи открыли огонь.

— Молодец Насонов, молодец. И наши пушки неплохо работают!

Василий Федорович был доволен результатами огневого налета.

— Товарищ майор, рядом с Насоновым взвод полковых орудий лейтенанта Гончарова, — начальник артиллерии нашего полка капитан Френкель, опустив бинокль, рукой показал в сторону леса.

Эскадроны продвигались вперед с большим трудом, тесня противника к западной окраине города.

— Френкель! — обратился Симбуховский к начальнику артиллерии, — передай Насонову и артиллеристам: перенести огонь по отходящим. Мин и снарядов пусть не жалеют!

На правом фланге первый эскадрон вырвался вперед. Заметив это, комбат минометчиков решил поддержать его огнем. Было видно, как перебежками к боевым порядкам эскадрона минометчики потащили свое оружие.

— Это он, наверное, взвод Пушкарева послал, — заметил кто-то из штабных офицеров.

Этот взвод был знаменитым в нашем полку. В нем в одном расчете служили три родных брата Сотники: Алексей, Петр и Федор. Ребята в полку шутили: «Наши Сотники немцев бьют сотнями!» Шутка шуткой, но воевали они здорово.

Артиллеристы Гончарова выкатили свои орудия на прямую наводку. На шоссе показались два немецких танка. До них было метров двести. Два выстрела — один танк загорелся. После двух других выстрелов запылали и второй. И в этот момент мы заметили высыпавшую из-за леса немецкую пехоту. Тут же открыли огонь наши минометчики. Разрывы мин накрыли цепи атакующих. Многие из них, повернув, перебежками бросились назад к лесу. Заметив это, Гончаров двинул свои пушки ближе к шоссе, на котором уже горели подбитые его орудиями два танка. В этот момент из-за леса выползли еще с десяток танков, за ними шли автоматчики. Три танка повернули в сторону гончаровских пушек. Расстояние между ними быстро сокращалось. Выстрелы, разрывы снарядов, снова выстрелы... Один танк остановился. Но тут же прямым попаданием было выведено из строя одно из наших орудий. А второе-то стояло совсем рядом! Было видно, как Гончаров побежал туда, пригнулся к орудью. Выстрел! Вздвигнув от удара, остановился и тут же задымил второй танк. Третий остановился рядом, дернулся от выстрела...

Второе наше орудие, за которым находился Гончаров с двумя казаками, скрылось в дыму. Оба расчета погибли.

Ожесточенный бой за Ровно продолжался двое суток. Противник яростно сопротивлялся. Тяжело пришлось нашему полку. Подмоги никакой, оторвались мы от фронтовых частей ощутимо. Да и потери давали себя знать. А немцы предпринимали атаку за атакой. Их танки уже несколько раз врзались в боевые порядки казаков, и, если бы не своевременная помощь наших танков, отразить контратаки нам было бы не под силу.

В город полк ворвался буквально на плечах противника.

Остатки немецкого гарнизона и подразделений, оборонявших Ровно, поспешно отходили по дороге на Дубно.

Из моего фронтового дневника:

«2 февраля. Ровно наше! Противник в двух километрах — в дер. Тынное.

3 февраля. Из всей дивизии остались в Ровно одни. Остальные полки ушли, от штаба дивизии отрезаны. Ведем бой за Тынное.

4 февраля. Продолжаем бой за Тынное.

6 февраля. Вышли к дер. Караблище. Начинаем двигаться по направлению к Дубно. Ведем бой за хутор Черешнивка».

Вскоре эскадроны заняли Черешнивку, потом — Похорельце. На дорожной насыпи стоял столб с прибитой жестянкой. На ней по-немецки: «Дубно — 6 км».

Противник обстреливал шоссе и мост через ручей. Но огонь был не прицельным, немцы вели его так, на всякий случай, чтобы мы знали, что по шоссе идти не стоит.

По обе стороны шоссе располагалось село. Посмотрели по карте — Панталия. Название-то какое красивое! И вот в сторону этой Панталии, развернувшись цепью, двинулись наши эскадроны. По болоту, по снежной каше, разжиженной водой. Как только цепь наступающих конников приблизилась к окраине села — тут же застучали пулеметы. Цепи залегли. Люди лежали, не поднимая голов. Вокруг густо сыпались и взрывались мины. Непрерывный огонь не дал подняться до той поры, пока не стемнело. К ночи болото было изрыто воронками так, словно его черт пахал. Взять Панталию не удалось. Командир дивизии приказал остановить наступление. Затемно стали осторожно отходить остатки наступавших эскадронов: по два, по три человека, ползком, замирая, как только над головами повисали немецкие осветительные ракеты, шипевшие и ронявшие горящие капли вниз на перепаханное болото.

На следующее утро связной из штаба полка сообщил, что меня вызывают в штаб дивизии, в особый отдел, к Братенкову. Отрываться от родного полка в сложной об-

становке, когда не поймешь, где немцы, где наши, мне в тот момент казалось чуть ли не преступлением. Но приказ есть приказ. Поехали мы с Николаем Григорьевичем назад, в Черешниковку, в штаб дивизии.

— Ну, жив-здоров? Слава богу! — встретил меня Антон Максимович Братенков. — А то уж какой день ни слуху ни духу, думаю, куда подевался...

— Вы же знаете обстановку, товарищ майор. Как тут сообщить?

— Да, знаю, конечно. Нелегко полкам нашим. Потери большие. Но и немцам жару дали. А я вас вызвал вот зачем... Впрочем, давай так, лейтенант, если не возражаешь. У нас пока тихо. Тыл. Тут у хозяев банька во дворе есть. Мы сегодня все помылись. Рай. Сходи и ты. Потом пообедаем, и отдохнешь немного. А то вашему полку задача предстоит... Но об этом потом. Договорились?

Ну неужели я мог возразить?

Нет, неправду говорят, что на войне, в боях, в этом аду крошечном, не бывает рая. А разве это не рай — после стольких суток непрерывных боев, без отдыха, без сна, спать пропотевшее белье, поддать ковшиком на горячие камни в баньке, пусть и по-черному топленной, и ощутить жгучее, обволакивающее объятие пара? И такая сладость разливается по всему телу... Чем не рай?

Через час мы с дядей Колей, помолодевшие лет на сто, побритые — а все необходимое для бритья у кавалеристов всегда с собой в сумках на седле, — предстали перед Антоном Максимовичем.

— Так вот, Горбунов, — обратился Братенков к Николаю, — устраивайся с нашими товарищами. И коней устраивай. Ни сегодня, ни завтра вы никуда не поедете. Перед полком ставится новая боевая задача... Пока ее не решат, вы здесь со своим начальником побудете. Ясно?

— Ясно, товарищ майор. Разрешите идти?

Николай вышел, а я с недоумением посмотрел на Братенкова. Что за оказия?

— Дело вот в чем,— Антон Максимович повернулся ко мне.— Ты прекрасно знаешь, сам там был, в лоб Дубно не взяли. Не вышло.

— Сколько людей погибло... Чтоб эта Панталия провалилась!

— Панталия ли, другое ли село — не в этом дело. Силы здесь у немцев есть. Да и понимают они, что терять сейчас Дубно им никак нельзя. Их армии в котле. Вот в этом все дело. Что отступать придется, это их командование чувствует. Раз мы на запад пошли, не остановимся, пока до Берлина не дойдем. Но здесь они цепляются за последнее. Комдиву звонил по телефону генерал Соколов, командир корпуса, ругался страшно, что Дубно не взяли. На него ведь и армия и фронт жмут. Так вот, комдив сегодня вызвал Симбуховского и командира 33-го полка Мизерского. Я был при этом разговоре. Посмотрел он на Симбуховского внимательно, помолчал, вздохнул тяжело и говорит:

— Ну, Вася, что делать будем? Когда возьмем Дубно?

— Вот прямо так и сказал: «Вася»?

— Да. Они ведь давно знакомы. Вместе на Дальнем Востоке служили. Наш комдив Симбуховского знаешь как любит? Подошел он к столу с картой и говорит: «Вот оно Дубно, рядом, рукой подать, а взять не можем. Нужно не в лоб наступать. Зря я вас на Панталию погнал. Надо идти в обход. 29-й пойдет первым. Полк героический — ему и идти первым. Пойдет он к Млинову, на Хорупань и оттуда на северо-западную окраину Дубно. И с ходу в город! Вот так. Но учтите, что разведка доложила: по восточной окраине Хорупани проходит передний край противника. Успели уже окопаться. Надо ворваться в траншеи, уничтожить все, что там есть, пробить брешь и прорваться на Дубно. Врасплох немцев взять. За 29-м пойдет танковая бригада и 33-й полк. Ваш, Мизерский. Вот такая задача». Я почти дословно тебе передал, что комдив говорил. Вот

так. Думаю, пока не стоит тебе лезть туда, в пекло. Тем более что не весь полк пойдет. Комдив предупредил, чтобы тылы с собой не тащили. Так что половина полка останется здесь.

— Товарищ майор, Антон Максимович,— взмолился я,— ну как же я могу остаться здесь, когда полк на такую операцию пойдет? Я прошу разрешить мне идти с полком.

— Я бы ни за что не разрешил. Но есть начальник. Я позвоню сейчас Мирошину, он в штабе дивизии, у комдива. Если разрешит...

Братенков покрутил ручку полевого телефона, назвал позывной, кому-то приказал найти срочно начальника отдела майора Мирошина. Минуты через три Мирошина нашли. Братенков сказал ему, что я нахожусь у них в отделе и прошу разрешить вместе с полком идти на Дубно. Выслушав ответ, он положил трубку на ящик аппарата и, повернувшись ко мне, сказал:

— Ну что ж, Мирошин говорит, раз вы хотите идти с полком, то идите. А я бы не советовал. Но дело ваше, лейтенант.— У Антона Максимовича даже изменился тон, стал официально строгим.

— Разрешите ехать?

— Поезжайте.

Я вышел из комнаты, в соседней хате нашел Николая.

— Кончай ночевать, Коля. Едем в полк, седлай.

— Товарищ начальник, а завтра, может, утречком...

— Некогда, дорогой. Поехали.

Николай, что-то бормоча себе под нос, вышел из хаты седлать лошадей. Я уже решил, что Николая в Дубно брать не буду. И лошадей тоже. Пусть он останется с тылами полка. А я найду себе средства передвижения.

В полк мы приехали уже к вечеру. Стало смеркаться. В большой хате, где разместился штаб, шло партийное собрание. Симбуховский заканчивал рассказывать о

встрече с командиром дивизии, о том, как высоко в дивизии и в корпусе ценят боевые возможности полка, как доверяют ему. Каждому подразделению была четко поставлена задача в предстоящей операции.

Дубновский рейд

Когда стемнело, полк вытянулся вдоль улицы. Только теперь стало видно, как велики были потери. Взводы в эскадронах стали такими крошечными, что и на взводы-то не походили. Отделения, да и только. Ну какой же это взвод, если в нем осталось полтора десятка сабель? Зато в хозвзводе сколько лишних лошадей: хозяев нет, убиты или ранены...

В стороне Дубно и Панталлии время от времени взлетали осветительные ракеты, раздавались короткие пулеметные и автоматные очереди. Это так, на всякий случай, немецкие охранники себя подбадривали. Обычная их тактика.

Полк шел по дороге Дубно — Луцк. Но скоро мы должны были с нее свернуть. Прошли хутора близ большого села Иванне. Здесь оставались тылы полка. Прощаясь я с дядей Колей, отдал ему повод своего коня и, пробежав немного, догнал повозку артиллеристов, присел с краю.

— Что, товарищ лейтенант, пешком? — спросил меня ездовой. — А не секрет, за нами кто пойдет? А то войдем в прорыв, а там, глядишь, немцы закроют дверь и останемся одни...

— Не должно так получиться. Комдив приказал тридцать третьему вслед за нами идти.

— Тридцать третьему? А он сможет? Что-то часто у него не получается. Такая молва ходит.

— Полк как полк. Такой же, как наш. Что там, люди другие, что ли?

— Люди, может, и не другие, люди везде люди, я так думаю. Но вот Симбуховский-то один. У нас он. Поэтому нас всегда вперед посылают...

Вскоре полк вышел к перекрестку двух дорог. Одна — Дубно — Луцк, другая — из Ровно на Млинов. Вот к Млинову нам и нужно. Войдя в город, сразу поняли, что 33-й полк уже здесь. Дворы по дороге почти все были заняты казаками, лошадьми, повозками.

Симбуховский решил привала в городе не делать, не тратить времени. В конце концов, передвижение двух кавалерийских полков, да еще и десятков танков не могло остаться незамеченным хотя бы кем-то из местного населения, не говоря уж о разведке противника. А кто мог поручиться, что в городе не осталось ни одного предателя, полиция или еще кого-нибудь из той же компании? Нужно было спешить.

Выйдя из города, полк вошел в лес. Там нас ждали танкисты. Не так уж и много техники: шесть «тридцатьчетверок» и легкие самоходки СУ-76. Да еще подарочек дорогих союзников — «Валентайны», не танки — мука!

Танки, урча, стали вылезать из леса на дорогу и, обгоняя строй, пошли вперед. По их колеям мы двинулись дальше.

В моем фронтовом дневничке сохранилась такая запись:

«11 февраля. Рейд на Дубно через Млинов. 17—18 часов. По дороге сильный артогонь. Есть убитые. Несмотря на то что справа и слева немцы, идем вперед. Рвем нагло и нахально. Вышли в район кирпичного завода».

Не помню сейчас, где был «кирп. завод», но хорошо запомнил другое. Наверное, не случайно я тогда записал: «Рвем нагло и нахально...» Действительно, наш прорыв у Хорупани, где мы, как и предсказывала разведка, натолкнулись на весьма жесткую оборону немцев, другими словами и не назовешь. Под сильным артогнем, вслед

за танками, проскочив окопы и траншеи, теряя людей, полк летел вперед, в тыл к немцам. И никакие мины, снаряды, пулеметные или автоматные очереди уже не в силах были остановить конников.

Грохот танков, самоходок, несущиеся артиллерийские упряжки, верховые конники, скрежет гусениц, взрывы снарядов — все это накрепко врезалось в память. Не все танки прорвались. Сосчитать, сколько шло теперь с нами, не удавалось, но то, что неподалеку жарко горело несколько дымящих черными клубами железных костров, тоже запомнилось. По обе стороны дороги с визгом ложились снаряды. Время от времени они накрывали колонну — и тогда падали казаки, валились с предсмертным ржанием кони. Раненых тут же подбирали, устраивали на повозки, стараясь оказать помощь на ходу.

Симбуховский нервничал:

— Тридцать третий может не успеть, черт его подери! Вечно чухаются... Может быть, нам развернуться да ударить немцев с тыла, обратным броском?

— А если Мизерский не подошел к тому месту, где мы прорвались? Тогда только людей положим,— начальник штаба Денисов с сомнением качал головой.

— Мизерский мог и не подойти. А немцы наверняка уже ворота захлопнули. Да, собственно, и ворота-то были невелики. Нет, вперед, и только вперед,— Василий Федорович махнул рукой.— Вперед!

Колонна двинулась дальше. Через несколько минут опять разрывы снарядов. Что за черт? Не могла же у немцев быть пристреляна вся дорога? А ночью не больно пристреляешься, попробуй разгляди в темноте, кто и куда по ней движется. Уж не корректирует ли кто их огонь?

Полк все дальше и дальше уходил от Хорупани. В небольшом хуторке штаб остановился. Было еще темно. Взмывленные, уставшие кони тяжело дышали, казалось, поглядывая на людей с укоризной. Мы зашли в ближай-

шую хату. Пусто. Василий Федорович подсел к столу, расстегнул планшетку, достал карту.

— Давайте уточним, где мы находимся и сколько еще до Дубно...

Его ординарец, молодой парнишка из недавнего пополнения, отстегнул с куртки трофейный фонарик, посветил на карту.

— Так вот, товарищи, мы сейчас на полпути от Хорупани к Дубно. Тридцать третий полк не прорвался. Здесь, кроме нашего «тощего» полка и танкистов, никого нет. Противник прекрасно знает, что мы прорвались, и, без сомнения, хочет нас обнаружить и уничтожить как можно скорее. Нужно оторваться, чтобы он нас потерял. Это главная задача...

— Василий Федорович, а если нам изменить направление, идти к Дубно другой дорогой? — подал голос начальник штаба.

— Я это и хочу предложить. Пусть будет небольшой крюк, но зато подойдем к городу совсем не там, где нас ждут...

Сильный взрыв прервал Симбуховского. На головы посыпались щепки, пыль с потолка. Снаряд разорвался где-то рядом.

— Это опять с Хорупани бьет, сволочь...

Еще один взрыв. Погас фонарик, и тут же — протяжный стон.

— У кого есть свет? — вскрикнул Денисов. Кто-то включил свой фонарик.

В хату вбежал Ефим Аронов. Симбуховский, отряхиваясь от пыли, склонился над лежащим на полу ординарцем.

— Ефим, посмотри, что с ним, — бросил командир через плечо.

Аронов нагнулся над лежащим пареньком, с натугой перевернул отяжелевшее тело.

— Он мертв. Осколок вошел в спину против сердца.

— Этот осколочек мне предназначался, — сурово сказал Симбуховский. — Я же рядом стоял. Эх, Сашка, Сашка, прикрыл меня, беспризорная твоя душа...

В этот момент в хату вошли двое разведчиков в масках-халатах.

— Товарищ майор! Разрешите доложить...

Головы всех присутствовавших повернулись к ним.

— Докладывайте. Что стряслось? — сердито буркнул Симбуховский.

— Товарищ майор, мы поймали немца. Корректировщика. Он с радией за полком шел...

— Как это так, за полком? А куда же наши замыкающие смотрели? Хороши казачки, нечего сказать!

— Мы специально отстали от колонны, замаскировались и наблюдали. Смотрим, крадется пригнувшись. И радия при нем...

— Ах, сволочь! Значит, это он корректировал огонь! Расстрелять гада! — Симбуховский повернулся к Аронову. — Ефим, раненых всех взять с собой, никого не оставлять. И Сашку моего возьмите. Потом в городе схороним. Все, товарищи офицеры. Вперед, по коням. Денисов!

— Я здесь, Василий Федорович! — отозвался начальник штаба.

— Подскочи к командиру танкистов. Передай, чтоб от нас не отрывались. Объясни, что решили идти другой дорогой. Двигай.

Полк двинулся дальше. Вскоре заурчали танки, обгоняя нас. Свернули на другую дорогу. Здесь снег был поглубже, и идти можно было только по гусеничным колеям.

Противник не успокаивался. Снаряды продолжали рваться, хотя реже и не так точно, как раньше.

Мы шли рядом с Ефимом. Разговаривать не хотелось. Молчали. Последний танк обогнал нас, обдав соляровым выхлопом. В этот момент в нескольких метрах от дороги опять разорвался снаряд. Мы успели пригнуться, а от

группы, шедшей впереди, кого-то отбросило в сторону. Мы с Ефимом побежали, и он на бегу все старался передвинуть со спины на живот свою санитарную сумку. На снегу, совсем рядом со следом гусеницы, лежал человек. Мы нагнулись над ним, Ефим посветил фонариком. Лицо раненого было незнакомо, да и форма не наша, не казачья.

...Много лет спустя народный артист СССР, режиссер, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Станислав Иосифович Ростопцкий вспоминал о том, как в 1941 году стал солдатом. На фронте пробыл до февраля 1944 года, когда по заданию редакции, где служил фото-корреспонентом, отправился в 29-й полк. В одну из февральских ночей он шел с колонной кавалеристов по немецким тылам на Дубно. Внезапно почувствовал: «...что-то огромное, неумолимое и жестокое навалилось на меня, сжало грудную клетку, обдало жаром и запахом бензина и жженного металла. Стало на мгновение очень страшно, именно из-за полной беспомощности и невозможности бороться.

— Готов парень. Отвоевался...— громко и ясно сказал кто-то рядом.

Стало обидно и страшно, что бросят. А я ведь жив. Жив или нет? Только дышать очень трудно, и рука не шевелится, и нога. Но надо встать. Встать во что бы то ни стало. Я с трудом оторвался от весенней слякоти, простоял, как мне показалось, очень долго и начал падать, но чьи-то руки подхватили меня...»

Да, в ту ночь нашего прорыва к Дубно никому не известный тогда фотокор Ростопцкий был с нами. Он был ранен тем злополучным снарядом и взрывом отброшен под идущий танк. Если бы не глубокий снег — танк поднял бы его. Снег помог ему остаться в живых, первую необходимую помощь оказал случившийся рядом Ефим Аронов, наш солдатский доктор, как его все звали в полку. Рискуя сто раз погибнуть, наши казаки вытащили

раненого через непроходимое болото и передали тыловым медикам. Конечно, никому и в голову не могло прийти, что спасаем мы будущего известного режиссера...

Небо стало чуть светлеть. В стороне Дубно было тихо. Полк на рысях шел за танками, приближаясь к окраинам города. Поднялись на большой пологий холм. С него стал виден город. Силуэты зданий, остроконечные шпили костела, купола церквей. Левее — широкая низина: то ли болото, то ли пойма реки Иквы.

Тишина тревожила. Почему молчит противник? Выжидает? Затаился? Симбуховский, стоя на склоне холма, рассматривал город в бинокль. Поднявшись в стремянах, оглянулся назад:

— Поэскадронно, влево-вправо — разомкнись. Вперед галопом, ма-а-арш!

Цепи казаков, разворачиваясь на ходу, понеслись к городу. Впереди конников пошли к окраине танки, урча и разбрасывая в стороны и вверх комья снега. Но скоро стало очевидно, что широкого охвата цепью не получится. И танки, и всадники жались все ближе и ближе к дороге. По целине продвигаться было невозможно. Вязли кони, танки обходили низинные места. Цепь казаков вытягивалась в ленточку по дороге вслед за танками и вскоре скрылась за первыми строениями.

Почти тут же громыхнуло несколько пушечных выстрелов. Из-за домов поползли клубы черного дыма. Горел танк. Вот только наш ли, немецкий — не разберешь. Галопом понеслись в сторону от окраины города коноводы, держа на поводу по пять-шесть лошадей. Значит, спешились эскадроны, завязали бой.

— Ну что, товарищи, пошли вперед! Коней оставим вов в том овражке,— Симбуховский показал в сторону небольшого хуторка слева от дороги.

Бой в городе разгорался, стрельба стала ожесточеннее. Эх, побольше бы нам силенок! Если бы прорвался 33-й полк! А то ведь один наш полк, да еще сильно потрепан-

ный. И половины личного состава нет, а устали люди — смотреть страшно.

Наша штабная группа двигалась по неширокой улочке пока без происшествий. Под огонь не попадали, может, потому, что было еще темновато. Справа тянулись домики жителей, небольшие палисаднички, примыкавшие друг к другу. Прошли метров триста. Слева, на невысоком пригорке, показалось кирпичное одноэтажное здание. По виду — нежилое.

Симбуховский кивнул связному:

— Ну-ка, проверь, что за дом.

Казак перебежал улицу, ударил ногой дверь, вошел. Через минуту вернулся.

— Товарищ майор, дом крепкий, стены толщенные. Это у них, по-моему, бойня была. Крюки на стенах для туш. И больше ничего. Ни мебели, ни людей.

— Вот здесь пока и останемся, — решил командир. — Надо налаживать связь с эскадронами и танкистами. Денисов! Займись этим делом. Я понимаю, что сейчас не до телефонов, но связных надо иметь. Осмотрите все здание, что тут есть, куда окна, куда двери выходят. Пока наш КП здесь будет, потом посмотрим.

За соседними домами шел ожесточенный бой. Доволились крики наших конников и немцев, автоматные очереди, ухање гранат. Стрельба то приближалась, то несколько затихала, видимо удаляясь, то разгоралась с новой силой.

Часам к семи утра в санчасть, развернутую в соседнем доме, все чаще и чаще стали поступать раненые. Кто-то приходил сам, если ноги держали, других приносили товарищи. Часа через полтора раненых было уже более пяти десятков. Куда их эвакуировать? Полк с трех сторон окружен немцами, а с четвертой стороны — непроходимое болото. Аронов доложил обстановку командиру полка.

Выслушал Василий Федорович, задумался.

— Что ж, друзья, обстановка серьезная. Надо всех раненых собирать и всем оказывать ту помощь, на которую вы способны. И думайте... Пошлите кого-нибудь к болоту, к мосту через Икву. Может быть, найдется какая-нибудь лазейка.

Перед бойней, на небольшом пригорке, виднелось кладбище. Каменные невысокие плиты над могилами, и никаких памятников. Как потом оказалось, это было старое еврейское кладбище. Третий эскадрон занял там оборону. Огонь стал более организованным. Но оборона — она и есть оборона. А весь город был еще впереди. И немцы, по всему видно, не думали сдавать своих позиций.

Один из наших танков и самоходка, пятясь задним ходом, чтобы не подставлять немецким пушкам «борта» и «корму», подошли к бойне. Танк остановился у входа с улицы, а самоходка подошла к задней стене дома. Пулеметная и автоматная стрельба не утихала. В редкие перемены были слышны голоса немецких солдат, громкие команды их офицеров.

В дверь вместе со связным из эскадрона вбежал сержант Коротков, еле развернувшись в тесном коридорчике со своей длинной бронебойкой — противотанковым ружьем.

— Командир эскадрона послал сюда. С чердака велел бить, если танки их увижу, — доложил он Симбуховскому и быстро поднялся на чердак.

Через несколько минут наверху грохнул выстрел, за ним еще один, и почти тут же раздался взрыв снаряда под крышей. С потолка посыпалась штукатурка.

— Горстко! Поднимись наверх, посмотри, жив ли сержант? — приказал Симбуховский.

Капитан, помначштаба, осторожно и не очень охотно — это было по всему видно — поднялся по лестнице и просунул голову в люк на потолке. Почти тут же выстрелила бронебойка.

Горстко гораздо быстрее, чем поднимался, спустился вниз:

— Жив сержант, жив...

— Это мы и так слышим. Спасибо, товарищ капитан! — с усмешкой произнес Симбуховский. Потом повернулся к нам:

— Ну что, товарищи, я думаю немцы поняли, что нас здесь не дивизия. Судя по бою, их здесь больше батальона с танками и самоходками. Они видят, что подкрепления нам получить неоткуда, поэтому и нагледят. Ишь орут! Аронов, сколько у тебя раненых?

— Товарищ майор, уже около семидесяти человек. Десять тяжелых. Посылал я людей переправу проверить, доложили, что пока пройти можно. Я всех раненых туда отправил. Пробрались или нет — не знаю. Но раненые продолжают поступать...

— А ты как думал? Раз бой идет, значит, и потери будут. Да еще такой бой. А вот что делать, если немцы этот проход закроют? Разобьют и мосток через Икву, и лед вокруг. Как тогда раненых выносить?

Громкий взрыв, от которого из двух окон вылетели стекла и сразу потянуло гарью, прервал командира полка. Денисов осторожно выглянул из-за простенка.

— Подбили наш танк. Горит. Но экипажа нет. Может, погибли, может, успели выскочить...

По стенам бойни защелкали разрывные пули, ударили один за другим два снаряда. Но стена держалась, только внутри посыпались штукатурка и пыль.

— «Может, может»... Если бы да кабы... Я думаю, нам надо из бойни выбираться, пока нас тут, как в мышеловке, не прихлопнули. Двинемся налево и вниз, к тому кладбищу. Организуем оборону так, чтобы до завтра продержаться. Может быть, комдив что-нибудь предпримет...

Из бойни было два выхода. Один на улицу, где только что был подбит наш танк, другой — во двор, к пригорку, заросшему деревьями. Рядом с этой дверью стояла, еще «живая», наша самоходка СУ-76. Пожалуй, это был один

из последних представителей нашего танкового «войска». Все остальные танки и самоходки были подбиты.

Около трех часов дня почти к двери, что выходила на улицу, подошла немецкая самоходка и встала, не проявляя пока никакой активности. Очевидно, немцы поняли, что в бойне находится штаб русских, и решили захватить нас живыми.

Мы с Ефимом осторожно выглянули в проем двери. Немецкая самоходка стояла к двери «кормой». Из дома напротив бойни выбежала молодая женщина с ребенком на руках. Она, очевидно, решила, что в каменной бойне безопасней, чем в своем домишке. Но в этот момент рядом с ними разорвался снаряд. Женщина вбежала в бойню с уже мертвым ребенком. Еще не понимая, что произошло, она протянула малыша Ефиму.

— Перевяжите головку...

Рядом с дверью во двор, где стояла наша самоходка, раздались взрывы. Самоходка горела. В ней рвались патроны и оставшиеся снаряды. Экипажа не было. С еврейского кладбища, уже занятого немецкими автоматчиками, трассирующие пули снопами били по стенам бойни. Выход был отрезан.

«Неужели это конец?» — пронеслось в голове.

Считанные минуты решили нашу судьбу. Задержись мы немного, и не уйти нам из этой бойни. Как удалось вырваться, вспомнить со всеми подробностями трудно. Выход на улицу был уже отрезан, рядом стреляли автоматчики, а у двери во двор — горящая самоходка.

Симбуховский и Денисов выбежали в эту дверь, проскочили мимо самоходки, побежали налево и вниз, к видневшейся вдали каменной ограде. За ними кинулись Наумов — наш замполит, Горстко, еще кто-то из штабных. Оставалось трое: начальник артиллерии капитан Френкель, Аронов и я.

Первым выскочил Френкель, за ним мы с Ароновым. Автоматчики с кладбища уже заметили перебежки. Трас-

сирующие пули пошли строчками в нашу сторону. Френкель бежал чуть впереди. Вдруг он споткнулся, словно кто-то толкнул его в спину, и упал лицом вниз.

Пробегая рядом, я увидел... Это было страшно. Разрывная пуля попала капитану в затылок... Помощь оказывать было бесполезно.

Вот и та ограда, к которой мы бежали. Узорчатые, железные ворота, чуть дальше, за деревьями, памятники, могилы... Опять кладбище! Господи, да сколько же их здесь? Стрельба затихла. Очевидно, потеряв нас из виду в этой низинке, немцы прекратили огонь. Мы пошли, осторожно ступая между могилами. За стеной одного из склепов я увидел Симбуховского и наших офицеров. Подбежал казак из разведзвода.

— Товарищ майор, здесь рядом склеп. Крепкий, да и подземелье приличное: там два гроба всего, места хватит...

— Для кого места хватит? — мрачно хмыкнув, спросил Наумов.

— Да не-е, я не то, — смутился парень. — Там безопасно...

— Ну пошли, посмотрим, — Василий Федорович легонько подтолкнул разведчика в спину. — Веди, показывай.

Склеп действительно был солидным. Снаружи — целая часовенка, каменная, крепкая. Со стороны, не простреливаемой немцами, вход в подземелье. Десяток ступеней вниз — и примостившиеся рядом на довольно просторной каменной площадке... два гроба. Тишина, полумрак...

Симбуховский огляделся, постучал костяшками пальцев по крышке гроба, как стучат в дверь, прося разрешения войти.

— Да простят нас покойнички за беспокойство, КП будет здесь. Денисов! Связных сюда.

Стрельба затихала. Ночь в склепе прошла более или менее спокойно. Немцы ночью не часто воевали. А наши эскадроны, вернее, то, что от них осталось, активности проявлять не могли просто физически.

Изредка над городом, над болотом немцы «вешали» осветительные ракеты, да где-то совсем недалеко порой урчали, как ночные хищники, немецкие танки. А наших осталось всего два, и они молчаливо стояли неподалеку от кладбища, прижавшись к небольшим домикам.

Рассвело. Началась пулеметная и автоматная трескотня. На кладбище стали рваться мины. В склеп, запыхавшись, вбежал связной, стащил с головы ушанку, вытер мокрое, потное лицо.

— Товарищ майор, немцы отходят. Комэск приказал узнать, какое будет указание?

— Указание одно, дорогой. Беги назад, передохнуть потом успеешь. Передай: преследовать врага! И закрепить-ся опять на еврейском кладбище.

Связной убежал.

Минут через пять стрельба разгорелась с новой силой. Остатки двух наших эскадронов попытались восстановить вчерашнее положение, дважды атаковали противника, стремясь выйти к бойне и еврейскому кладбищу. Но безуспешно. Силы казаков были на исходе. Почти в это же время над городом, над поймой Иквы, над болотом начали кружить три транспортных немецких самолета. Хорошо было видно, как от них отделились черные предметы, полетели вниз, но тут же над ними развернулись парашюты. Десант? Но людей под куполами не было видно. Скорее всего, немцы сбрасывали своим частям боеприпасы и продукты.

Часа в четыре дня на «нашем» кладбище опять стали рваться мины, а вслед за ними и снаряды. Значит, верно: парашюты доставили подкрепление. Разлетались кресты, корежились железо оград. Каменные плиты сползали с могил. Как только артналет закончился, противник решил покончить с нами. Вражеские автоматчики пошли густой цепью, прижимая к животам свои «шмайсеры». Остаток эскадрона, занимавший оборону на окраинах кладбища, не выдержал, стал отходить. Да и что было делать? Пат-

ронов-то, не говоря о снарядах и минах, почти не осталось. За трое суток тяжелейших боев в окружении мы не могли получить никакой помощи, никакой поддержки.

Положение становилось безвыходным.

— Что ж, товарищи,— обратился Симбуховский к офицерам,— будем отходить. Здесь сидеть — хорошего не выдержишь. Попробуем пробраться болотом в сторону Иванне. Эх! Растуды их... Ничего, господа немцы, мы еще отыграемся! Так отыграемся, что вам тошно станет! — Василий Федорович ударил кулаком по крышке гроба, крепко выругался и, надев кубанку, первым вышел из склепа.

Перебежками, прикрываясь памятниками, высокими каменными надгробиями, мы вышли к окраине города. Остатки 4-го эскадрона Петра Кухарева еле сдерживали натиск автоматчиков. У последних домов встретили Аронова. Симбуховский подошел к нему:

— Как дела с ранеными?

— Все, кто были у меня, отправлены через болото в Иванне...

— А там можно пройти?

Аронов пожал плечами:

— Среди раненых было несколько наших разведчиков. Я попросил легкораненого ефрейтора Шматова пройти по кочкам через болото. Это было еще до последней атаки немцев. Шматов и еще два разведчика ушли. Договорились, что они дадут красную ракету, если пройдут по болоту и переберутся через реку. Мост-то разрушен...

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Симбуховский.

— Часа через два я увидел ракету. Всем раненым сказал: «Кто хочет остаться живым, идите через болото, помогайте друг другу. Лежачих придется тащить волоком на досках». Ушли все...

Мы стояли у края болота. По льду, среди зарослей камыша, еле-еле двигались несколько бричек, ползла тачанка с молчащим пулеметом. За ними оставались взломанные, почерневшие, залитые водой льдины. Правее тяну-

лось широкое ледяное поле с разбросанными по нему полыньями. В воде барахтались обессиленные люди, тонущие лошади били передними ногами, пытались выбраться на кромку льда. Несколько солдат, осторожно обходя край полыньи, пытались помочь провалившимся, но видно было, что лед не держит, ломается. От города методически, с противным визгом летели и били лед мины. Каждый взрыв поднимал столб воды, льда, грязи. Казалось, впереди верная смерть. И все-таки мы двинулись через болото.

Из воспоминаний Ефима Ильича Аропова:

«...Я со своим коноводом отходил в числе последних. Спустившись вниз, мы пошли по болоту, перебираясь с кочки на кочку. Лошади шли за нами. Несколько раз, оступившись, проваливались в грязь, с трудом выбирались и шли дальше.

Уже совсем стемнело. Обстрел со стороны города продолжался, вокруг рвались мины. Невдалеке показался разрушенный мост через Икву. Его деревянное покрытие было полностью снесено, остались только торчащие сваи. Кто-то кинул на них тоненькие дощечки. По этим дощечкам нам удалось перебраться на другой берег...»

Из воспоминаний сержанта Михаила Ивановича Короткова:

«...Бронебойщики дошли до реки. Она здесь была около 15 метров шириной. На середине — быстрина, там лед осел, вода сверху. Я положил ружье на лед и, толкая его перед собой, полз вперед, держась за ствол. Левее меня ползли по льду два наших казака. И вдруг лед под ними на самой середине реки проломился. Казаки пытались ухватиться за обломки льда, но почти тут же скрылись в воде. Всплыли только куски темного льда. Я приподнялся на руках, оперся на ружье, и тут лед подо мной тоже провалился. Мне повезло, берег был недалеко. Я ухватился за пучок травы, вытолкнул на берег свою бронебойку. Кто-то из солдат помог мне выбраться...»

Где-то неподалеку от товарищей перебирался через болото и я. Проваливался, падал, хлебал ледяную, черную воду. По тому же полуразрушенному мосту перебрался на другой берег Иквы. Грязный, мокрый, брел я, шатаюсь от усталости и всего пережитого за эти три страшных дня. Вдруг кто-то окликнул меня по имени, не очень громко, но тут же еще раз, уже отчетливей. Я обернулся, думая, что обознался: никто в полку меня по имени не называл.

Ко мне бежал человек в ташкентском племе и комбинезоне. Ближе... ближе... Господи, бывают же встречи! Игорь Казанский — одноклассник, товарищ по школе, по той Радищевке, которую мы окончили в уже совсем забытом сороковом году!

Обнялись. Слезы с грязью пополам...

— Ты... оттуда... живой? — только и смог он вымолвить. — А мы решили, что все кавалеристы погибли. Кто в городе уцелел, тот в болоте полег. Не могли мы вам помочь: через реку, через болота на танках не проскочишь. Ну как ты, не ранен?

— Да вроде цел...

Как хотелось поговорить с Игорем, рассказать ему о своих злоключениях, узнать о его военной судьбе. Ведь расстались мальчишками, а столько испытали за эти годы, словно прожили большую жизнь. Не зря на войне год — за три... Рядом, фыркнув выхлопом, остановился танк, открылся люк.

— Это мой. Надо двигать дальше. Утром бой. Запомни номер моей части. Может, увидаться еще разок доведется.

Мы встретились с ним еще раз через пятнадцать лет после Победы.

На следующий день остатки нашего полка уходили из Иванне...

Вряд ли в ту пору участники Дубновского рейда могли объективно оценить его значение. Казалось, зачем было

мотаться по тылам врага, терять людей и технику и в итоге бесславно отступить, так и не взяв города. Но именно такие рейды, неожиданные налеты с тыла изматывали фашистов, сеяли среди них панику и неуверенность. Да, немецкая армия была еще сильна. Но стрелки часов истории уже считали время Победы. Нашей Победы, несмотря на отходы, потери и даже поражения в боях за конкретный город, деревню, безымянную высоту.

Прошло много лет с тех тяжких дней февраля 1944 года, прежде чем удалось нам, уцелевшим тогда, приехать в Дубно. Поклониться братским могилам, постоять у здания бывшей бойни, побывать на кладбище, заглянуть в подземелье того склепа, где был наш последний КП, пройти по улице, названной именем Симбуховского... В дни сорокалетия Победы решением Дубновского Совета народных депутатов Ефиму Ильичу Аронову, Михаилу Ивановичу Короткову, Станиславу Иосифовичу Ростоцкому и автору этой книги присвоены звания «Почетный гражданин города Дубно»...

Листаю пожелтевшие странички своей коричневой книжечки-дневника. Листок за листком — день за днем. Бои, марши, короткие передышки, опять марши, бомбежки, артобстрелы... Будни войны. Еще две недели мы дрались в округе Дубно, отрезая пути отхода из города частям противника. На Дубно в лоб шла пехота. 17 марта наконец Дубно был освобожден.

Командир полка

И вот запись в моем дневнике:

«22 марта. Нелепый случай. Ранен Василий Федорович Симбуховский случайным выстрелом в грудь навывлет. Отправили в тяжелом состоянии...»

За какой населенный пункт дрался полк 22 марта, я не вспомню. Перевернул страничку назад, прочитал: «18 марта. Следуем в район Подзамче...» Это было 18 марта. За три дня мы далеко уйти не могли, бои там были ожесточенные. А вот то, что произошло, помню хорошо.

Мы с Николаем были в хате, неподалеку от штаба полка. Я сидел и что-то писал. Николай возился в сенцах, зашивал переметку на седле. Ее разодрало осколком при бомбежке пару дней назад. Я заметил, как кто-то из казачков вбежал к нам во двор, что-то крикнул Николаю и тут же выбежал обратно. Николай вошел в хату. Я поднял голову, вижу — на нем лица нет.

— Что случилось?

— Товарищ начальник... — Николай от волнения запылся. — Убит Симбуховский. В него Лебедев выстрелил.

— Что-о-о?! — только и смог вскрикнуть я. Испарина покрыла лоб. Схватив ремень с кобурой, я выскочил из хаты. По улице уже бежал Аронов с санитарной сумкой в руках. Почти одновременно мы рванули дверь командирского дома.

Василий Федорович лежал на боку. Постель была в крови. Рядом стоял бледный как полотно его ординарец Лебедев. Ефим бросился к постели, схватил руку Симбуховского, нащупывая пульс. Василий Федорович застонал, открыл глаза, сквозь стиснутые зубы тихо проговорил:

— Лебедев не виноват... Это случайность... Не давайте его в обиду...

Ефим перевернул Симбуховского, разорвал на нем рубашку. Пуля попала в грудь, слева, но, к счастью, сердце не задела. Аронов принялся перебинтовывать командира.

А произошло вот что. Лебедев, любимый ординарец и коновод Симбуховского, чистил в сенцах трофейный «парабеллум». Этот хороший немецкий пистолет очень любил наш командир полка и обычно всегда носил его не в кобу-

ре, а за пазухой, за бортом полушубка или куртки-венгерки. Но одна была у него опасная привычка: в пистолете патрон всегда был в патроннике. Лебедев, чистя этот пистолет, упустив из виду привычку своего командира, по неосторожности нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Симбуховский, застонав, повалился на кровать.

В том, что это была случайность, у меня сомнения не возникло. Но как это доказать руководству дивизии, прокурору? Ведь случай может быть истолкован как покушение на жизнь командира полка! Тогда — трибунал.

— Ефим, что будем делать? — спросил я Аронова.

— Командира сейчас же отправим в медсанэскадрон, нужна срочная операция. Потом — в госпиталь. Я думаю, что все обойдется. Сердце не задето, но пробито легкое. А Лебедева надо спасать. Ты как считаешь?

— Я согласен. Арестовывать я его не буду. Но я не бог, есть начальство повыше. Слушай, надо сделать так, чтобы Лебедева в полку и в дивизии не было. Понял? Давай отправим его вместе с Василием Федоровичем в госпиталь как сопровождающего.

Симбуховского в тот же день отправили в госпиталь. Лебедев уехал вместе с ним. По этому поводу мне пришлось сочинить объемистое объяснение, выслушать далеко не самые лицеприятные слова от своего начальника майора Мирошина. Но обошлось.

Через день или два проходил я по улице села, где был штаб, и встретил Короткова, того самого сержанта-бронбойщика, который был с нами в боине в Дубно. Он подошел ко мне, лихо вскинул руку к шапке:

— Здравия желаю, товарищ лейтенант!

— Здравствуй, сержант, здравствуй. Как здоровье? Я слышал, тебе в Икве искупаться пришлось, а бронбойску не бросил, молодец.

— Икупался, да. А как командир полка? Говорили, что он ранен.

— В госпитале майор. С ним и Лебедев...

— Вот какой у нас командир! Ребята прямо говорят: другой бы разве так поступил? Другой бы засудил или расстрелял бы своей рукой. Очень у нас казаки майора нашего любят. И уважают. А я еще чего хотел, товарищ лейтенант, вот поговорить надо, интересную штуку услышал...

— Ну так что же, давай поговорим. Заходи к нам в хату. Знаешь, где мы с Николаем остановились?

— Это с Горбуновым? Знаю.

К вечеру Коротков зашел ко мне:

— Товарищ лейтенант, я вот что хотел вам рассказать. Здесь, когда развели нас по хатам, наш хозяин, пожилой таксой, сказал, что зовут его Макар-драгун...

— Это почему же «драгун»?

— А он говорит, что служил в драгунах еще в царской армии. Здесь стояли. Он и женился на дочери хозяина, у которого были на постое. Он нас хорошо принял. А вчера вот, вечером, сидели мы, покуривали, он и говорит, что здесь, на Ровенщине, есть националистическая организация, «Просвита» называется, что ли. Она продукты заготавливает, одежду...

— Это для чего же?

— Говорит, для своего войска.

— Войска? Это что же за войско? С кем же это войско воевать будет? — поинтересовался я.

— Я спросил. Он пожал плечами и говорит: «Слышал байку, что воевать будут не то с немцами, не то с советами». А в войско не всех принимают, только парней из семей богатых, зажиточных. Вот в Погорельцах такое войско уже есть. Командиром там местный, зовут его Гонта. Есть и в Черешнивке, там командир Покотило.

— Это что, фамилии или прозвища?

— Да нет, он говорит, их так зовут, но то не фамилии. Фамилии он не говорил. Спросить?

— Нет, пока не надо. Пока никому ни слова об этом.

— А еще он говорил, что в их войске есть и роты, и взводы, и отделения. Взвод они называют «чета», отделе-

ние — «рой». Связники есть, девчата, женщины молодые. Завхозы тоже есть — «господарчи». Копают они под землей схороны, прячут там оружие, боеприпасы, одежду, обувь, продукты. Когда схороны роют, землю в мешках в реки, в пруды носят, чтобы незаметно было, где копали... Ей-богу, слушал я и не верил. Неужели все так, а? А еще, — Коротков понизил голос, — говорили ребята наши, что где-то здесь, неподалеку, какие-то бандиты нашего командующего фронтом ранили, есть слух такой. Может, кто из этих армий?

На следующий день я поехал в штаб дивизии, в отдел. Рассказал все Братенкову. Он молча подошел к металлическому ящику, в котором, как мне было ведомо, возили секретные документы, достал бумагу, протянул мне. Это было сообщение о действиях подпольной организации украинских националистов на территории западных областей Украины.

Из справки

Главного управления пограничных войск
о результатах борьбы с бандитскими группами
на территории Ровенской, Волынской
и Тернопольской областей
в марте 1944 года:

«...22 марта 1944 г. при ликвидации 16-м погранполком войск НКВД охраны тыла бандитской группы «Олег», оперировавшей в Острогском районе Ровенской области, было установлено, что эта банда совместно с ликвидированной бандой «Черноморец» участвовала в нападении на командующего фронтом Ватутина. У убитого главаря банды в дневнике найдена запись такого содержания: 29 февраля «также разбиты две легковые машины, из числа которых — машина, на которой ехал Ватутин. Сам Ватутин ранен. Захвачены документы и карты».

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают обстоятельства ранения Ватутина, и, кроме того, допрошенный участник этой банды, оставшийся в живых (имеет четыре ранения), также подтвердил факт нападения этой банды на Ватутина...»

Документ, с которым познакомил меня Братенков в отделе дивизии, свидетельствовал о том, что предстоит борьба с новым, выползающим из подполья коварным врагом, действующим в нашем тылу. А кто не знает, что спокойная обстановка в тылу — залог успехов на фронте. По своей прежней службе я прекрасно знал, что порядок в тылу действующих армий обеспечивают войска охраны войскового тыла — пограничные войска. Сам занимался этим в 1941 и 1942 годах. Но насколько теперь усложнилась для пограничников задача!

А нам предстояло бить врага на фронте и в его тылу...

Бои продолжались. В моем дневничке сохранились записи:

«26 марта. Ночной марш в район дер. Паниква. Немцы рядом. Есть пленные.

27 марта. Вели бой за дер. Паниква. Режем шоссе Броды — Львов. У фрицев паника.

28 марта. Ведем наступление на Паникву с целью перерезать шоссе Броды — Львов и полностью окружить противника.

2—8 апреля. Упорные, кровопролитные бои в районе Паниква».

Вспомнилось, что под Паниквой вернулся в полк Николай Савгир, бывший санинструктор из эскадрона Дмитрия Зенского. В бою под Скрегитовкой, на том же лесном перекрестке, где погиб Зенский, был убит и Савгир. Во всяком случае, на могиле в лесу, на дощечке, была написана и его фамилия... И вот он, «воскресший», через полгода вернулся в полк.

В боях под Паниковой Николай снова был тяжело ранен. Ему ампутировали руку. А когда раненых эвакуировали из госпиталя в тыл, на машины напала банда бандеровцев. Всех раненых перебили. Из штаба полка послали на Савгира вторую похоронку...

Но и на этот раз случилось чудо. Николай остался жив. Их машина успела проскочить невредимой.

Сейчас он живет и работает в Киеве. Доцент кафедры философии в Киевском политехническом институте.

В конце мая в полк из госпиталя вернулся Василий Федорович Симбуховский. В семейном архиве Симбуховских сохранилось его письмо жене:

«27 мая 1944 года... После продолжительных мытарств я снова в своем родном хозяйстве, с боевыми друзьями... При возвращении из госпиталя попал в аварию. Подробности описывать не буду, а результат таков — шофер в тяжелом состоянии со слабыми признаками жизни отправлен в госпиталь, а я с рассеченной правой бровью, ушибом головы и груди был посажен на попутную машину. Рана быстро заживает и не вызывает каких-либо опасений...»

Ну нужно же было такому случиться! Хорошо еще, что полк в это время был на отдыхе.

Конечно, отдых во время войны — понятие относительное. Кроме занятий с пополнением, караульной службы, получения оружия, конского состава всегда еще куча забот. В полку не было ни одного командира, равнодушно относящегося к своим обязанностям. Во всем царил дух соревнования — кто лучше? А для такого соревнования у нас, в коннице, широкое поле деятельности. Возьмем, к примеру, упряжь. Она изнашивается, а без нее хоть пропадай. Для изготовления упряжи нужна кожа. А где ее брать? Ждать, когда из тылов пришлют? Так вот, кожу мы сами выделывали в тылах дивизии. Наши кузнецы в эскадронах и батареях сами ковали подковные гвозди-ухналы, как их называли, да и подковы делать тоже самим

приходилось. Даже деготь для смазки кож гнать ухитрились.

По возвращении Василия Федоровича в полк состоялся у нас откровенный разговор. Меня привело к командиру желание выяснить, понять наконец-то, почему же он относится ко мне подчеркнуто официально, сухо, сдержанно. В чем дело? Неужели причиной тому — моя должность? Вроде бы я ни разу не дал не только ему, но и другим офицерам повода к недоброжелательному отношению к себе. Полк стал моей родной боевой семьей.

Должен признаться, я любил Симбуховского. Любил за бесстрашие, преданность боевому делу, внимательность, требовательность. Да бог знает еще за что. Порой и не объяснишь, почему одного человека полюбил, а другого нет.

Я зашел в сенцы командирской хаты, постучал в дверь.

— Кто там? Заходите, не заперто.

Я зашел. Василий Федорович сидел за столом, что-то писал.

— А-а, лейтенант, заходи, заходи, гостем будешь.

Помню, я удивился этой первой фразе, произнесенной им с какой-то ранее мне неведомой теплотой в голосе.

— Лебедев, согрей-ка чайку! Или чего-нибудь погорячее, а? — подмигнул мне командир полка. — Хотя вам по службе «горяченького» не положено. Так?

— Да, пожалуй, лучше чайку...

— С чем зашел-то, случилось что?

— Да нет, товарищ майор, просто поговорить хочу.

— Поговорить? Это можно, хотя и осторожно. Но я гляжу, лейтенант, ты — человек! А я, признаться, с давних времен недолюбливаю вашего брата. Есть причина.

— Какая же, Василий Федорович? Неужели должность как клеймо на человеке?

— «Человеке, человеке»... Много ты знаешь. Тебе сколько лет?

— Двадцать два.

— Вот то-то и оно, что двадцать два. Счастливый ты, не коснулась тебя лихая година. И — человек. Это я по случаю с Лебедевым понял, тогда, после ранения. Правильно вы с Ароновым поступили, по-человечески. Мне все доложили. А ведь мог ты его посадить?

— Мог.

— А не посадил. Не засудили. Понял, значит, что у этого чалдона умысла не было.

В тот вечер Василий Федорович рассказал мне много такого о своей жизни, чего я и не предполагал.

Родился Василий Федорович в Красноярске в 1908 году в семье столяра железнодорожных мастерских. Семья была многодетной: четверо мальчишек, четверо девчонок. Мать умерла от крупозного воспаления легких, когда Василию было всего восемь лет. Семейные заботы взяла на себя старшая сестра. Василия отдали в детдом, а оттуда уже направили его в фабрично-заводское училище при железнодорожных мастерских. В шестнадцать лет окончил учебу — и в депо слесарем... А в 1928 году ушел добровольцем в Красную Армию, в кавалерию. Послали в полковую школу. Окончил ее, стал младшим командиром. Через год вступил в партию. Служил Симбуховский в Особой Дальневосточной армии, которой командовал Василий Константинович Блюхер. Отличился в боях молодой командир, заслужил орден Боевого Красного Знамени. Потом командировали Василия Федоровича в Ленинград, в Борисоглебскую кавалерийскую школу. В 1932 году окончил ее, получил звание лейтенанта. И снова — на Дальний Восток в кавалерийский полк, стоявший в городке Камень-Рыболов на озере Ханка, но уже командиром эскадрона. За успешную службу еще раз отметили молодого командира — наградили медалью «XX лет РККА».

— И вот в 1938 году нашлась какая-то сволочь, состряпала донос на меня, что я изменник, предатель, враг... — Василий Федорович, как только стал вспоминать об этом, сразу в лице изменился. — Понимаешь, это я враг народа!

Арестовали меня. Камера. Допросы... Ух-х, гады! И трибунал. Вот так, брат. А ты знал об этом? Знал, что твой командир полка был «врагом народа»?

Василий Федорович взял с кровати полевую сумку, расстегнул, вынул клеенчатый пакет с какими-то бумагами, достал одну из них, протянул мне:

— На, прочитай. Это уже история.

Я стал читать:

«Дело № 17/580

Приговор № 14
Именем Союза Советских
Социалистических Республик.

27 января 1939 года. Гор. Ворошилов.

Военный трибунал 1-й ОК Армии в составе: Председательствующего интенданта 3-го ранга Передреева, членов техника-интенданта 2-го ранга Казачина и воентехника 2-го ранга Маклакова, при секретаре технике-интенданта 2-го ранга Митенко, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению бывшего командира эскадрона 86-го кавалерийского полка — старшего лейтенанта Симбуховского Василия Федоровича, 1908 г. рождения, происходящего из рабочих гор. Красноярск, по соцположению рабочего, холостого, бывшего члена ВКП(б) с 1929 года, исключенного в связи с настоящим делом, русского, с низким образованием, ранее несудимого, в РККА с 1928 года, добровольно, в преступлении, предусмотренном ст. 193—17 п. «а» УК РСФСР. Установил: предъявленное Симбуховскому обвинение по ст. 193—17 п. «а» УК на судебном следствии не подтвердилось. Руководствуясь ст. 319—320 УПК, приговорил:

Симбуховского Василия Федоровича по суду считать оправданным. Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного суда

Союза ССР в течение 72 часов с момента вручения копии его осужденному, опротестован прокурором после оглашения. Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Суд. секретарь В. Т. 1-й ОКА
техник-интендант 2-го ранга

Кр. Герб. печать».

И опять Камень-Рыболов. Но послали Симбуховского уже в другой полк. Назначили командиром эскадрона, потом — помощником начальника штаба. В 1940 году командование назначило Василия Федоровича начальником школы младшего начсостава. И не ошиблось. Вскоре о школе и ее начальнике Симбуховском положительно отозвалась газета «Красная звезда».

В 1943 году майор Симбуховский — слушатель Краснознаменной ордена Ленина Военной академии Красной Армии имени М. В. Фрунзе, так она полностью тогда именовалась. По окончании академии — в наш полк.

— Василий Федорович, а семья у вас есть? — спросил я.

— Есть, конечно. Женился я поздно: мне уже за тридцать было. Женился на подруге юности — вместе в комсомоле работали. Наша, красноярская, Сашей зовут. Дочь у нас растет. Вот сижу, письмо домой пишу. Хочешь посмотреть, какой мне подарок жена прислала? — Василий Федорович протянул мне газету и покачал головой: — Напишут же такое!

Среди писем моего командира, которые мне прислала его дочь, когда я работал над этой книгой, я обнаружил и ту самую газету — «Красноярский рабочий» от 17 мая 1944 года. Статья называлась «Учиться умению руководить людьми». Приведу лишь отрывок из нее:

«Симбуховский! Его хорошо знают в Красноярске. Здесь он родился, вступил в первый пионерский отряд имени Спартак, стал комсомольцем, затем коммунистом.

И не беседы ли у костра на правом берегу Енисея о талантливом полководце античной древности Спартаке заронили в сердце впечатлительного мальчика стремление быть военным?

В дни Великой Отечественной войны советского народа с немецкими захватчиками Симбуховский стяжал себе славу опытного военачальника, овладевшего наукой руководить людьми в самых сложных условиях. Советское правительство отметило его заслуги перед Родиной двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова и Богдана Хмельницкого...»

Я упомянул о письмах Василия Федоровича жене. Позволю себе привести фрагменты нескольких писем без комментариев; думаю, они излишни.

«Август 1941 года... О себе. Хочу закончить полным заверением тебя, что я готов выполнить любую задачу по обороне нашей Отчизны с честью, как это подобает людям, воспитанным Ленинским комсомолом и партией большевиков...»

«Сентябрь 1941 года... Разгром фашистских садистов неизбежен. Эти выродки существовать не могут, гнев русского народа велик, и борьба идет беспощадная, но она будет еще ожесточеннее до полного уничтожения этой гадины...»

«Ноябрь 1943 года... Родная Сашенька, ты в каждом письме обращаешься ко мне с просьбой беречь себя и моих людей... Ведь ты, Сашенька, кроме того, что являешься моей женой, еще и большевичка, так вспомни слова Долорес Ибаррури: «...лучше быть вдовой героя, чем женой труса...» Борьба без жертв не бывает, я не хочу быть «среднячком», и честь сибиряка-дальневосточника я не опозорю...»

«Февраль 1944 года... Мы сейчас поистине творим чудеса во имя нашей любимой Родины и вписали в историю немало страниц подлинного героизма, доблести и отваги. Нас ставят в пример. Мое «хозяйство» представлено

к ордену Красного Знамени — это весьма высокая оценка нашей работы... Как видишь, твой наказ выполняю, надеюсь и впредь множить славу гвардейцев-казаков-кубанцев морозовцев, которые теперь удостоены чести называться «Ровенскими». Земли русской не посрамлю, в этом можешь быть уверена».

Мы с гордостью называли себя симбуховцами. Кто-то из наших конников написал слова, кто-то сочинил мотив, и пошел по полку, вышел в дивизию, в корпус наш боевой марш:

Слушай, казак молодой, клич боевой:
Крепче клинок удалой, смелее в бой!
Честь по-гвардейски храни, знамя полка береги.
Симбуховцы бьются как львы, ай да казаки!

Двадцать девятый в бою не подведет.
Путь для отважных в бою — только вперед!
В Ровно и Дубно дрались, к славной победе рвались,
Эскадроны вихрем неслись. Ай да казаки!

Славы гвардейской своей, конник лихой,
Мы не уроним с тобой, друг боевой!
Помнишь, товарищ, бои, там, где друзья полегли?
За свободу Отчизны своей. Ай да казаки!

Слушай, казак молодой, клич боевой:
Крепче клинок удалой, смелее в бой!
Честь по-гвардейски храни, знамя полка береги.
Симбуховцы бьются как львы, ай да казаки!

Но не ради славы жил и воевал этот человек. Кичливость была чужда ему. Еще в марте 1944 года он писал своей жене:

«Про нас сложили песню, которая прославляет симбуховцев, говорит об их мужестве и героизме, небывалой стойкости. Эта песня крепко расстроила меня. Она пользуется большим успехом в наших частях. Я все время думал и готовил людей к таким делам, которые воспевались бы в песнях. Мечты сбылись, но мне кажется, слишком рано это произошло и для меня неожиданно. Мы можем делать больше...»

К Параду Победы

«...Раннее утро 6 октября 1944 года. Туманная дымка висит над полями, которым через считанные минуты суждено превратиться в огненный ад, в арену ожесточенного сражения... И вот свинцовое небо озарила гигантская вспышка. Казалось, раскалывается небо. На всем фронте наступления заговорила наша артиллерия. Воздух загудел от шума многочисленных моторов. Это стремительно неслись на вражеские позиции советские штурмовики.

С командного пункта я хорошо видел грозные силуэты наших танков, развернувшихся, казалось, во всю необъятную ширь полей. Они бешено неслись вперед, обрушивая смерч огня на вражеские позиции. Вслед за этой бронированной стеной фронтом в восемнадцать километров шли кавалерийские и механизированный корпуса... Оборона противника в полосе конно-механизированной группы была прорвана первым же решительным ударом... В 8 часов дивизии 6-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта С. В. Соколова с трех сторон атаковали город Дьюла, ворвались в него и завязали уличные бои».

Так описывает в своей книге «Дорогами войны» генерал армии дважды Герой Советского Союза Исса Александрович Плиев начало освобождения Венгрии. И я не случайно привел здесь отрывок именно из его книги. Далее он пишет:

«Вы назначаетесь, — сказал Малиновский, — командующим войсками конно-механизированной группы. В нее кроме 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, на первый случай, войдут 6-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса плюс части усиления. Это прекрасные соединения, имеющие боевой опыт, в том числе и в горно-лесистой местности...»

Надо прямо сказать, что боевые действия нашего корпуса в составе конно-механизированной группы под командованием Плиева оказались удачными не только

«на первый случай», как сказал ему командующий 2-м Украинским фронтом маршал Родион Яковлевич Малиновский. В составе этой группы мы воевали до конца Великой Отечественной войны.

В ходе боев все яснее и яснее становилось, что кавалерия в «чистом», так сказать, виде при наличии у противника большого количества танковых и механизированных частей не может играть серьезной роли. Особенно очевидным это стало в 1944 году. Опыт войны подсказал решение: создать объединенные конно-механизированные группы. Это следовало из качественного и количественного изменения подвижных войск нашей армии. Развивающаяся танковая промышленность позволяла теперь развернуть формирование значительного числа танковых и механизированных объединений.

Это снижало, естественно, удельный вес «чистой» конницы. Но не за счет сокращения ее численности, за счет увеличения танковых и механизированных объединений. Они стали называться КМГ — конно-механизированные группы. Командующим такой группой и был назначен генерал Плиев.

Войска 2-го Украинского фронта, в составе которого теперь мы воевали, должны были ударом на Дебрецен и Ньиредьхаза разгромить Трансильванскую группировку противника и, взаимодействуя с 4-м Украинским фронтом, освободить Закарпатье. 3 октября 1944 года ставка приказала силами 6-й гвардейской танковой армии и нашей конно-механизированной группы нанести удар в северном направлении от границы Венгрии, в обход города Дебрецен.

Наступление началось 6 октября...

Книга И. А. Плиева вышла в 1985 году, к 40-летию Победы. Когда я ее прочитал, мелькнула мысль: а что, если сопоставить строки из книги и строки из моего дневника? Ведь речь идет об одних боях, увиденных глазами генерала, командовавшего нашей КМГ, и глазами лейтенанта.

Из дневника:

«6 октября. Утром, в 6.00, переходим венгерскую границу, противник отходит. С боями продвинулись вперед на 45 километров, прорвав оборону. Ночью у канала столкнулись с крупными силами немцев. Ведем бой».

Из книги И. А. Плиева:

«В первый день операции войска конно-механизированной группы выполнили свою задачу. С боями прошли 45—50 километров и полностью разгромили 20-ю пехотную дивизию венгров и другие части».

Из дневника:

«7 октября. Весь день ведем бой. Ночью переходим во второй эшелон штаба корпуса. Идем в марш».

Из книги И. А. Плиева:

«К вечеру 7 октября темп наступления начал заметно падать. Противник усилил сопротивление, опираясь на сеть многочисленных танконедоступных каналов... 6-й гвардейский кавалерийский корпус должен был к утру овладеть городом Хайдусобосло, расположенным в семнадцати километрах от Дебрецена».

Из дневника:

«8 октября. Утром идем на марше. На дорогах — много убитых лошадей. Это вчера и позавчера тут «давала» авиация. Не доходя пяти километров до деревни Надь-Байом на голову колонны, где шли офицеры штаба, налетают три «мессера». Только успел крикнуть: «Бомбят!» Все бросились в разные стороны. Визг бомб. Взрывы один за другим. По спине бьют осколки и комья земли. Я всего в четырех метрах от воронки. Жив. Встаю. Коней убило. Ранен коновод Рыжов. Убиты Рудых, Кондратенко. Ранен Сирота. Через два часа опять подо мной ранило коня, а мне пробил кубанку. Ночью подходим к деревне Шап. Заняли ее, затем Бихард-Торду. Ведем бой вместе с танками. В 18 часов выходим из боя. Ночью проходим через Каба на Хайдусобосло. Обороняем город».

При взятии Хайдусобосло получился «слоеный пирог»: в городе мы, штабы дивизии и корпуса, вокруг города — немцы, а их части окружены наступающими войсками нашей же конно-механизированной группы. Не имея снабжения боеприпасами, думать о самостоятельном прорыве и выходе из окружения было бессмысленно. Оставалось одно: оборонять город и ждать, пока кольцо противника не будет прорвано извне.

12 октября гитлеровцы предприняли штурм города. Симбуховский сам повел эскадроны в контратаку. Оставшиеся две или три «катюши» мы были вынуждены поставить на прямую наводку, прикопав передки автомашин в кюветах на окраине города, позади окопавшихся там наших эскадронов. Они вели огонь своими реактивными минами не по пехоте, а по танкам. Такого в нашей боевой практике еще не встречалось. Подожгли несколько танков. Противник отошел от окраин. Немного потише стало.

Семеро суток пришлось сидеть в окруженном городе. Только 18 октября пробилась к нам соседняя часть из 4-го корпуса. Ночью мы ушли из Хайдусобосло.

Как дорогую реликвию военных лет храню я маленькую алюминиевую пластиночку, на которой вырезано: «Гв. л-ту Ивановскому от друзей и боевых товарищей в день ожесточенного боя за гор. Хайдусобосло 12.10.44». Пластинка эта была прикреплена к подаренному трофейному пистолету.

Наш путь лежал к Дебрецену. Утром 19 октября началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка, длившаяся около часа. Под ее прикрытием двинулись полки нашей дивизии. К одиннадцати часам удалось зацепиться за окраины города. Весь остаток дня и ночь продолжались упорные бои, но остановить наше продвижение противник был уже не в силах. К утру 20 октября вражеский гарнизон Дебрецена был полностью разгромлен.

«Что касается Дебреценской операции,— пишет в своей книге Исса Александрович Плиев,— в которой актив-

нейшее участие приняла наша конно-механизированная группа, то она выполнила две важнейшие задачи: во-первых, войска фронта нанесли решительное поражение войскам группы армий «Юг», вышли на широком фронте к реке Тиса и, форсировав ее, захватили оперативный плацдарм для нанесения удара на Будапешт; во-вторых, этот успех создал прямую угрозу тылу вражеских войск, оборонявшихся в Карпатах, и вынудил их к отходу. Это способствовало и успеху войск 4-го Украинского фронта в преодолении Карпат».

В конце ноября наши войска начали операцию по взятию Будапешта. Наш корпус двигался по направлению к городу Ясароксаллаш. Полк был измотан до крайности непрерывными боями. А пройти предстояло более полусотни километров осенним бездорожьем по местности, изрезанной густой сетью оросительных каналов, через многочисленные населенные пункты, которые были превращены противником в мощные узлы сопротивления.

В топкой грязи вязли не только танки и автомашины, вязли кони, вязли люди. В тяжелых, кровопролитных боях прошел октябрь, половина ноября. Полки нашей дивизии, редея на глазах, продолжали драться.

В будапештской операции перед нами стояла задача: сковывая силы противника, не допустить переброски его частей в помощь войскам, оборонявшим столицу Венгрии. Все прекрасно понимали, что взятие советскими войсками Будапешта выведет Венгрию из войны на стороне гитлеровской Германии.

В начале декабря мы заняли город Балашадьярмат. Это был последний населенный пункт на территории Венгрии. Мы первыми вышли к границе Чехословакии, к реке Ипель. Да, перед нами была Чехословакия, но в тылу оставался еще не освобожденный Будапешт.

В середине декабря полк получил новый приказ. Полк должен был горными карпатскими дорогами уйти в тыл противника и перекрыть пути для отхода его частей от

столицы Венгрии. Ни артиллерии, ни обоза с собой в горы не возьмешь. Симбуховский решил кроме эскадронов конников взять с собой лишь несколько минометов из батареи Насонова, и то не на повозках, а на вьюках. Таким образом, больше половины полка оставалось с радиостанцией и санчастью по другую сторону фронта. Правда, понятие «фронт» в этом районе было относительным. Никакой четкой линии не было. Отступавший противник цеплялся за наспех укрепленные позиции в населенных пунктах, на перевалах горных дорог и троп.

Наш отряд еще затемно пробрался в тыл противника. Шли тихо, ведя коней на поводу. Стало светать. Узкая тропа вилась между холмов, то спускаясь в низину, то карабкаясь вверх. Ни шедшая впереди группа разведчиков, ни боковые дозоры на противника пока не натолкнулись. Остановившись, мы определились по карте: километра через два — довольно крупный населенный пункт. Полагать, что там не будет немцев, было бы наивно. Мы приготовились к бою. Но не только противник, а и все местное население куда-то исчезло: дома пустые, ни дымка из труб, ни голосов, да и живности никакой.

Вышли за околицу. Названия того населенного пункта я не запомнил, но вот пригорок, на котором, внезапно споткнувшись, упал командир полка, до сих пор встает перед глазами, стоит лишь вспомнить тот злосчастный декабрьский день.

Перед Василием Федоровичем уже пересекли открытое место короткими перебежками несколько наших офицеров из штаба. Хотел было побежать и я, но Симбуховский, молча отстранив меня рукой, взбежал на пригорок. И тут внезапно застрочил пулемет... Теперь даже подползти к нему не было никакой возможности. Местность простреливалась прицельным огнем неведь откуда взявшегося врага.

— Миномет снять с вьюка и срочно сюда с расчетом!

Команда Ивана Насонова, подбежавшего к нам, лежащим за невысоким холмиком, через три-четыре минуты была исполнена. Насонов, в бинокль внимательно рассмотрев место, откуда короткими очередями строчил пулемет, назвал ориентир минометчикам и коротко командовал:

— Огонь!

Даже невооруженным глазом можно было видеть, как взлетали на воздух комья мерзлой земли от разрывов мин. Расчет оказался точным — вражеский пулемет замолчал. Тут же двое наших казаков вместе с ординарцем командира Лебедевым, пригибаясь, побежали к Симбуховскому. На руках принесли его к нам в укрытие.

Василий Федорович громко стонал. Пуля перебила бедренную кость. Не теряя времени, мы перенесли командира в хату близ околицы, перевязали рану и прибинтовали к ноге две доски, выломанные из штакетника. Взяв в оставленной хозяевами хате две пуховые перины, мы осторожно положили на них Василия Федоровича. Лебедев в соседнем дворе нашел под навесом бричку, запряг пару наших лошадей.

— Только вперед, только вперед... — сцепив от боли зубы, повторял командир полка. — Приказ должен быть выполнен!..

И приказ был выполнен.

А Василия Федоровича группа наших разведчиков, взяв в проводники трех местных жителей, обнаруженных в подвалах, вывезла по горным тропам в расположение наших войск.

Чудом, иначе и сказать нельзя, сохранилось мое письмо Василию Федоровичу в госпиталь, написанное 7 февраля 1945 года. Сейчас оно у его дочери.

«Дорогой Василий Федорович!

Как-то осиротел без Вас полк. Не подумайте, что я так пишу потому, что хочу сделать Вам комплимент, нет, пишу от чистого сердца. С болью вспоминаю тот злополучный день — 16 декабря! Да будь он проклят!

27 января нас вывели из боев, сняли с обороны города Балашадьярмат на чехословацкой территории. В последние дни пришел Указ о награждении полка орденом Богдана Хмельницкого II степени. Еще большим праздником стало для нас известие о том, что Вас наградили орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Примите, дорогой Василий Федорович, искренние поздравления!.. Будьте уверены, доблестная слава, заработанная за время вашего командования, не будет запятнана до полной нашей победы.

Желаю Вам от всей души скорейшего выздоровления. Поправляйтесь, а там подумаем и о нашей встрече. А она будет, обязательно будет! И мы после окончательной победы соберемся где-нибудь и вспомним бои-походы, радости и горести нашей суровой боевой жизни.

Крепко целую Вас, дорогой наш командир!»

Но встретить Василия Федоровича больше не довелось. Он умер в госпитале в румынском городе Сибиу 26 апреля 1945 года...

Мы продолжали воевать. После ранения Симбуховского полком стал командовать его заместитель по строевой части Николай Андреевич Клименко, до войны работавший секретарем Омского обкома партии.

В конце декабря 1944 года наступлением двух Украинских фронтов закончилось окружение будапештской группировки врага и освобождение почти всей территории Венгрии к востоку от Дуная. Впереди была Чехословакия.

Из письма домой 28 декабря 1944 года:

«...Коротенько о себе. Воюю. С боями прошли всю Венгрию с юга на север. И теперь наконец уже за ее пределами, на территории дружественной Чехословакии. Честное слово, ну разве думал я, что придется стать таким «заграничным путешественником»? Польша, Румыния, Венгрия, Чехословакия... Радостно, что бьем проклятых фашистов, бьем крепко, приближая день нашей победы. Но тяжело паходиться так далеко от Родины. Ведь уже более полу-

года от окружающего населения мы не слышим ни одного русского слова. А еще больше не хочется умереть здесь и быть похороненным далеко-далеко, не в своей родной земле. Да что я, ей-богу! Простите. Конечно, о смерти я не думаю...»

Наступил Новый год. 1945-й. Сохранилось и еще одно мое письмо того времени, отправленное родным:

«...Сейчас смотрю на маленькую фотокарточку, которую вы мне прислали в новогоднем письме, и мысленно уношусь из нашей боевой обстановки к вам, в далекую Тайнинку, ищу свое возможное место среди близких и дорогих лиц на фотографии. Вспомнились детство, юность. Каким я был тогда беззаботным и как безрассудно расходовал то, чего не вижу уже пятый год!

Вам, наверное, интересно узнать, как я встретил Новый год. Полк вел наступление, карабкаясь по горам, преследуя и обходя отступающих немцев. За несколько часов до Нового года мы заняли небольшой населенный пункт в горах, но, так как попали под непрерывный обстрел вражеских батарей, не решились остаться в нем. Новый год справляли в лесу, от противника в километре, у костров.

Разведчики наши раздобыли немного местного виноградного вина, и вскоре ведро с ним зашипело на углях от налипшего на дно снега. Приближалась полночь. Командир полка, прижав к уху телефонную трубку, стоя по колено в снегу, отдавал распоряжения артиллеристам: «По 10 штук на ствол и по моей команде — залпами по противнику!» А сам улыбается. И мы поняли, что это не отбитие контратаки, а новогодний «салют».

Без трех минут полночь. Командир полка снова взялся за трубку телефона. Я стоял рядом, внимательно следил за часовыми стрелками. Часы были проверены по радио, и поэтому наш салют должен был совпасть с заветной минутой рождения нового, 1945 года по нашему, московскому времени. Остается 15 секунд... Наконец — полночь! Новый год!

Я опускаю руку, и командир полка произносит в трубку короткое: «Огонь!» И сейчас же воздух сотрясается от залпа наших батарей. Звенят алюминиевые походные кружки. Командир полка произносит тост: «За нашу победу! За Родину! За дорогого Сталина! За скорое возвращение к дорогим и близким!»

В конце января вся наша группа была выведена из боев. Позиции мы сдали стрелковым частям. В короткий срок восстановив понесенные потери за счет пополнения, полк должен был быть приведен в полную боевую готовность.

Ни для кого не было секретом, что наше дальнейшее продвижение на запад потребует форсирования нескольких рек. Географию-то за годы войны все изучили неплохо, по картам ориентировались. Причем форсировать предстояло не какие-то там речушки, а полноводные реки — Грон, Нитру, Ваг, Мораву... Это все по дороге к городам Брно, Праге.

Формировка полка закончилась в двадцатых числах марта...

В конце марта был начат прорыв обороны противника на реке Грон, а нашей гвардейской конно-механизированной группе по особому сигналу предстояло войти в прорыв. Грон был форсирован, были захвачены плацдармы, наведены наплавные мосты, для нас, конницы, найдено несколько бродов.

Форсированы были Нитра, Ваг и Морава. На подступах к городу Брно гитлеровцы оказывали упорное сопротивление. Шли кровопролитные бои за каждую высотку, за каждый дом. Противник, чувствуя реальную угрозу потери Брно, бросал в бой все новые и новые резервы, вплоть до подразделений СС, оснащенных десятками танков и бронетранспортеров.

В боях за Брно погиб наш командир полка Николай Андреевич Клименко. Это случилось 20 апреля, когда до конца войны оставалось всего две недели. Как тяжело

было терять боевых товарищей в эти весенние дни, когда все сильнее и сильнее чувствовалось дыхание победы! А хоронить погибших приходилось после каждого боя. Ведь не заговоренные же мы были ни от пули, ни от бомбы, ни от снаряда. На земле буйно цвела весна, и отчаянно хотелось жить!

И вот наступило 9 мая. Ранним утром началась неимоверная пальба. Что это? Прорыв немцев где-то рядом? Нет, ракеты! Ракеты всех цветов, трассирующие пули — только вверх... Победа! Победа!!!

...24 июня 1945 года. Красная площадь. Десять часов утра. Грянул Гимн Советского Союза, и мощные залпы артиллерийских орудий сотрясли воздух. Много залпов. Потом только узнали мы: их было пятьдесят.

В десять часов двадцать пять минут по площади разнеслось:

— К церемониальному маршу!..

И двинулись полки фронтов Великой Отечественной...

В конце 1985 года в Москве состоялась премьера фильма «Спроси у памяти своей».

Кинокадры исторической хроники. Красная площадь за несколько минут до начала легендарного парада. Сводные полки застыли в торжественном строю. Встали последовательно, как воевали фронты: Карельский — самый северный, за ним Ленинградский. Потом 1-й Прибалтийский. Следом три Белорусских. Четыре Украинских...

Из-под новеньких касок восторженно блестят глаза. Молодые лица солдат, командиров. Да, все они были молоды тогда. Где они сейчас? Что с ними стало? Как живут?

Я не случайно привел отрывок из сценария фильма «Спроси у памяти своей». На приведенные в нем вопросы пришлось отвечать и мне. Вот как это вышло.

В конце восемьдесят четвертого года мне позвонил кинорежиссер Семен Григорьевич Киселев.

— Мы с драматургом Михаилом Павловичем Березко узнали о вас из опубликованных пару лет назад в «Комсомольской правде» отрывков ваших фронтовых писем. В комментарии редакции сообщалось, что автор писем был на Параде Победы. Сейчас создается фильм об участниках Парада. Очень хотим с вами встретиться...

Я начал отказываться от приглашения, ссылаясь на то, что в параде участвовало около 10 тысяч человек. Среди них есть куда более достойные, нежели я. Но кинодокументалисты не те люди, от которых можно легко и просто «открутиться». Короче, встреча в одном из номеров гостиницы «Москва» состоялась.

Я рассказывал о Параде, каким он запомнился мне, про наш сводный полк 2-го Украинского фронта.

...Утро было дождливым, но непасмурно — празднично было на сердце! Стоя в строю, мы тихонько переговаривались, чуть не поминутно поправляя друг на друга то башлык, то чуть надвинувшуюся на бровь кубанку, то подцепленные с левого бока клинки, делились впечатлениями о праздничной Москве. Без особой надежды поглядывали на затянутое облаками небо, смахивая с лица дождевые капли.

Против нас стоял строй сводного полка Военно-Морского Флота. Не знаю, что потянуло меня, но я вышел из шеренги и подошел к морякам.

— Олег! Ты?

Из строя моряков выбежал и бросился ко мне Толька Уваров, друг моего детства, тайнинский приятель, тот, вместе с которым играли в летчиков и челюскинцев. В годы войны мы ни разу не встретились, переписывались редко. В разные края разбросала нас война и вот свела здесь в исторический день пасмурным, но праздничным утром.

Толька Уваров... Анатолий Гаврилович — капитан первого ранга — инженер, кандидат технических наук,

профессор. Много лет был он заместителем начальника Высшего военно-морского инженерного училища имени Ленина... Но это все потом, в послевоенные годы. А тогда, в то утро, только обнялись мы, как команда: «Приготовиться к движению!»

...Киношники — народ дотошный. Просили вспомнить подробнее каждую мелочь. Расспрашивали и о том, что прямого отношения к Параду не имело: о моих друзьях-однополчанах, об их послевоенной судьбе. Конечно, вспомнил я Ефима Аронова, нашего незаменимого фельдшера. После войны он окончил Военно-медицинскую академию, долго служил в погранвойсках на Дальнем Востоке и вот уже два десятка лет заведует первой подстанцией «Скорой помощи» в столице.

Вспомнил я и отчаянного фотожурналиста Станислава Ростоцкого, отправившегося с нами под Дубно и едва не погибшего в том рейде. Кстати, этот эпизод оказался полной неожиданностью для коллег известного сегодня всей стране кинорежиссера Ростоцкого. Вспомнил и «похороненного» нами Николая Дупака, однополчанина, ныне директора Театра на Таганке. Показал послевоенные письма от дяди Коли.

Я благодарен судьбе, что на съемках фильма «Спроси у памяти своей» она подарила мне счастливую возможность познакомиться с такими интересными людьми, как дважды Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск Драгунский; Герой Советского Союза, бесстрашный разведчик, первый секретарь правления Союза писателей СССР Карпов; доктор медицинских наук Воронков — бывший старший сержант, один из тех, кто бросал к подножию Мавзолея фашистские знамена; полный кавалер ордена Славы командир артиллерийского расчета Азаров, в свой первый бой ушедший с парада на Красной площади 7 ноября 1941-го... Замечательные люди, гордость наша и в те далекие годы, и сорок лет спустя.

Часть II

У КОСМИЧЕСКОГО ПОРОГА

Полигон Капустин Яр

— Здорово, земляк!

Я оглянулся, интуитивно почувствовав, что обращение относится ко мне. И не ошибся. За забором двухэтажного дома, неподалеку от того, в котором жил я, опершись на лопату на краю вскопанного огородика, стоял знакомый еще с довоенных лет парень.

— Воевал, я слышал. Что, уволили?

...Весной 1946 года случилось непредвиденное: у меня стали отказывать ноги.

Медкомиссия. Как сейчас помню: возбужденный возглас невропатолога профессора Вилькомирского:

— Няня! Зовите сюда всех! Вы только посмотрите на этого молодого человека! Он не только ходит, он еще служит в армии! Нет, вы понимаете, с чем можно сравнить ранение этого товарища? Это же все равно что через клубок ниток протолкнуть иголку, не задев при этом ни одной нитки!

Так я стал интересным медэкспонатом, на которого впору было прикрепить табличку «Счастливчик войны», а ниже текст с заключением медицинской комиссии: «К службе в армии не годен. Годен для работы в гражданских учреждениях при неполном рабочем дне без тяжелой физической и умственной нагрузки».

Эту фразу я запомнил на всю жизнь.

С шинели и гимнастерки сняты офицерские погоны. Все. Больше я не военный. Инвалид. Пенсионер в двадцать четыре года...

А что, собственно, я собой представлял?

Четыре военных года не потребовали знаний, которые дала школа. Надо было воевать. Этому пришлось учиться самим. Да, все мое образование — десять лет школы и четыре года войны. На фронте мечталось: вот скоро победа, еще чуть-чуть — и на всю жизнь праздник. Праздник-то был. А потом наступили будни. Карточная система предусматривала хлеба 600 граммов на день рабочему, по полкило служащему, еще меньше иждивенцу.

Очень скоро стало очевидным, что на положении пенсионера-иждивенца жить больше нельзя. Какой я, к черту, пенсионер? Руки есть, голова на месте. Ноги, к слову сказать, после лечения не болели. Мне повезло: какой-то там нерв «расщемился» и больше меня не беспокоил.

Надо работать. Обязательно надо работать. Но кем? Где? Специальности-то никакой.

И тут — неожиданная встреча с довоенным приятелем. Жора Петров, так звали моего земляка, тоже хлебнул вдоволь пехотной страды и после тяжелого ранения вернулся на «гражданку». Выслушав мою эпопею, он вдруг предложил:

— А давай к нам. Есть одна организация. Я там уже год работаю.

— А что там делать?

— Ну это, брат, не так вдруг. Скажу одно: не игрушки штамповать, жалеть не будешь.

Разговор наш состоялся весной 1947 года. С него и начался новый этап моей жизни. Приняли меня на должность техника в радиолaborаторию одного из отделов нового, большого научно-исследовательского института.

Первое время я никак не мог понять, чем конкретно занимались сотрудники института и работники опытного завода. Любая информация считалась секретной.

Завод этот имел славную историю. До 1918 года он находился в Петрограде: там отливали пушки. В одном из его цехов работал токарем Михаил Иванович Калинин. В годы первых пятилеток завод реконструировали, он стал одним из передовых оружейных заводов в стране. Из Ленинграда его перевели. В начале войны завод эвакуировали, но на его месте в 1942 году был создан новый завод — для восстановления производства артиллерийских орудий. В 1946 году на этот завод из эвакуации вернулась большая группа кадровых рабочих и инженерно-технических работников.

Что и говорить, первые послевоенные годы были особенно трудными для нашей страны. Необходимо было восстанавливать и сельское хозяйство, и промышленность. Внутренние экономические трудности усугублялись ухудшением международной обстановки. Состояние «холодной войны», окружение Советского Союза сетью авиационных и морских военных баз США, оживление реваншистских настроений в Западной Германии, тогдашняя монополия США на атомное оружие — все это вынудило Советский Союз приложить усилия для укрепления своей оборонной мощи. Завершающие этапы войны показали, что появившиеся у фашистской Германии боевые баллистические ракеты могут транспортировать боевой заряд на значительные расстояния.

Это не могло остаться вне поля зрения нашего правительства и Центрального Комитета партии. Нужен был человек, имевший глубокие знания и богатый опыт в области ракетостроения, изучивший все имевшиеся материалы о фашистском «оружии возмездия», знакомый с проблемами, связанными с созданием и применением этого вида оружия. Такой человек в нашей стране был — Сергей Павлович Королев. В 1946 году он и был назначен

главным конструктором управляемых баллистических ракет дальнего действия.

Вместе с Королевым были назначены главные конструкторы двигателей, систем автономного управления, гироскопических приборов, систем радиоуправления и средств наземного оборудования и стартовых установок. Главные конструкторы отдельных систем были специалистами с большим опытом работы в соответствующих областях техники, имели и научно-исследовательские кадры, и специализированные производства.

Конструкторское бюро, возглавляемое Сергеем Павловичем Королевым, стало головным и обеспечило практическую реализацию программы — от научно-технической идеи до производства.

Но новая техника требовала постижения и отработки новых процессов: штамповки и сварки тонкостенных конструкций, обработки цветных металлов и многого другого. Требовалась коренная реконструкция завода, ставшего базой конструкторского бюро Сергея Павловича Королева. Реконструкция была проведена в кратчайшие сроки и завершена в 1948 году.

Перед группой главных конструкторов партией и правительством были поставлены задачи не только создания боевых баллистических ракет дальнего действия, не уступающих по своим характеристикам немецким Фау-2, но и поиск рациональных направлений для создания ракет с гораздо более высокими летно-техническими характеристиками.

Королев. Когда я впервые увидел его? Память не сохранила точной даты. Помню только, что это было в 1947 году. Начальник лаборатории, где мы работали вместе с Жорой Петровым, послал нас на склад получить какие-то детали. Мы вышли во двор. В это время за воротами института раздался нетерпеливый автомобильный сигнал. Торопясь более обычного, вахтер оттянул тяжелые створки. Резко набрав скорость, темно-вишневый трофейный

«хорьх» вихрем пронесся мимо нас к подъезду конструкторского бюро. Я успел заметить только бледное лицо, коричневую кожаную куртку да крепкие руки на баранке руля.

— Король! — слышу рядом.

— А кто это?

— Главный. Он по-другому не ездит...

Собственно, этот эпизод не назовешь встречей с Королевым — так, мгновенный снимок, оставшийся в памяти. Но сколько этот «снимок» запечатлел королёвского! Энергию. Решительность. Целеустремленность.

Многого я, конечно, не знал — должность не та была, чтобы много знать, но какие они, первые наши ракеты, мне доводилось видеть в цехе главной сборки и на испытательной станции. Даже удалось принять участие в их контрольных испытаниях. Догадывались мы, что уже скоро эти первые наши «изделия», которые у нас называли «единичками», уедут на полигон.

Осенью 1947-го спецпоезд с ракетами отправился прямо с территории завода. Немногие из испытателей тогда и знали-то, в какие края едут.

Это уже сейчас Капустин Яр в Заволжье хорошо известен не только как ракетодром, но и как космодром. Ни один спутник серии «Интеркосмос», в подготовке которых всегда принимают участие наши коллеги из-за границы, стартовал с него. Но это сейчас. А тогда? В октябре 1947 года один из наших инженеров, возвратившийся с испытаний, рассказывал нам:

— Ну, ребята, ничего подобного в жизни я не видел, ни наяву, ни во сне. Это произошло рано утром. Ракета на стартовом столе стояла. Степь кругом, и она как свеча. А люди вокруг суетятся, хлопочут. И начальство большое прибыло. Говорили — Устинов. Но я его не видел. А может, и видел, да в лицо ведь не знаю.

— А ты-то сам где был?

— Да неподалеку. Ямы пологие выкопали — аппаре-

ли, туда и машины испытательные загнали. Оттуда я и смотрел. Как двигатель запустили — сразу огонь, дым, клубы пыли, грохот ужасный. «Катюши» наши я на фронте видал, но это, братцы, куда сильнее. И пошла она, сначала тихонько так, медленно, а потом все быстрее и быстрее...

— Ну ладно, эмоций много, — спокойно заметил кто-то из оставшихся «дома», — а результат-то какой?

— Хорошо пошла. Говорили, что улетела на 270 километров...

Вот так пришла к нам в лабораторию весточка о первом в стране старте баллистической ракеты. А через год прошли испытания отечественной ракеты Р-1, «единички», — родоначальницы грозных ракет, стоящих сегодня на защите нашей Родины.

После первых запусков конструкторами проектного отдела были найдены решения существенного увеличения возможностей ракет. Суть предложений наших проектантов сводилась к таким принципиальным изменениям: первое — отказаться от корпуса ракеты. Пусть баки с топливом сами и будут корпусом.

Второе. Нужно ли всей ракете лететь до цели? Ведь это не самолет, ракетный двигатель отработал положенные ему минуты, выключился, и все: больше ни он, ни баки с остатками топлива, ни приборы системы управления не нужны. К цели должна лететь только головная часть с боевым зарядом. Значит, нужно сделать так, чтобы «головка» отделялась от ракеты. Это даст выигрыш и в весе ракеты. К тому же не надо делать весь корпус столь прочным, чтобы он выдержал все перегрузки при входе в плотные слои атмосферы при подходе к цели.

И третье. Каждая ракета имела хвост, некие крылышки сзади — стабилизаторы. Зачем они? Когда к цели летит вся ракета, ее полет должен быть стабилизированным не только при работе двигателя, разгоне, но и при падении на Землю, у цели. А если к цели будет лететь одна головка?

Ей нужна стабилизация? Нет. А это уже существенное сокращение веса хвостового отсека.

Вот эти предложения, родившиеся в отделе, где «командовал парадом» Сергей Павлович Королев, и дали возможность не только создать новую боевую баллистическую ракету, но и создать такую схему, которая стала классической как для одноступенчатых, так и для двухступенчатых боевых ракет и ракет-носителей.

Но окончательно к такой новой схеме пришли не сразу. После завершения работ по «единичке» в 1949 году была спроектирована и начала летать «двойка». По новой схеме она была сделана частично — «головка» у нее отделилась и один бак с топливом стал, как говорят конструкторы, несущим. Огромную роль сыграло то, что снижение требований к прочности корпуса позволило применить алюминиевые сплавы.

Поразительные достоинства этих нововведений сразу проявили себя. Масса конструкции «двойки» была только на 350 килограммов больше, чем у «единички», это при четырех-то с лишним тоннах, а дальность полета увеличилась в два раза. Немалую лепту в дело внесли и двигатели Валентина Петровича Глушко. Вес двигателя «двойки» снизился на 15 килограммов, а тяга увеличилась на 7 тонн, выросли его удельные характеристики и ресурс.

В начале 50-х годов, когда было создано отечественное ядерное оружие, боевые головки наших новых ракет, появившихся вслед за «двойкой», были оснащены именно такими зарядами. В 1956 году такая ракета — первая советская стратегическая — с ядерным боевым зарядом встала на защиту Родины.

Выполняя поручение Центрального Комитета партии и правительства, коллектив нашего предприятия совместно с рядом академических и промышленных научно-исследовательских институтов продолжал исследовать возможности создания ракет с межконтинентальной дальностью полета. Но об этом позже.

Если посмотреть самые первые документы из творческого наследия Сергея Павловича Королева, например его докладную записку в Центральный совет Осоавиахима в августе 1933 года, когда он был назначен начальником известного ГИРДа — Группы изучения реактивного движения (или, как шутили сами гирдовцы, «Группа инженеров, работающих даром»), то невольно обращает на себя внимание высказанная еще в то время мысль о необходимости использования ракет для мирных целей. Королев писал:

«...17 августа с. г. в 19 час. первая советская ракета на жидком горючем успешно совершила свой первый полет. Этим самым практически проверены принцип устройства, схема и формы этой ракеты-снаряда. Главной задачей дальнейшего является наиболее быстрое получение расчетных дальностей и высот полета ракеты и сдача ее на вооружение и для мирных целей».

А в популярной статье «Ракета на войне», опубликованной в пятом номере журнала «Техника — молодежи» в 1935 году, он писал:

«Советская страна, являющаяся на деле единственным и надежным оплотом мира, разрабатывает вопросы применения ракетных летательных аппаратов не только для военных целей, но и для различных исследований в областях, которые до последнего времени были для человека недостижимыми... Два основных вопроса: создание советской стратосферной ракеты для подъема на высоту десятков километров автоматических приборов. Второй вопрос — исследование возможностей применения ракеты для полета человека».

Еще в предвоенные годы Королев уделял большое внимание исследованиям стратосферы и космического пространства с помощью ракет. Имея уже летающую «единицу», институт развернул работы по использованию ее для исследовательских целей. В мае 1949 года в полет ушла ракета, названная В-1А. На высоту в 100 километров ею

были подняты два контейнера с научными приборами, каждый по 80 килограммов. Предпринимались попытки прямых изучений высоких слоев атмосферы, определения состава воздуха, давления. Ракета поднялась и успешно достигла заданной высоты. При спуске на землю контейнеры с научной аппаратурой отделились. И вот тут-то поджидала неудача: из-за повреждения парашютов спуск контейнеров произошел с существенно большей скоростью, чем предполагалось, и научная аппаратура оказалась поврежденной.

Второй пуск такой же ракеты оказался удачнее с «ракетно-технической» точки зрения, если так можно сказать, но выявил несовершенства научной аппаратуры.

Это были первые исследования в стратосфере, в космическом пространстве; и, несмотря на скромные результаты, на целый ряд технических и методических недостатков, дефекты аппаратуры, полеты воодушевили всех энтузиастов этого дела, заинтересовали институты Академии наук и промышленность. Программа дальнейших исследований была расширена, дополнительно подключены научно-исследовательские организации и конструкторские бюро. При президиуме Академии наук СССР был учрежден Координационный межведомственный комитет для руководства работами.

За шесть лет, если взять за точку отсчета 1949 год, были разработаны и построены пять модификаций научно-исследовательских геофизических ракет на базе «единички». Самым интересным было то, что на нескольких ракетах на высоту 100 километров уже летали собаки.

Газета «Труд» 16 февраля 1957 года опубликовала статью Р. Распевина, которая называлась «Первые путешественники в космос». Подзаголовок гласил: «Альбина и Козявка летят в мировое пространство. Собаки в скафандре чувствуют себя хорошо. Час в космосе на парашюте. Затяжной прыжок в 50 километров. Ни одного случая гибели животных».

С помощью собак осваивать космическое пространство планов не было. Но собака — живое существо... А что знали ученые о том, с чем оно может столкнуться за пределами земной атмосферы, сколь вредоносным может оказаться для него заатмосферное космическое пространство?

Факторы, с которыми может столкнуться всякое живое существо, в том числе и человек, в космическом полете, ученые условно разбивали на три группы.

Одна из них характеризовала космическое пространство как внешнюю среду — глубокий вакуум, космические и другие виды радиации, метеорные вещества, резкие температурные контрасты. К другой группе относилась динамика ракетного полета с ускорением, шумом, вибрациями и, наконец, невесомостью. Третью группу составляли факторы психофизиологического и гигиенического порядка, связанные с условиями обитания — длительной изоляцией в ограниченном пространстве, искусственной газовой среды, особенностями микроклимата, иным ритмом жизни.

Наука уже располагала некоторыми сведениями. Но необходимы были дополнительные опытные исследования, и, конечно, вначале на животных. Риск полета в космическое пространство человека должен был быть сведен к минимуму.

Первый этап таких исследований с использованием вертикально взлетающих ракет, созданных на базе «единички», состоял в подъеме собак на высоту около 100 километров. При этом ставилась задача изучения жизнедеятельности, поведения и состояния отдельных физиологических функций животных при полетах в герметической кабине, изучение возможностей и способов возвращения на Землю, исследование работоспособности систем жизнеобеспечения.

Общим итогом этих экспериментов впервые в мире явилось успешное решение вопроса о возможности выживания живых организмов и сохранения их жизнедеятельности в условиях герметической кабины малого размера.

В серии этих экспериментов ракета достигала скорости полета более 4 тысяч километров в час. На 188-й секунде полета происходило отделение головной части ракеты, и с высоты 6—8 километров осуществлялся ее спуск на парашюте вместе с гермокабиной, где находились животные.

Эти результаты послужили основанием для следующей серии опытов — обеспечение жизненных условий при полете животных в негерметической кабине, исследование влияния невесомости, спасение животных путем катапультирования и спуска на парашюте. В этом случае собак помещали в негерметические кабины в скафандрах из резиновой ткани с прозрачными шлемами-колпаками.

Эксперименты показали, что существенных отклонений в общем состоянии животных не отмечалось. Впервые была доказана возможность спасения животных с помощью катапультирования и спуска на парашюте с высоты 100 километров при скорости 700 метров в секунду и с высоты 50 километров при скорости 1000 метров в секунду. Животные укреплялись на выдвижных лотках и вставлялись внутрь специально сконструированных тележек. Эти тележки и катапультировались вместе со своими обитателями.

Опыты следующей серии проводились на ракетах, созданных на базе Р-2 — «двойки». При этом высота подъема увеличилась почти вдвое. В верхней точке траектории на высоте 200 километров головная часть отделялась от ракеты и падала свободно. На высоте 4 километра открывался тормозной парашют, а на высоте 2 километра — основной. При падении головной части состояние невесомости длилось около шести минут. Четырнадцать собачек совершили такие полеты, некоторые из них приняли участие в экспериментах по два, а то и по три раза.

И наконец, третий этап: запуск собак на высоту 450 километров. При этом состояние невесомости длилось уже 9—10 минут при свободном падении отделенной от ракеты головной части с животными...

Основные итоги второй и третьей серии экспериментов совпали с результатами ранее проведенных опытов. Резких расстройств в поведении и состоянии физиологических функций животных обнаружено не было. Кроме физиологических экспериментов на всех трех этапах вертикальных ракетных пусков проводились и широкие геофизические и астрофизические исследования.

Сохранилась стенограмма доклада Сергея Павловича на Всесоюзной конференции по ракетным исследованиям верхних слоев атмосферы в апреле 1956 года. Вот фрагменты его доклада: «Можно считать, что исследовательские работы... в основном были обеспечены ракетами... Вместе с тем мы имели и ряд существенных недочетов в работе... Имели место значительные недоработки конструктивного и эксплуатационного характера, что особенно опасно в тех случаях, когда от этого снижается надежность действия и особенно надежность действия спасательной системы... Я хотел в нескольких словах высказать и известную неудовлетворенность результатами физических исследований атмосферы... Собственно говоря, это было бы естественно, если бы это было началом работы, но ведь работы эти ведутся в течение шести лет, и самое прискорбное заключается в том, что мы сегодня ждали, что... работники Геофизического института выскажут какие-то предложения и возникающие отсюда положения, но ничего сказано не было. «Мы измеряли, мы брали, мы получили результаты с такой-то степенью точности, но мы не учитывали, что контейнер кувыркается, мы не учитывали аэродинамического фактора» и т. д. Правильно ли это, научна ли такая постановка вопроса?..»

Критика Сергея Павловича адресовалась не только смежным организациям. Своим доставалось куда крепче. Но в целом это была хорошая школа и для конструкторов, и для испытателей, и для производственников.

Этапы вертикальных пусков ракет оказались весьма эффективными. Даже после создания автоматических и

пилотируемых космических аппаратов это научно-техническое направление продолжало совершенствоваться. Такие пуски ракет и сегодня являются важным моментом международного научного сотрудничества.

В декабре 1948 года с Капустиным Яром довелось познакомиться и мне. Намечались очередные пуски научно-исследовательских, или, как у нас их звали, «академических», «единичек». На одного из инженеров нашей лаборатории была возложена задача подготовки экспериментальной радиотехнической системы, и в помощь ему начальство решило направить меня.

Мой коллега уже раньше бывал в Капустином Яре — это он тогда привез нам первую информацию о пуске ракеты. Но в данном случае определяющим было то, что он имел право лететь на полигон на самолете, а я — нет. С чемоданом измерительных приборов я должен был ехать до Сталинграда поездом. «А там сориентируетесь на месте, на войне были, вот и давайте!» — только и сказал мне начальник лаборатории.

И вот оформлено командировочное предписание, в чемодане — необходимые для эксперимента приборы, верхняя полка в общем вагоне. Я знал заранее, что по прибытии в Сталинград мне надо добираться до железнодорожной станции Паромная — это где-то за Сталинградским тракторным, в районе Рынка. Наши говорили, что там есть паромная переправа через Волгу. На левом берегу предстояла пересадка на местный поезд, следующий через Капустин Яр.

К Паромной от вокзала добирался на трамвае. Народу было мало. Трамвай несколько раз останавливался. Стояли минут по десять — двадцать. В вагоне то и дело переговаривались: «Опять ток выключили». — «Ничего, скоро дадут — поедем». Первое, что бросилось в глаза, когда я вышел из трамвая, упирающиеся в Волгу концы железнодорожных рельсов. Дальше был лед. Чистый, блестящий, словно отполированный. И никаких признаков

паромной переправы... На берегу, у небольшого костерчика, сидели трое пожилых мужчин. Курили. Подошел к ним, с тоской спросил: «Люди добрые, как же перебраться на ту сторону?» И тут же получил исчерпывающий ответ.

— Валяй по льду, ножками.

— А можно пройти?

— А черт его знает! Вчера двое провалились. Но нынче ночью морозило будь здоров, да и сейчас студено, может, лед и выдержит...

Подошел еще парень, попросился в попутчики. Посидели, покурили и со словами «Господи, благослови!» осторожно ступили на лед. Ледок чистый, зеркальный, как наступишь — потрескивает, и видно, как из-под ноги в разные стороны подо льдом воздушные пузырьки разбегаются. А вот если вместо маленьких пузырьков лопнет один большой, да с треском? Вспомнилось мне болото на окраине Дубно в сорок четвертом...

— Вот что, парень, — остановил я попутчика, — давай подалее друг от друга держаться. Ежели кто провалится, так другой поможет.

Разошлись мы шагов на десять, идем дальше.

До середины реки добрались благополучно, а вот на середине... Черт бы побрал тот непутевый ледокол! Видимо, ночью пропахал он во льду дорожку, морозец прихватил взломанные льдины, и примерзли они одна к другой, образовав сплошную торосистую гряду. А каждая льдинка — по 2—3 метра в высоту, да еще и отполирована как зеркало. Как я ни пробовал, никак не преодолеть наклонную льдину. Хоть на четвереньках, хоть ползком — все равно юзом назад качусь. Хоть плачь! А гряде этой конца не видно. Не обойдешь. И куда ни кинь взгляд — одни мы на всей матушке-Волге. Но надо же как-то выходить из положения.

Снял я с полушубка свой, еще армейский, ремень, продел пряжку в чемоданную ручку, положил чемодан на

льдину и толкнул его изо всех сил вверх, зажав зубами другой конец ремня. Чемодан перевалился за верхнюю кромку тороса и повис там. Теперь, держась за ремень, уже можно было на четвереньках забираться на грядку. Так и сделал. Потом с помощью того же ремня перетянул и попутчика. Мало-помалу добрались с ним до берега...

В небольшом помещении станции народу было набито столько, что не только сесть где-нибудь, но встать и то негде было. От махорочного дыма одно-единственное окно — казалось задернутым сизой полупрозрачной занавеской. Поезд, как с трудом удалось узнать, должен был подойти часа через четыре. Хорошо мне запомнился тот поезд — вагончиков пять-шесть, и таких, какие сейчас только в музее железнодорожного транспорта можно увидеть, да еще на старых фотографиях. Посередине вагона, под потолком, покачивался копящийся фонарь со свечкой, которая едва теплилась из-за отсутствия кислорода в обильно сдобренном дымом самокруток воздухе.

Наконец-то показался и Капустин Яр... Желтая, пыльная пустыня. Снега нет и в помине. Ветер гоняет клубки «перекати-поля». Ни во время войны, ни после бывать мне в таких краях не приходилось.

На попутке добрался до нашей базы. На рельсах стояли несколько железнодорожных вагонов, рядом — низенькие деревянные бараки, здание технической позиции. Комendant базы, внимательно изучив мои документы и поводя пальцем по бумажке, разграфленной на клеточки, обозначающие номера мест в вагонах, изрек:

— Вагон номер семь, полка восемнадцатая, верхняя. Фотокарточки привез? Давай. Завтра за пропуском приходишь.

Готовился очередной пуск «академической» ракеты...

В ту ночь наша группа должна была выехать на стартовую площадку для окончательной проверки установленного оборудования. К вагону подкатил «студебеккер», до-

ставшийся от союзников в военные годы. В кабину к шоферу сели два наши инженера, а я с такими же «технарями», как сам, забрался в открытый кузов. Поскольку дорога предстояла неблизкая — несколько десятков километров по степи, в мороз, — то выпросил я на время у соседа по вагону настоящий тулуп — длинный, с высоким воротом. Надел его поверх своего полушубочка.

Поехали. Поднял я ворот тулупа, зажал коленями измерительный прибор, да и размечтался о чем-то... Что было потом, точнее передаст мое письмо домой, написанное 1 января 1949 года.

«С Новым годом, дорогие мои! С новым счастьем, здоровьем, удачами! Я долго не решался написать вам подробно, что произошло со мной... 20 декабря мы выехали на работу на машине. На повороте из-за лихачества шофера машина на полном ходу перевернулась. Не успев опомниться, я вылетел из кузова. Сознание не потерял, но весь залился кровью. На следующий день лицо опухло и посинело так, что меня не узнавали даже близкие товарищи. На второй день я почувствовал себя лучше и выехал в ночь на работу. Но внезапно снова открылось кровотечение, и я не смог остановить его до утра. Утром привезли меня «домой», и, поскольку никакими мерами местной санчасти носовое кровотечение остановить не удалось, вечером меня отправили в военный госпиталь. Длительная потеря крови дала себя знать, и, когда меня снимали с машины, я потерял сознание. Очнулся в приемном покое. Рентген показал перелом носовой кости и разрывы слизистой оболочки носа. В госпитале я пролежал до 31 декабря и вот приехал к своим товарищам, встретить с ними Новый год...»

В последующие годы на полигоне в Капустином Яру пришлось поработать не один раз и весной, и летом, и осенью. До чего же хороша там весна! Степь оживает,

тюльпанов столько, что кажется, всю красную краску земли тут разлили. А воздух такой — дышать и дышать. По сторонам дороги маленькие живые столбики — суслики. Стоят, караулят свои норки, посвистывают тихонечко. Беспокоило всегда лишь великое множество гадюк в степи. Но это дело такое — не зевай, они и не причинят зла.

Много важных работ провели мы там. Довелось и с интересными людьми познакомиться. Разве забуду я когда-нибудь начальника полигона генерала Василия Ивановича Вознюка? Окончил Ленинградскую артиллерийскую школу имени Красного Октября. Великую Отечественную встретил на Западном фронте. Был начальником штаба тяжелой противотанковой бригады. В первый же год войны заслужил три ордена Красного Знамени. А осенью 1942 года вызвали Вознюка в ЦК партии, сообщили, что начинается формирование новых специальных частей. И стал он начальником штаба группы гвардейских минометов — легендарных «катюш». Даже нам, фронтовикам, от начала до конца прошедшим дороги войны, не верилось, что, начав в сентябре 1941-го воевать в звании майора, осенью 1942 года Вознюк был уже генерал-майором. А закончил войну Василий Иванович генерал-лейтенантом, заместителем командующего артиллерией по гвардейским минометным частям 3-го Украинского фронта. И вот в 1946 году последовало новое назначение — ракетный полигон. Капустин Яр.

«Старики» рассказывали, что, когда полетела первая ракета, все выбежали из землянок, из спрятанных в аппарелях машин, стали поздравлять друг друга. Сергей Павлович Королев стоял поодаль от всех и, говорили, слезинки с глаз смахивал. Подошел к нему в этот момент Вознюк и сказал: «С днем рождения, Сергей Павлович!» — «Спасибо, — ответил Королев, — такие дела начинаем, Василий Иванович, такие дела...»

В 1952 году я поступил в институт. Уже невозможно было продолжать работу, не имея высшего специального образования. Два года учебы, учебы вздох, учебы такой, что дни с ночами перемешивались. Защита дипломного проекта. И вновь я в ОКБ, в своей лаборатории, но уже на должности инженера.

Пока я учился в институте, овладевая основами радиотехники, в ОКБ полным ходом продолжались работы по исследованию основных летно-тактических характеристик баллистических ракет дальнего действия. Определялись возможности увеличения дальности полета ракет различных схем и типов. Решение столь важных комплексных задач потребовало участия целого ряда научно-исследовательских институтов нашей страны. В результате напряженной, не имевшей аналогов работы были исследованы возможности существующих и разрабатываемых одноступенчатых ракет и предложены варианты нескольких типов многоступенчатых ракет. В успешном проведении исследований большая заслуга принадлежала и коллективу института, который возглавлял академик Мстислав Всеволодович Келдыш.

Так было положено начало созданию ракеты, могущей преодолеть межконтинентальные расстояния...

21 августа 1957 года.

«...В соответствии с планом научно-исследовательских работ в Советском Союзе произведены успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты... Полет ракеты происходил на очень большой, до сих пор не достигнутой высоте... Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара...»

Из сообщения ТАСС.

Родилась межконтинентальная. Но не только. Уже в ходе ее разработки стала очевидной возможность дости-

жения первой космической скорости и выведения на околоземную орбиту искусственного спутника Земли.

В середине 50-х годов в мировой печати все чаще стали встречаться слова и словосочетания, напоминающие строки из научно-фантастических романов: «искусственный спутник Земли», «космическая ракета», «космическая скорость». Но это уже была не фантастика. Искусственный спутник Земли, в отличие от ракеты, может сообщать с больших высот сведения о тайнах атмосферы нашей планеты и более далекого космического пространства в течение более долгого времени. Мысли ученых в который раз возвращались к Ньютону и Циолковскому.

Первый спутник

В истории интеллектуального развития человечества можно выделить сравнительно немного событий, которые оказались эпохальными. Нашему поколению повезло. Пророческими оказались слова Константина Эдуардовича Циолковского: «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль».

Это цитата из его гениального «Исследования мировых пространств реактивными приборами», начатого им еще в 1898 году.

И действительно, все началось с фантазии, сказки. Циолковский пишет: «Не помню хорошо, как мне пришлось в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете».

Мне кажется, первые семена мысли заронены были известным фантазером Ж. Верном; он пробудил работу моего мозга в известном направлении».

1895 год. Циолковский. «Грезы о Земле и небе».

«Воображаемый спутник Земли, вроде Луны, но произвольно близкий к нашей планете, лишь вне пределов ее атмосферы, значит верст 300 от земной поверхности, пред-

ставит, при очень малой массе, пример среды, свободной от тяжести...

«Близок локоть, а не укусишь». Действительно, несмотря на относительную близость такого спутника, как забраться за пределы атмосферы на такой спутник, если бы даже он существовал, или как сообщить земному телу скорость, необходимую для возбуждения центробежной силы, уничтожающей тяжесть Земли, когда эта скорость должна доходить до 8 верст в 1 секунду?»

1957 год. Всего 50 лет назад Россия была страной прозябающих одиночек-мечтателей. Какой же огромный, сложный путь творчества прошел советский народ, чтобы накануне сорокалетия революции создать искусственное тело, которое должно было вторгнуться в область обитания лишь небесных тел, и вторгнуться со скоростью 28 тысяч километров в час! То есть достигнуть первой космической скорости.

1957—1958 годы были ознаменованы проведением грандиозного научно-исследовательского мероприятия, получившего название «Международный геофизический год», в котором участвовали более 50 государств. В течение 18 месяцев проводились геофизические исследования по единой методике и программе. Одной из основных проблем было изучение влияния солнечной активности на явления и процессы в магнитосфере, ионосфере и атмосфере Земли.

Особый интерес вызвало изучение верхних слоев атмосферы с помощью ракет. К этому времени ракеты в США и Советском Союзе способны были достигать высоты 300—400 километров. Появилась возможность непосредственных исследований тех явлений в верхней атмосфере, которые невозможно было вести с Земли и о которых нельзя было судить лишь по косвенным признакам. Ракеты предоставляли возможность наблюдать изменения геофизических параметров атмосферы с увеличением высоты. Вот только время пребывания ракет на высоте было

крайне ограниченным. Если бы они летали не минуты, а часы...

Многие ученые пришли к выводу: искусственный спутник Земли будет ценным дополнением к программе Международного геофизического года, к ракетным методам исследований. Дополнением...

В июле 1955 года президент США одобрил план запуска искусственного спутника. Он должен был стать вкладом США в программу МГГ. В Америке началось проектирование «Авангарда» — так предполагалось назвать первый американский спутник. В прессе изредка появлялись сообщения об этой работе.

Но вернемся в май 1954 года. Из письма в Совет Министров СССР:

«О возможности разработки искусственного спутника Земли.

По Вашему указанию представляю докладную записку тов. Тихонравова М. К. «Об искусственном спутнике Земли», а также переводной материал о работах в этой области, ведущихся в США. Проводящаяся в настоящее время разработка нового изделия позволяет говорить о возможности создания в ближайшие годы искусственного спутника Земли.

Путем некоторого уменьшения веса полезного груза можно будет достичь необходимой для спутника конечной скорости 8000 м/сек. Изделие-спутник может быть разработано на базе создающегося сейчас нового изделия, упомянутого выше, однако при серьезной переработке последнего.

Мне кажется, что в настоящее время была бы своевременной и целесообразной организация научно-исследовательского отдела для проведения первых поисковых работ по спутнику и более детальной разработки комплекса вопросов, связанных с этой проблемой».

Это — исторический документ, в котором Сергей Павлович Королев впервые официально ставил вопрос о

практической разработке искусственного спутника Земли. Нельзя не обратить внимание на спокойный, деловой тон письма. Ни тени сомнения. Будто речь шла о чем-то обычном, будничном. Для такого тона были, по всей вероятности, основания — вера в «свою» ракету.

Прошел год. Июнь 1955-го. Из отчета Королева в Академию наук СССР:

«Необходимо было бы развернуть работы, связанные со всем комплексом вопросов по созданию искусственного спутника Земли (ИСЗ), поначалу в самом простом варианте. Мы полагали бы возможным провести эскизную разработку проекта самого ИСЗ с учетом ведущихся работ (особенно заслуживают внимания работы М. К. Тихонравова) со сроком представления эскизных материалов в конце 1956 г... Было бы весьма полезным обсудить в стенах Академии наук СССР с привлечением соответствующих ведомств и организаций поставленные выше вопросы с тем, чтобы найти практические решения, установить исполнителей, вероятные сроки и т. д.».

Сентябрь 1956 года. Из тезисов доклада С. П. Королева:

«...Создание этого эскизного проекта не является случайностью, а подготовлено всей предшествующей работой организаций, занимавшихся разработкой РДД... Несомненно, что работы по созданию первого искусственного спутника Земли являются важным шагом по пути проникновения человека во Вселенную, и несомненно, что мы вступаем в новую область работ по ракетной технике, связанную с созданием межпланетных ракет. В итоге тщательной проработки плана исследовательских работ, проводимых на спутнике, в комиссии Академии наук под председательством академика М. В. Келдыша было установлено, что нельзя ограничиться одним вариантом спутника, и приняты три варианта, отличающиеся составом аппаратуры».

В США еще в декабре 1948 года было объявлено о планах запуска спутника. А в середине февраля 1949 года американская пресса сообщила, что их конструкторы приступили к проектированию пилотируемого космического корабля.

В проектном отделе ОКБ по заданию Сергея Павловича был подобран весь материал, который публиковали американцы по своему проекту «Авангарда». Проектанты ознакомились, посчитали, прикинули и... улыбнулись. Сегодня на доклад к Главному можно было идти с хорошим настроением. Обычно к нему легче было попасть, если он сам не назначал срок, вечером, когда смолкали телефоны, уезжали смежники...

— Заходите, заходите, я вас жду. Что же получилось, интересно?

— Посмотрели мы, Сергей Павлович, получается вот что: американский «Авангард» — это трехступенчатая ракета со стартовым весом около десяти тонн. На орбиту она может вынести полезный груз около десяти килограммов. Это по ракете. Но «Авангардом» они и свой спутник называли...

— Не без умысла, не без умысла, я так думаю, — улыбнулся Главный.

— Вариантов спутника, по всей вероятности, у них будет несколько. Но первый, конечно, не более десяти килограммов и, наверное, не очень сложный.

— Да, негусто. Впрочем, понятно, что им связывает руки. Ракета. Ведь они для «Авангарда» в качестве базовой ракеты решили взять «Викинг»? Так? Наверное, серьезнее ничего пока нет. Вы говорите — десять килограммов? Это что, собственно спутник?

— Нет, Сергей Павлович, это все с корпусом последней ступени, после выгорания в ней твердого топлива.

— Ну, ничего, я полагаю, нам можно будет в официальных сообщениях не называть веса последней ступени, хотя она и будет на орбите. И без этого будет внушитель-

но. Думаю, мы полностью все наши возможности использовать сразу не будем. Все еще впереди, дорога у нас дальняя. А что, интересно, черт возьми, если опубликовать вес со ступенью? А? Сколько это будет? Тонн семь с половиной? Так?

— Семь семьсот, Сергей Павлович.

— Вот то-то и оно. Но не зазнавайтесь! Американе (он так и говорил: «американе». — *О. И.*) — народ серьезный! Ну, ничего, посмотрим, посмотрим... Я думаю, мы скоро внесем окончательные предложения в Центральный Комитет и Совет Министров.

5 января 1957 года Сергей Павлович направляет на согласование в соответствующие инстанции проект докладной записки о пробном запуске ИСЗ. Он пишет прямо о подготовке двух ракет-носителей: одной — для запуска спутника весом 40—50 килограммов, а другой — для пуска ИСЗ весом 1200 килограммов. Идея создания простого спутника была поддержана, и в конце января Сергей Павлович утвердил исходные данные для его рабочего проектирования.

Еще в августе 1956 года было принято решение о выделении конструкторского бюро Королева из института, в состав которого оно входило с момента его организации в 1946 году. Вместе с ОКБ выделялся и завод. Сергей Павлович стал начальником всего предприятия, директором завода по его рекомендации был назначен Роман Анисимович Турков.

Взвалив на свои плечи обязанности руководителя предприятия, Сергей Павлович, конечно, понимал, что реорганизация не должна повлиять расхлаживающе на выполнение теперь уже утвержденных заданий по созданию первых спутников Земли. Большую и ответственную роль должна была играть и партийная организация предприятия. Секретарем парткома был избран Михаил

Прокопьевич Гапоненко. Возникла необходимость изменения структуры и партийной организации ОКБ. На заседаниях бюро мы несколько раз обсуждали этот вопрос, не обошлось и без споров. Сергей Павлович, как член нашего партбюро, естественно, принимал в них непосредственное участие. Однажды, когда страсти разгорелись сильнее обычного, он, улыбнувшись, сказал:

— Ну что же, товарищи, я за то, чтобы отделам предоставить права первичных парторганизаций. Я не разделяю опасений некоторых присутствующих здесь, что ОКБ потеряет свое общественное лицо. Мы теперь с заводом — единый коллектив. Я за то, чтобы отделам дать больше самостоятельности и в производственных вопросах, и в общественных. Но и больше с них спрашивать. Я против многоступенчатости...

Необходимо отметить, что до этого — все прошедшие годы — парторганизации отделов входили в парторганизацию ОКБ, а не в партком завода.

Членом партбюро ОКБ был мой товарищ, инженер одного из отделов, живший в нашей же Тайнинке, — Тумовский Евгений Александрович. Недавно, вспоминая о тех годах, он подробно рассказал о том, как дальше происходили события.

Предстояла первая партийная конференция. Были на нее избраны и делегаты от ОКБ. На собрании представителей делегаций предварительно обсуждался новый состав парткома. Первыми были названы кандидатуры секретаря парткома, Главного конструктора и директора завода. Причем это предложили делегаты от завода. А дальше страсти разгорелись: завод выдвигал своих, ОКБ — своих... Представителей завода было значительно больше, и поэтому при обсуждении отводились кандидатуры представителей ОКБ. Тогда слово попросил Сергей Павлович:

— Я понимаю вас, уважаемые производственники. У ряда товарищей складывается мнение, что если в ру-

ководстве общественными организациями будет «засилье» представителей ОКБ, то интересы производства, интересы рабочих в какой-то мере пострадают. Поймите: мы — единый коллектив, с едиными, очень серьезными задачами. Мне и в прошлом, когда я был лишь главным конструктором, не были безразличны нужды цеховых коллективов. Теперь я руководитель всего предприятия и должен заботиться о всех подразделениях одинаково. Думаю, так же будут поступать и партком, и заводской комитет профсоюзов, и другие общественные организации. Я не навязываю вам своего мнения, но, думается, в наш партком мы должны избрать достойных и работоспособных товарищей, а принадлежность к тому или другому подразделению не должна иметь значения.

И тогда встал кадровый производственник, старший мастер, один из ветеранов — секретарей первичных организаций:

— Правильный урок преподал нам Сергей Павлович. Я считаю, что от ОКБ нужно ввести представителей в партком, а уж кого — обсудим спокойно. В конце концов не надо забывать, что ОКБ — мозг предприятия...

— Слушай, ты знаешь, что партком принял решение об изменении структуры нашей парторганизации, что теперь нашего «окабешного» партбюро не будет?

— Знаю, конечно. И что?

— А то, что меня очень интересует, что ты теперь будешь делать, освободившись от секретарских обязанностей.

— Пойду в свой отдел. А то больше двух лет на партработе, а я ведь еще из «молодых специалистов» не вышел.

— Да уж из «молодых», со старым стажем...

Примерно такой разговор произошел в те дни у меня с Михаилом Степановичем Хомяковым, одним из наших

конструкторов, бывшим тоже членом нашего партбюро. Но, как выяснилось весьма быстро, Михаил Степанович имел свои виды, зондируя мои личные планы.

— Знаешь что, давай вместе работать дальше, а?

— Вместе? Кем, где, что делать?

— Меня недавно Сергей Павлович вызвал, сказал, что назначит ведущим конструктором по первому спутнику, по ПС.

— По ПС? Так это же здорово!

— Один я это дело не потяну. Я больше буду ракетой заниматься, а ты самым спутником. Королев мне говорил, чтобы я подумал о заме.

— А я смогу? — возникли у меня первые сомнения.

— Захочешь — сможешь. Не первый день в ОКБ. Дела наши знаешь...

Скажу прямо: это предложение застало меня врасплох. Что значит ведущий конструктор и его заместитель, я примерно представлял — все знать, всем заниматься, все видеть, за все отвечать. Сергей Павлович не раз, обращаясь к кому-то из ведущих, говаривал: «Вы — глаза, руки и уши Главного! Ясно?» Но конкретно, конечно, я свою работу не представлял.

Поздно вечером нас принял Главный.

— Это хорошо, что вместе. Договорились? — сразу спросил он, устало взглянув на нас.

Я понял, что какой-то разговор обо мне уже был. Михаил Степанович попытался обстоятельно, как он это всегда делал, доложить о моих колебаниях, но Сергей Павлович жестом остановил его и спросил меня:

— Согласны?

Смутившись, я довольно бессвязно пролепетал, что все это для меня внове, что у меня нет опыта...

— А вы полагаете, все, что мы делаем, для всех нас не ново? Спутники Земли делать не ново? Или вы думаете: у меня есть опыт полетов к звездам?

Я молчал.

— Так что, беретесь за дело?

— Берусь, Сергей Павлович.

— Вот и добро. Желаю успеха.

Его рука легла на пухлую стопу вечерней почты. Было около одиннадцати часов вечера.

На следующее утро мы с Михаилом Степановичем поднялись на третий этаж в кабинет заместителя Главного по проектным делам Константина Давыдовича Бушуева. Несмотря на ранний час, у него уже было несколько инженеров.

Бушуев, улыбнувшись, протянул руку:

— Ну что ж, поздравляю вас с новой работой!

Представляться не пришлось. У Бушуева обсуждалась проблема терморегулирования спутника. Я, незаметно толкнув Михаила Степановича в бок, кивнул на дверь. Мы вышли в коридор.

— Ну, знаешь, хорош у тебя зам. Хоть бы я что-нибудь из всего их разговора понял!

— Да ну тебя! Бросай скулить! Что ты в самом деле?

— Да не скулю я! Ведь это все изучать придется...

— А ты как думал? Конечно. Ты в ОКБ не чужой, порядки знаешь. Кто чем занимается — тоже. Проект есть, осилишь...

Несколько дней я не появлялся на третьем этаже в отделе у Евгения Федоровича Рязанова, который был назначен заместителем Михаила Клавдиевича Тихонравова, пришедшего работать в наше конструкторское бюро начальником проектного космического отдела. Пришлось просмотреть множество проектных материалов и отчетов, порыться в разных справочниках и, забыв о самолюбии, просить знакомых инженеров объяснить мне непонятные вопросы. Лишь с тем, что касалось радиотехники, электроники, было полегче — многое было известно из институтского курса. Михаил Степанович как-то утешил меня, сказав, что в спутниках Земли, как он понимает,

две трети, а то и три четверти веса и объема будет занимать электроника.

В проектном отделе работы шли полным ходом. То, что должно было получить название, еще странное и необычное в машиностроении, «спутник», на листах ватмана приобретало вполне конкретный облик. Шар с четырьмя усами-антеннами — общий вид нашего первенца. На чертежах в кажущейся путанице линий, прямых, кривых, жирных и тонких, не сразу и разберешь, что к чему.

Только и слышишь:

— Э-э, нет, брат! Так нельзя. Куда я кабель от передатчика тянуть буду? Мне покорооче путь надо. Да и зазор между блоком питания ты какой оставил?

— Потянешь вот сюда. Здесь будут гермовводы...

— Ты знаешь, я думаю, аккумуляторы в блоке питания надо разместить так, чтобы в середине место осталось. Там хорошо бы и передатчик поместить.

— ???

— Что ты удивляешься? У аккумуляторов теплоемкость большая? Большая. Значит, они будут выравнивать температуру у передатчика...

— А что, можно подумать. А с фирмой договоришься? Блок питания у Лидоренко в институте делают.

— Попробую...

Все вопросы устройства нашего первенца были тщательно проработаны в проектном отделе вместе с объемом необходимых проверок и испытаний его радиосистемы — передатчика с двумя диапазонами радиоволн, сигнализаторов температуры и давления внутри приборного контейнера. У проектантов эстафету приняли конструкторы. Рабочие чертежи были проработаны технологами и запущены в производство.

Каждый цех, каждый участок завода выпускал уникальную продукцию: детали, узлы, части сферического корпуса. Осваивались новые технологические приемы, новые операции.

Запомнился один из дней августа, когда в цех, где должны были вести сборку и первые испытания спутника, зашел Сергей Павлович. Опуская подробности, скажу только одно: через день в цехе появилась специальная комната для этих работ, со свежевыкрашенными стенами, с шелковыми белыми шторами на окнах и бордовыми, очень модными тогда, плюшевыми шторами на входной двери. Подобного на нашем заводе за все годы его существования не видели. А уж когда наши слесари-сборщики надели белые халаты, белые перчатки, поняли: заказ предстоит выполнять особый. И действительно, скоро в цехе появились тоже до той поры невиданные подставки под «изделие», или под «объект», как принято было говорить, обтянутые бархатом. На них клали полированные детали и полуоблочки спутника.

Так в цехи завода пришли новая культура производства, новое отношение к делу. В соседнем громадном цехе готовили ракету-носитель. Там в основном и крутился Михаил Степанович. Строгий почасовой график работ по ракете и по спутнику предусматривал одновременное окончание отдельных этапов работы и подготовку к совместным проверкам. График был утвержден самим Королевым. А это — железный закон для всех. Однако в новом деле от неожиданностей не застрахуешься.

Помню, когда уже совсем не оставалось по графику времени до передачи нашей «продукции» в цех к ракете, доставили нам массу неприятностей кронштейны, которыми на корпусе спутника крепились четыре длинных уса — антенны передатчика. В эти кронштейны входили простейшие детали — пружинки, а испытания этих пружинок показали, что надо срочно менять технологию их изготовления. А времени-то нет. И молили мы втайне чуть ли не самого господ бога, чтобы он послал какую-нибудь поддержку ракетчикам, пусть хоть маленькую!

Вечером по пути в ОКБ я встретил Михаила Степановича:

— Послушай, Миша! Как у вас дела, а?

— Да как дела... Все в порядке. Сегодня заканчиваем. Ночью вместе проверяться будем, так?

— Значит, у тебя все-все готово? — с тревогой спросил я.

— Почти все. Сейчас заканчивают проверку системы управления.

— А может... отдохнете эту ночку? Ведь устали... А завтра с утра уж и за дело вместе взялись бы.

— Ты давай не хитри! Не готово у вас, что ли?

— Да нет, готово. Просто о вашем здоровье беспокоюсь.

— Больно подозрительно мне твое беспокойство. Давай-ка выкладывай, что случилось.

Пришлось рассказать о кронштейне.

— Да, дела неважные... А СП знает?

Я отрицательно покачал головой.

— Докладывать, хочется того или не хочется, нужно, пикуда не денешься.

— Миша, может, ты один пойдешь?

— Э, нет, дорогой, это твои дела. Валяй сам.

— Ну будь же ты человеком, ведь ты же ведущий! К тому же, если я пойду один, Сергей Павлович может подумать, что ты и не в курсе...

— Ну ладно, политик! Попли.

В приемной Главного посетителей не было — сам по себе случай странный. Антонина Алексеевна, его постоянный секретарь, просматривала какие-то бумаги. Было около восьми вечера.

— Сергей Павлович у себя?

— У себя.

— А настроение как?

— Да вроде ничего.

Сергей Павлович сидел за своим рабочим столом. Опустив голову, он поверх тонкой золотой оправы очков посмотрел на нас:

— Ну, что стряслось? Раз вместе, значит, что-то случилось, так?

Я скосил глаза на Михаила. Мне говорить или он будет докладывать? Пауза затянулась.

— Вы что ж, пришли со мной в молчанку играть?

— Сергей Павлович,— начал Михаил,— у нас с ПС неприятность маленькая получилась. Испытания пружины в антенном кронштейне...

— Хороши ведущие,— перебил его Королев.— А где же вы целый день были? Кто за вас должен своевременно докладывать? Сво-е-вре-мен-но. Я что, вас назначил ведущими, чтобы мне другие докладывали, что на производстве происходит?

Я почувствовал, что краснею. Неужели Сергей Павлович уже знал об этом злополучном кронштейне?

— Все молчат! Все скрывают! Я что, один всем должен заниматься? — темные зрачки Сергея Павловича уже через очки сверлили нас.

Я почувствовал, что краснею еще больше. Стыдно и досадно. Мерзко. Так начинать свою работу! Новую работу.

— Так и быть, на первый раз наказывать не буду. Но вы, Михаил Степанович, приучайте к порядку вашего заместителя.

Телефонный звонок резко нарушил повисшую в кабинете тишину. Сергей Павлович взял трубку.

— Королев. Здравствуй. Что? Час от часу не легче! Михаил Степанович? У меня. Сейчас придет.

Королев положил трубку:

— Михаил Степанович, давай-ка быстро в цех. Турков звонил. Какая-то там петрушка на испытательной станции с ракетой. Разберитесь и докладывайте. Если меня здесь не будет, звоните домой. И помните этот разговор! — Королев постучал указательным пальцем по столу.

Мы чуть ли не бегом бросились в цех.

Человек пятнадцать испытателей — и наших, и из смежной организации Николая Алексеевича Пилюгина —

обступили пульт, с которого проверялась система управления ракеты, и о чем-то ожесточенно спорили. Оказалось, что от одного из приборов в положенное время не прошла команда к рулевым двигателям. Большинство настаивало на необходимости подробного анализа и повторения испытаний. Короче, нам давалась отсрочка.

Я пулей вылетел из цеха. Надо было за ночь обязательно разделаться с этим злополучным кронштейном! «Раскручивать» работу не пришлось, хотя мне очень хотелось после полученного нагоняя проявить свои «ведущие» способности. Начальник нашего цеха Владимир Семенович Петров, в кабинет которого я влетел, успокоил меня:

— Не гоношись, ведущий, не гоношись. Пружину эту уже сделали и испытали. Я звонил только что, обещают кронштейны часа через два на сборку отдать.

К утру все было готово. «Объект ПС» к испытаниям в ракетный цех не опоздал. И к счастью, они прошли без замечаний.

В полдень в кабинете Главного началось оперативное совещание. Большие оперативные совещания всегда проводил Сергей Павлович. На них обязательно присутствовали его заместители, руководство завода, начальники отделов конструкторского бюро, секретари партийного и комсомольского комитетов, председатель профкома. Часто приглашались и начальники цехов, особенно если среди них был кто-то из «именинников». Обычно собиралось человек тридцать, а то и больше. Но далеко не все «высиживали» до конца. Королев освобождал от участия тех, к кому больше не было ни у кого вопросов. Зря не сидели и не скучали.

— Сегодня мы подведем итоги испытаний ракеты-носителя для нашего первенца и его самого,— объявил Сергей Павлович.— Докладывайте, Михаил Степанович.

Мой шеф вышел к столу, достал записную книжечку и с присущей ему обстоятельностью начал докладывать. Но, очевидно, волнуясь, оговорился и дважды сказал

не «объект ПС», а «объект СП». Главный прислушался, жестом остановил его и тихо, но очень внятно произнес:

— СП — это я, Сергей Павлович. Слышал, кое-кто меня зовет так. А наш первый простейший спутник — это ПС! Прошу не путать...

Весь ход подготовки был разобран очень подробно. Итог был таков: испытания закончены без замечаний, можно готовить ракету и спутник к отправке на космодром.

В начале сентября 1957 года группа конструкторов, испытателей и инженеров вылетела на космодром Байконур. Сергей Павлович приказал Михаилу Степановичу и мне отправляться туда же. На этом новом космодроме, с которого стартовали наши первые межконтинентальные, мне еще бывать не приходилось.

Мой большой друг, в те годы кинооператор, Владимир Суворов как-то вспомнил слова тогда еще будущего космонавта Владислава Волкова, размышлявшего о том, как выбирают место для космодрома.

— По максимальной совокупности неудобств, — определил Волков. — Нужно найти место, куда, во-первых, нелегко было бы добраться любым видом транспорта, начиная с самого современного и кончая таким архаичным, как ишак или верблюд. Но этого мало. Надо, чтобы местность была пустынной. Чтобы не было воды и ее привозили в цистернах. Обязательное условие — это песок! Причем песка должно быть много, очень много. И если подует ветер, то этот песок должен висеть в воздухе, так, чтобы в трех пагах ничего не было видно. Желательно, чтобы он попадался в борще и котлетах. Это для того, чтобы ты помнил, что дома тебя ждет жена с вкусным обедом. Если ты нашел такое место, значит, оно подходит для строительства космодрома.

Байконур мне открылся в первый приезд таким: по сторонам квадратной площадки шесть деревянных

одноэтажных зданий барачного типа, посередине дощатый помост-площадка. На столбе — репродуктор. Кругом ни кустика, ни деревца, ни цветочка. Песок... Но поразил меня Байконур, конечно, и другим: громадой монтажно-испытательного корпуса. А уж о стартовом устройстве и говорить не приходилось. Перед ним только можно было молча снять шапку. Это было нечто фантастическое, грандиозное, доселе невиданное.

В монтажном корпусе была специальная комната, где и должны мы были готовить спутник. Громаду ракету готовили в большом соседнем зале. Быстро пролетели дни проверок, испытаний. Наконец спутник установили на специальную небольшую тележку и повезли к ракете. Поблескивая полушариями оболочки, он как бы светился от радости: «Вот я какой, смотрите! Скоро закроют меня обтекателем, а там и старт! Больше не увидите свое творение!»

Рядом с ракетой, важно лежащей на ложементах, наш шарик казался крошечным. Крюк подъемного крана поднял его к носовому отсеку ракеты. Обтекатель навсегда скрыл от глаз созданное нами детище.

В гулком монтажно-испытательном корпусе из репродуктора испытательной машины, стоящей неподалеку от ракеты, звонко допеслось: «Би-и-ип... би-и-ип... би-и-ип». Это был голос нашего первенца, и его слышали в ту ночь только мы. Мир его услышал позднее, 4 октября.

В зал подали мотовоз. Громадная ракета, уложенная на специальную платформу, поблескивая тридцатью двумя полированными соплами двигателей, подрагивая на стыках рельсов, медленно выползала в ночь. Рядом с ней, совсем рядом, шли Королев, его соратники по многим годам ракетной страды, члены Государственной комиссии. Шли молча. Медленно, держа шляпы в руках.

Неужели дожили? Неужели? Медленно уходила ракета в предрассветные сумерки, к стартовому устройству, к тем гигантским рукам, которые сначала обнимут ее, па-

поят, накормят топливом, подготовят к прыжку и отпустят в неведомое.

Минутная готовность. Какие же долгие, тягучие секунды! Наконец — отблеск пламени и гул, низкий, раскатистый гул. Ракету обволакивают клубы дыма. И вот неторопливо, уверенно белое стройное тело ракеты сдвинулось, поднялось, пошло... И — всплеск, ярчайший всплеск света! Пламя вырвалось из стен стартового устройства и разом обратило ночь в контрастный день. И тени — резкие, черные, ползущие по земле.

Ракета идет! Все быстрее и быстрее, все выше и выше. Пламя, кажется, бьет прямо в глаза, но расстояние смягчает отсвет, гул становится тише. Постепенно вступает в свои права ночь. Ракеты уже не видно, поблескивает лишь созвездие двигателей-огоньков. А потом вместо созвездия только одна звездочка. Но вот и ее не распознать среди настоящих, нерукотворных звезд...

Минута тишины, и... крик! Кричат все. Что кричат — не разберешь. Обнимаются, целуются, машут руками, кто-то налетел на меня, небритым подбородком поцарапал щеку, чуть не свалил с ног. Михаил Степанович!..

И на следующий день — сообщение ТАСС: «В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли... По предварительным данным, ракета-носитель сообщила спутнику необходимую орбитальную скорость около 8 000 метров в секунду. В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего и заходящего Солнца...»

Весть облетела весь мир. Наши газеты писали, что 10 октября спутник будет пролетать над городами: «...Вашингтон — в 14 часов 59 минут... Омск — в 21 час 06 минут, Пенза...» Рио-де-Жанейро... Манчестер... Хашькоу... Канберра... Ленинград... Москва...

И люди во всех странах поднимали головы к небу, смотрели, удивлялись, восхищались.

«Вы помните этот день? Неужели двадцать лет прошло? — писал в «Комсомольской правде» научный обозреватель Ярослав Голованов в октябре 1977 года. — Уже 20 лет. Количество только советских спутников серии «Космос» приближается к тысяче. Сообщения об их запуске в газетах ставят в подверстку — маленькими заплатками на те пробелы, которые образовались, когда встали на полосу другие, куда более важные материалы. Да и то верно: кого же сегодня можно удивить запуском спутника? Память коротка, а удивление человеческое еще короче. А ведь как недавно, в сущности, произошло это эпохальное событие! Ведь люди, которые монтировали спутник, устанавливали его под обтекателем ракеты, — это же совсем еще молодые люди!»

...Шел октябрь 1957 года. Мир повторял на все лады слово «спутник», а мы на космодроме уже готовили к пуску второй — ПС-2. Последние проверки систем и агрегатов ракеты-носителя. Пять ее частей — четыре боковых блока и один длинный, центральный — покоились на подковообразных ложементах-тележках. Толстые, черные жгуты — электрические кабели — большим количеством проводов соединяли ракетное нутро с контрольными пультами. Эти серые массивные ящики-комоды стояли в специальных пультовых комнатах.

— Товарищи, ребята! Бросайте-ка все, «стоп» испытаниям! Сейчас над нами ПС будет пролетать! Пошли во двор! — Чей-то громкий возглас сразу нарушил деловую обстановку в зале.

— Верно? Не врешь?

— Точно говорю. Пошли смотреть. Не видели ведь ни разу...

Вышли во двор корпуса. Солнце уже село. Небо на западе было чистое. Человек десять — пятнадцать, все,

кто действительно смог отозваться на призыв «Бросайте все!», стояли у выхода из корпуса.

— А может, и не полетит, а? — пессимистично произнес кто-то.

— Как это — не полетит?.. Ты что? Думаешь, что говоришь? Летает ведь, уж скоро месяц как летает...

— Летать-то летает,— ответил тот же голос,— но увидим ли?

— Увидим, братцы, или не увидим, не в том суть. Важно, что он летает...

— Вон, вон он! Смотрите, летит, летит!

Разговоры сразу оборвались. По небу двигалась светлая звездочка. Это было необычно. Это было просто естественно!

Всего месяц назад то, что завораживающе притягивало к себе взгляды тысяч людей, лежало за стенами вот этого монтажного корпуса...

Подготовка второго спутника продолжалась. Он состоял из трех частей: прибора для исследования коротковолнового излучения Солнца, радиотехнической аппаратуры, такой же, как и на первом спутнике, и ГКЖ — гермокабины для животного. Это последнее и было, пожалуй, наиболее интересным. Для первого полета в космическое пространство по орбите вокруг Земли были подготовлены три собачки. Две из них претендовали на космическое путешествие в первую очередь: Лайка и Альбина, дважды поднимавшаяся на ракетах на сотни километров в небо.

Большинство склонялось к тому, что лететь Лайке. Знали, прекрасно знали, что животное погибнет, что спасти его, вернуть на Землю, так, как возвращали при ракетных пусках, нельзя.

Государственная комиссия утвердила для полета Лайку. Альбина осталась запасной. Третья — маленькая, темная собачонка Муха — предназначалась для дополнительных проверок всего оборудования герметической кабины здесь, в наземных условиях. ГКЖ имела в себе все

необходимое для того, чтобы животное, уже обживавшее его весьма долгое время, чувствовало себя совершенно естественно. Только в таком случае отклонения от нормального поведения и состояния могли быть отнесены к влиянию собственно космического полета.

Посоветовавшись, техническое руководство решило проверить еще раз надежность всего оборудования гермокабины здесь, на космодроме. Муху соответствующим образом экипировали, подготовили и посадили в хорошо ей знакомый домик — ГКЖ. В этом «заключении» ей надлежало провести несколько дней.

Кабинку отвезли подальше от любопытных глаз. Самописцами регистрировались все параметры, которые должны были регистрироваться в настоящем полете. Все шло нормально. На третьи сутки эксперимент решили прекратить. Естественно, желающих присутствовать при «освобождении» Мухи оказалось более чем достаточно. Были введены ограничения. Пришли Константин Давыдович Бушуев, Михаил Степанович Хомяков, Евгений Федорович Рязанов да еще двое или трое наших товарищей.

На всех — белые накрахмаленные халаты. Здесь же были и руководители всех медико-биологических экспериментов — Владимир Иванович Яздовский, Олег Георгиевич Газенко. Около кабины суетился Александр Дмитриевич Серяпин — самый непосредственный опекун собачонок, так сказать, «ведущий конструктор четвероногих систем».

Интересно, как там Муха? Ее мордочку хорошо было видно через стекло иллюминатора. Но глаза! Какие печальные глаза, полные слез! Открыли кабину. Муху подхватили медики и утащили в свою лабораторию, представив нам осмотреть кабину. Пища была не тронута. Наши товарищи многозначительно переглянулись. Владимир Иванович Яздовский, оставшийся с нами, тоже развел руками.

— Владимир Иванович! Как же это понять? — последовал вопрос Бушуева. — А если в полете, простите за не-научный термин, собака подохнет от голода, а это будет отнесено за счет ненормальной работы каких-либо приборов или воздействия факторов космического полета?

Один весьма почтенный биолог, занимавшийся проблемами космического питания, тут же не без апломба заявил, что «пища содержит в необходимом количестве и в нужном процентном соотношении и белки, и жиры, и углеводы». Но на вопрос: «Есть ли у этой пищи хотя бы какой-нибудь вкус, отвечает ли она требованиям, ну хотя бы таким, какие могут быть предъявлены невзыскательной собачьей натурой?» — ответа не последовало.

Мы были людьми, не искушенными в вопросах космической гастрономии, и поэтому могли позволить себе высказать любые антинаучные предположения, вроде: «А не положить ли в эту пищу, хотя бы для запаха, хорошей, аппетитно пахнущей колбаски, а?» Медики удивленно переглянулись. Помолчали. Но через минуту изрекли: «Попробовать стоит!»

К счастью, Лайка о всех сложностях проблемы космического питания не была информирована и относительно спокойно продолжала готовиться к своей почетной миссии.

Утром 31 октября ее подготовка была закончена, и Лайка заняла свое место в кабине. Рядом, за стеной, в зале монтажного корпуса, заканчивались проверки систем ракеты и тех приборов, которым надлежало соседствовать с Лайкиной кабиной. День пролетел незаметно. Около часа ночи мы получили команду выдать кабину с Лайкой на установку в головную часть ракеты.

Последние проверки — и ракета была готова отправиться к стартовому устройству. Переезд туда Лайка перенесла прекрасно, жалоб никаких не поступило. Но вот ее опекунов, оказывается, волновал один вопрос. За то время, пока Лайка находилась в закрытой, загерметизи-

рованной кабине при работе регенерационной системы, поглощающей углекислый газ, влагу и выделяющей кислород, в кабине могло подняться давление. А лучше, чтобы к моменту старта оно было бы нормальным, как в лаборатории. Что же делать? Нужно было как-то попытаться хотя бы ненадолго открыть какое-нибудь отверстие в кабине. Тогда избыток давления будет снят. Мы знали, что в кабине есть небольшое отверстие, наглухо закрытое специальной пробкой. И после проверок герметичности его открывать категорически запрещалось. А что, если открыть? Вопрос принципиальный. Им занялось руководство.

Не знаю, кто больше способствовал решению этой проблемы — или доказавший абсолютную необходимость открытия Яздовский, или «дрогнувший» Сергей Павлович, но решение было таким: поручается монтажнику Юрию Силаеву под моим контролем пробку вывернуть, а потом, когда это будет нужно, завернуть. И вот тут-то на меня навалился Александр Дмитриевич Серапин.

— Ну послушай, я очень тебя прошу, — наседали он. — Давай дадим Лайке попить!

— Александр Дмитриевич, побойся бога! Ты же знаешь, сколько хлопот было, пока разрешили пробку открыть, а теперь еще — попить!

Но, откровенно говоря, и мне очень хотелось приложить свою руку к тому, чтобы немного скрасить Лайке не очень комфортный космический быт. Ведь третьи сутки она сидела в своей кабине без настоящей воды. Хотя медики и говорили, что вода в нужном количестве содержится в той пище, которой Лайка была снабжена, но ведь постоянную воду ничто не заменит.

Сердце мое дрогнуло. Александр Дмитриевич быстро разыскал большой шприц, наполнил его водой, надел вместо иглы тонкую резиновую трубочку, и мы с ним поднялись к Лайкиной кабине. Юра Силаев отвернул пробку. Как только мы наклонились над кабиной и Лайка увиде-

ла через иллюминатор доброе лицо своего «шефа», она не замедлила проявить все признаки собачьей радости. Просунуть в открытое отверстие трубочку, нажать на шток шприца и налить воду в пустую чашечку автоматической кормушки было делом минутным. Лайка быстро вылакала всю воду, вылизав дно чашечки, и, как показалось, благодарно кивнула нам мокрым носом.

По телефону я доложил вниз заместителю Сергея Павловича, что отверстие в кабине открыто достаточное время и представитель медицины считает, что его можно закрыть. О том, что программа была несколько перевыполнена за счет «особой операции», я решил не докладывать. Это осталось нашей с Александром Дмитриевичем тайной.

Минут через пять после доклада по телефону нам было передано указание: «Пробку поставить на место, об исполнении доложить». Юрий Силаев поправил складки комбинезона, вытер руки и посмотрел на меня: мол, что же здесь особенного? И стоило ли такому большому руководству заниматься эдакой мелочью?

— Ладно, ладно, давай работай!

— Есть работать! — засмеялся Силаев и в течение минуты тщательно завернул и закрепил пробку...

Тридцатиминутная готовность. На наблюдательном пункте, что в нескольких километрах от старта, наши испытатели, медики, ученые-физики. Почти у всех в руках бинокли. Ярко-белая свеча-ракета на фоне безоблачного, голубого ноябрьского неба — надолго эта картина врезалась в мою память. Из репродуктора громкой связи доносится спокойный голос:

— Готовность десять минут... готовность пять минут...

Наконец — минута. И — подъем!

Прошлый старт, 4 октября, был ночью. Этот — днем. Помню, что ночной показался более эффектным. Но в этот раз гораздо лучше было видно всю ракету, как она вначале плавно поднимается, как бы раздумывая, лететь

или не лететь, затем набирает скорость и уходит, уходит от нас навсегда.

Лайка улетела. А мы бросились к телеметрическим станциям. Не терпелось узнать, как она перенесла перегрузки на взлете, вибрацию. Желающих первыми узнать все это на нашей машине было больше, чем посадочных мест. По дороге — нам навстречу — «газик». Из него, высунувшись в дверцу и чуть не вываливаясь, машет Александр Дмитриевич Серяпин, поднимает большой палец: все в порядке! Победа! Лайка жива! И потом, пока поступала информация, мы знали, что и полет по орбите наша первая путешественница выдерживала стойко. Это был второй шаг по ступеням космической лестницы.

Каковы же были итоги запусков первых двух искусственных спутников Земли? Чем они обогатили науку?

За время своего существования — с 4 октября 1957 года по 4 января 1958 года — первый спутник совершил около 1400 оборотов вокруг Земли. Долгое время его короткие позывные принимали и воспроизводили тысячи радиоприемников в мире. Эти сигналы открыли счет дням новой эры человечества — космической.

Второй спутник за свою жизнь на орбите — с 3 ноября 1957 года по 14 апреля 1958 года — сделал около 2370 оборотов.

Сергей Павлович Королев писал в то время в «Правде» под псевдонимом «профессор К. Сергеев»:

«...В итоге наблюдений, проводившихся за движением обоих спутников, и регистрации многочисленных данных измерений получены совершенно уникальные материалы, представляющие исключительную научную ценность. Это результаты десятков тысяч радионаблюдений, тысяч оптических наблюдений и многие сотни записей всевозможных научных данных с борта спутников, произведенных на наземных телеметрических и наблюда-

тельных станциях... Блестяще подтвердились все основные исходные положения, которые были изложены при создании советских спутников. Оба спутника достигли заданного значения конечной скорости и с величайшей точностью вышли на свою орбиту... Полученные в итоге тщательной обработки результаты траекторных измерений позволяют установить полностью весь процесс эволюции параметров орбит спутников и получить новые данные о фактическом изменении плотности в верхних областях атмосферы.

Интересные данные получены по тепловым режимам на спутниках в процессе их обращения вокруг земного шара в течение первых месяцев полета... Можно вспомнить о тех опасениях, которые высказывались по поводу вероятности встречи спутников с метеоритами или с космическими частицами, способными с большой силой пробить либо даже разрушить спутник. За период работы радиостанций советских спутников они неоднократно проходили через метеоритные потоки, но никаких повреждений зафиксировано не было... Большую ценность представляет полученный при полетах второго спутника материал по изучению космических лучей...

Огромный интерес представляет впервые осуществленное на втором спутнике изучение биологических явлений при полете живого организма в космическом пространстве».

Нарисовав перспективы дальнейшего исследования космического пространства, Сергей Павлович писал в конце статьи: «Наступит и то время, когда космический корабль с людьми покинет Землю и направится в путешествие на далекие планеты, в далекие миры. Сегодня многое из сказанного кажется еще лишь увлекательной фантазией, но на самом деле это не совсем так. Надежный мост с Земли в космос уже перекинут запуском советских искусственных спутников, и дорога к звездам открыта!»

Эти строки были написаны в декабре 1957 года.

В начале 1958 года я был назначен на должность ведущего конструктора по всем разрабатывавшимся в нашем ОКБ космическим аппаратам.

Майские праздники мне пришлось встречать на космодроме. Шла подготовка к пуску третьего спутника, который именовался у нас «объект Д». Это был спутник уже другого класса. Судите сами: первый весил 83 килограмма, второй — 508, а третий — 1327! Подготовка третьего спутника и запуск его были удачными.

При запуске третьего искусственного спутника были практически полностью реализованы возможности двухступенчатой ракеты-носителя по весу груза, выводимого на орбиту. Поэтому в 1958—1959 годах в соответствии с программой освоения космического пространства в нашем ОКБ была создана трехступенчатая ракета, давшая возможность увеличить вес искусственных спутников Земли до 4500—4700 килограммов и обеспечить достижение второй космической скорости автоматическим аппаратам при полетах к Луне.

«Визитная карточка» на Луне

Луна... Серебристая, постоянно меняющая свой лик. С незапамятных времен этот неизменный спутник Земли удивлял и манил к себе людей. Луна появлялась на небосклоне в виде то узкого серпа, то полного диска, потом опять превращалась в серп и исчезала... Кто-то заметил, что лик Луны сходен с лицом человеческого. Присмотритесь, вот тут, справа, темное большое пятно — глаз. Астрономы называли его Морем Ясности. Рядом, почти слившись с ним, — Море Спокойствия. Море Дождей — глаз слева. Ниже, словно раскрытый рот, — Море Облаков. С левой стороны на щеке большое родимое пятно — Океан Бурь... И плывет Луна по своей извечной дороге вокруг Земли нашей миллиарды лет.

Как образовалась Луна? Вместе с Землей и другими планетами? Прилетела из космического пространства и, захваченная силами земного притяжения, стала пленницей нашей планеты? Или она дочь Земли? Гипотезы, гипотезы, гипотезы... О Луне в свое время было написано множество различных книг, пишут их и сейчас — научные, популярные, фантастические. Фантасты поумолкли, когда на «лунную» дорогу отечественной космонавтики вышли не только астрономы и астрофизики, но и радиотехники, электрики, химики, двигателисты, гироскописты, баллистики, механики, математики, металлурги. Да разве перечислишь всех, кто образовал тогда армию создателей космических аппаратов!

В начале 1958 года Королев докладывал правительству предлагаемую программу. Он считал, что имеется возможность осуществить полет ракеты к Луне, достичь непосредственно лунной поверхности. Потенциал отечественной ракетно-космической техники позволял говорить об этом.

...Первым, кого я встретил, вернувшись в мае с космодрома, был Михаил Степанович. Он рассказал, что работы по проектированию нового комплекса — ракеты для полета к Луне — идут полным ходом. Ему Сергей Павлович поручил заниматься новой, третьей ступенью носителя, ибо на том, что есть, — на двухступенчатом носителе к Луне «не поедешь». Я представил, какого масштаба эта работа. Не только проектирование и разработка рабочих чертежей новой ступени, изготовление узлов и деталей, но и создание нового двигателя и приборов системы управления. Затем сборка и испытание на Земле, а потом и в полете. Надо было еще «научить» новую ракету летать. А это далеко не просто. И далеко не каждая ракета летит с первого раза...

— А сроки? — спросил я Михаила.

— Ты же Сергея Павловича знаешь. Характер! Он ждать не может. Темп! Что задумано — делать немедленно. Знаешь, какой срок он называет? 1958 год...

Проектный отдел Михаила Клавдиевича Тихонравова разделился на две «конкурирующие» группы: «земляне» и «луняне». «Земляне» продолжали думать над искусственными спутниками Земли для решения в дальнейшем более сложных задач, в том числе и полетов человека в космическое пространство. А «луняне» пошли своей «лунной» дорогой. Собственно, еще не пошли, а искали тропинки к ней.

Дерзок ум человека. Всего год прошел, как в космос полетел первый спутник. Была достигнута первая космическая скорость — 28 тысяч километров в час. И вот, всего через год замахиваться уже на достижение второй космической. А это 40 тысяч! 40 тысяч километров в час. Трудно себе представить, надо просто верить расчетам. Эта скорость даст возможность искусственному телу, созданному на Земле, не только кружить вокруг нашей планеты, но и порвать путы тяготения, обрести самостоятельность в Солнечной системе... Дерзкий замысел!

В тот же день я зашел в проектный отдел. Глеб Юрьевич Максимов, начальник «лунной» проектной группы, что-то сосредоточенно писал за своим столом.

— А-а... здорово! С прибытием из теплых краев! Ну как долетели? — встретил он меня.

— Долетели-то хорошо. Это теперь, как я понимаю, мелочи. Я вот только что виделся с Михаилом Степановичем. Он мне про какую-то фантастику рассказывал...

— Почему же фантастику? Это ты про Луну? Если хочешь, пойдем, покажу, что мы тут уже понапридумали.

Глеб Юрьевич встал из-за стола и, взяв меня под руку, подвел к одному из кульманов. Симпатичная молодая блондинка, конструктор максимовской группы, отошла чуть в сторону, уступая нам место.

— Ну вот, смотри...

Глеб Юрьевич подробно объяснил мне идею первой космической ракеты. Вывод на траекторию перелета с помощью дополнительной третьей ступени посетителя. Разгон

в сторону Луны со скоростью, несколько превышающей вторую космическую. Исследования космического пространства за пределами тех расстояний, на которых летали три первых наших спутника. Попытка «пощупать» окололунную область и «заглянуть» за Луну...

— И сколько же времени ракета будет лететь до Луны?

— При такой скорости, которую сейчас выбрали, около тридцати четырех часов.

— А что будет представлять собой «полезный груз»?

— Пока остановились на шарообразном контейнере. Он будет состоять из двух полуоболочек. На их поверхности — датчики и антенны, внутри — электронные приборы и источники питания. Главная забота — радиокомплекс.

Действительно, в «докосмическую» эру определение «радиоприборы» подразумевало радиоприемник и радиопередатчик. Но в космическом аппарате у радиоприборов круг обязанностей, если так можно сказать, стал неизмеримо шире. Остались, конечно, приемники и передатчики, но добавились программно-временные устройства, телеметрические коммутаторы, преобразователи, шифраторы, дешифраторы... Да разве перечислишь все, что входит в понятие «радиокомплекс»?

Из объяснений Глеба Юрьевича я понял, что помимо основного радиокомплекса Сергей Павлович настоял на установке дополнительного коротковолнового передатчика. Чтобы он «всю дорогу пищал, так надежнее будет», как сказал Главный.

— Ты говоришь, коротковолновый? А кто его делать будет, этот добавочный? Насколько я понимаю в радиотехнике, для коротковолнового передатчика такими маленькими штырьками-антеннами, какие вы для основного запроектировали, не обойдешься. Так?

— Не спорю. Передатчик будут делать... Есть одна организация. А вот как быть с антеннами — пока не знаю.

Ведь они должны быть длиной метра четыре, не меньше. Посмотрели мы тут один вариант. Громоздкий больно. Надо что-то разворачивающееся или раскладывающееся...

На следующий день в одном из цехов производства меня «нашел» телефонный звонок. Как ни смешно, а порой злишься на это порождение человеческого разума. Насколько бы спокойнее было жить без наших «звонких» помощников! Никто бы тебя не искал, не отвлекал... Размышляя так по поводу технического прогресса, я шел к кабинету начальника цеха.

— Слушаю!

— Здравствуй, ведущий. Ты очень занят?

— Да нет, какие наши занятия! Последний тайм первенства мира по футболу досматриваю и шампанское допиваю,— съязвил я, узнав голос начальника конструкторского отдела Григория Григорьевича Болдырева.

«Ну что он, ей-богу! Не знает, что ли, что в цех, на производство развлекаться не ходят! Чего спрашивать?!» — ворчал я про себя.

— Ладно, не кипи, как медный самовар. Все равно счет не в твою пользу. Зайди лучше ко мне. Есть кое-что интересное.

Минут через десять я зашел в кабинет Болдырева. Он сидел за столом, рядом стоял Глеб Юрьевич. С другой стороны стола, в кресле для посетителей, поместился полноватый мужчина в очках. Привстав, он протянул руку:

— Полинов. Я от Губенко.

Так я познакомился с человеком, «больным» хроническим изобретательством. Не прожектерством, отнюдь нет. Хорошим, нужным, деловым изобретательством. Таких людей поминаешь добрым словом долгие годы. Юрий Степанович Полинов до сих пор не излечился от своей «болезни».

— Я к вам с предложением. Вот посмотрите,— Полинов подошел к столу и взял из рук Глеба Юрьевича ка-

кую-то круглую металлическую коробочку, которую тот очень внимательно разглядывал.

Из коробочки выглядывал кусок темно-коричневой металлической ленты, но назначение этой штуки я представить не мог. Пока она напоминала мне металлическую карманную рулетку. Очевидно поняв, что меня «не осенило», Григорий Григорьевич улыбнулся:

— Ну что, не догадываешься?

— Ей-богу, нет.

— Да это же находка! Антенна для коротких волн!

— ???

— Да, да,— вмешался в разговор Полинов.— Я вот и привез вам показать. Интересно, знаете ли, получилось. Вот посмотрите. Только отойдите немного в сторону.

Он отошел в угол кабинета, вытянул руку с коробочкой, что-то нажал, и — взжик-к-к! — коробочка сорвалась с его руки, с силой ударилась в противоположный угол кабинета. А в руках Полинова была... ровная коричневая поблескивающая трубка, сама собой развернувшаяся из улетевшей коробочки.

Григорий Григорьевич и Глеб Юрьевич, очевидно моего прихода уже видевшие то, что только что продемонстрировал мне Полинов, смотрели на меня так победоносно, словно они, а не приехавший к нам конструктор придумал эту простую, но удивительно толковую штуку.

— Вот видите, все просто, удивительно просто,— проговорил гость,— но мне кажется, это должно вас заинтересовать. Ведь вопрос конструкции антенны, штанг каких-нибудь на спутниках...

— Да помиладуйте, Юрий Степанович, это же здорово! — обычно сдержанный Глеб Юрьевич был воодушевлен.— Нашими достижениями по этой части хвалиться не приходится.

Новая идея конструкции антенн, которые у нас стали называть «рулеточными», нашла самое широкое применение и используется вот уже третий десяток лет...

Как и в любом другом деле, были у нас и скептики. Например, некоторые сомневались в том, что по сигналам бортового радиопередатчика можно будет с нужной точностью определять траекторию полета ракеты. Сегодня это может вызвать ироническую улыбку, но тогда, в те годы... Все было первым, и не было опыта, на который можно сослаться. Скептики для того и скептики, чтобы сеять сомнения. Королев решил так: все должно быть чисто, чтобы комар носа не подточил, чтобы ни у кого не было никаких сомнений в том, куда и по какой траектории летит ракета. А раз так, то нужен был, так сказать, внешний авторитет, который бы со всей очевидностью подтвердил результаты радиоизмерений.

Вот если бы астрономы... Астрономы — это астрономическая точность. Это авторитетно. Этому любой скептик поверит! Сергей Павлович не один раз встречался в те дни с крупными авторитетными учеными, но, как выяснилось, ракета не могла на расстоянии 100—200 тысяч километров блеснуть звездочкой подходящей величины, чтобы ее могли увидеть наземные телескопы. Вот если бы ее яркость, тот солнечный свет, который отражает ее поверхность, усилить в несколько тысяч раз... Но как этого добиться?..

Нас выручила сама природа. Точнее, поиски аналогий в космосе. Кометы... Их газовые хвосты, несмотря на огромную разреженность вещества, светятся в солнечных лучах.

Вычисления показали: нужно сделать так, чтобы ракета выпустила облако паров натрия, которые очень интенсивно рассеивают солнечные лучи в желтой части спектра. Такое облако будет хорошо светиться, и его можно наблюдать в телескопы. Испарить достаточно всего около килограмма натрия, и будет искусственная комета в небе. Неплохая идея. Но идея, какой бы она ни была оригинальной и продуктивной, только идея. Такую «комету» надо было сделать, а до этого еще спроектировать, испытать.

К счастью, в жизни наряду со скептиками есть оптимисты и энтузиасты. Нашлись они и в одном из соседних конструкторских бюро. Были проведены эксперименты вначале «дома», в лаборатории, а потом на ракете при одном из вертикальных пусков.

Конструкция оказалась довольно простой: цилиндрический сосуд, внутри его термит и натрий, электрическое запальное устройство. Если термит поджечь, то он будет испарять натрий. Поджечь... А как? Поджечь на расстоянии 100 тысяч километров, и не когда-нибудь, а ночью: днем «комету» не увидишь, как не увидишь и звезд. Необходимо было какое-то включающее устройство, автомат. Первое, что пришло в голову, — часовой механизм. Опыт по этой части, правда не очень-то большой и, скажем прямо, не полностью нас удовлетворивший, был — на втором спутнике летал часовой механизм, включал и выключал передатчик. Но этот опыт показал, что в условиях невесомости применение часов — дело простое.

Поехали мы с проектантами в один из научно-исследовательских институтов, занимавшихся «часовыми» проблемами. Нас душевно принял главный инженер. Но его настроение сразу стало портиться, как только была изложена суть наших желаний.

— Э-э, товарищи, это дело нелегкое! Наша техника — штука сложная. Ее так просто не возьмешь. Космическая ракета, говорите?.. Ракета... ракета... Да-а! — и он глубокомысленно умолк.

Молчали и мы. Несколько минут. Наконец главный инженер повернул голову в нашу сторону, склонил ее к левому плечу, прищурил глаз. Сигарета в уголке губ дымилась, казалось, сама по себе, этак равнодушно, независимо...

— Шестнадцать килограммов.

— Пуд?! — голос Глеба Юрьевича прозвучал так, словно он услышал нечто несусветное.

— Не пуд, а шестнадцать килограммов. Наша техника — вещь тонкая, современная. Все должно быть очень надежно.

— Надежность — безусловно. Но поймите и нас. Куда мы возьмем такой вес?

— В этом я вам помочь не могу. Шестнадцать килограммов. Ну, может быть, мы что-нибудь сумеем сэкономить, но малость, самую малость — граммы...

Обратно ехали расстроенными. Долго молчали.

— А что, если... — Глеб Юрьевич на минуту задумался. — Братцы, а что, если самим? И не часовой механизм, а электронный, а? Неужели наши электрики не сделают?

Такое автоматически включающее комету устройство было создано самостоятельно, без участия смежных организаций...

В конце концов окончательно определился состав всей аппаратуры, и своей и смежных организаций, в группе Глеба Юрьевича закончили компоновочные работы, провели все необходимые расчеты, в отделе Болдырева разработали чертежи, в цехах полным ходом пошло изготовление деталей, узлов, приборов, которые тут же отправлялись в цех главной сборки, к Владимиру Семеновичу Петрову.

И у «соседей» наших, ракетчиков, тоже нелегко та самая добавочная, третья ступень ракеты-носителя рождалась. И на основной ракете требовались доработки. Ведь теперь в ее носовой части вместо спутника должна была устанавливаться целая ракетная ступень. С чьей-то легкой руки ее называли «Еленой». Луну древние греки именovali Селеной. А это созвучно. Так ли было, не знаю, не решаюсь. Но наша третья ступень стала называться «Елепой», а сокращенно просто «Е». Блок «Е». Для этого блока наши специалисты вместе с коллективом конструкторского бюро Семена Ариевича Косберга создали ракетный двигатель, которого еще не знала ракетная техника. Он мог запускаться в вакууме и в невесомости, причем имел

очень хорошие характеристики и по тяге, и по собственному весу.

За полгода все было сделано. Ракетчики готовились к своим испытаниям в ракетном цехе, мы — в своем, в космическом. Перед отправкой на космодром оставалось одно — совместные испытания. Установили мы свое творение на электрокар и тихонечко поехали по межцеховым улицам в ракетный цех: не везти же ракету в наш, космический. Приехали. Стали, помню, скромненько в уголке, ждем своей очереди. Ребята наши, сборщики, посматривают по сторонам. Ракета — это интересно. Особенно если не ракета, а ракетища.

Наше творение куда меньше — всего около метра в диаметре. Смотрел я на ребят наших — что у них в глазах? Зависть? Нет. Любопытство? Может быть. Но и гордость за свое. Пусть это «свое» и маленькое, пусть не такое убийственно впечатляющее, как ракета. Зато очень нужное...

Помню, один из наших, Саша Королев, уже через минуту «втавил» в разговор кого-то из «ракетных» друзей.

— Что это вы за арбуз привезли? — спрашивает Сашин собеседник. — И не стыдно? Сколько месяцев ковырялись...

— Арбуз, — огрызнулся Саша. — Да ради этого арбуза вся ваша телега и существует! Арбуз...

Совместные испытания с ракетчиками на заводе прошли нормально. Теперь оставалось провести испытания на космодроме. Летали мы на космодром тогда, как правило, только ночью. Сергей Павлович не представлял, чтобы до рога, перелет съедали целый рабочий день. Летали на Ил-14, а то и на Ли-2. Путь долгий — часов восемь. Полубессонная ночь в самолете считалась вполне достаточной для отдыха.

С утра начались испытания. Время летело быстро.

— Выключить борт! — Юрий Степанович, наш главный комплексник, разработчик и главный испытатель всей электроавтоматики, мягким движением перевел вниз

головку выключателя на пульте. Откинулся на спинку стула, поднял руки к лицу, закрыл глаза ладонями. Комплексные испытания закончили. Я сидел рядом с ним. Посмотрел на часы. Половина третьего. Ночь. Рядом — испытатели. Устали ребята. Очень напряженными были эти сутки, да и только ли эти?

— Ну, хлопцы, давайте закругляться. Пленки с регистрацией результатов будут расшифрованы только к утру. Сейчас можно спать. Леонид Иванович! — обратился я к заместителю начальника сборочного цеха, который вот уже четвертый раз вместе с бригадой монтажников работал с нами на космодроме. — Давай твоих хлопцев. Надо отстыковать станцию от всего испытательного хозяйства, все кабели убрать, пульта тоже. Готовьтесь к стыковке с носителем. Надо все тщательно осмотреть, все штепсельные разъемы закрыть крышками...

— Ну что, в первый раз, что ли? Не беспокойся, все сделаем. Все будет в полном порядке...

— Подождите, подождите, — прервал Леонида Ивановича Юрий Степанович, встав и опершись на пульт, — как это отстыковать? А результаты регистрации? Нет, так не пойдет. Пока не посмотрим пленки, приборы с пультами расстыковывать нельзя. А если на пленках что-нибудь не так? Ищи-свищи тогда, кто виноват — борт или земля.

— Юра! Да ведь все прошло как по маслу. Сам знаешь, ни у кого ни одного замечания не было. Время выиграем. Сейчас все подготовим, а утром пленки посмотрим — и сразу на стыковку с ракетой.

Я понимал, что такое решение, с одной стороны, нарушает проверенное жизнью и работой правило: до окончательной оценки результатов испытаний ничего не трогать. Но с другой стороны, обычная забота ведущих — график, время, всегда дефицитное время. Сергей Павлович словно чувствовал, где могут и где не должны быть задержки. И испытателям-электрикам от него, пожалуй, за эти самые задержки влетало больше, чем кому-либо.

А здесь можно было сэкономить четыре-пять часов. И они были бы очень кстати, поскольку мы уже были на грани срыва графика стыковки с носителем.

Но Юрий Степанович был неумолим. Ни просьбы, ни уговоры не действовали. Почувствовав, что мирно из этой ситуации не выйдешь, я попробовал поднажать. Однако все было напрасно.

— Что ты меня за горло берешь? Ты хозяин, ты и командуй. Сам и отвечать будешь. Всегда у тебя времени не хватает! Лучше работу планировать надо. Делайте, что хотите, а я пошел спать! — И, резко повернувшись, Юрий Степанович пошел к выходу из пультной.

Он был прав, и я это чувствовал. Но что было делать? Риск, конечно, был. Указания, данные Леониду Ивановичу, остались в силе. Минут через десять, убедившись, что работа пошла нормально, я тоже отправился в гостиницу. Усталость давала себя знать. «Ну ничего, еще немного, — думалось мне. — Приду, выпью стаканчик горячего чайку и — спать. Спать, только спать».

Вскочил я от резкого телефонного звонка.

— Ну и спишь же ты! Третий раз звоню. Давай скорее в корпус! — раздался в трубке тревожный голос Леонида Ивановича.

Через десять минут я был в монтажном корпусе. Наши монтажники стояли около отстыкованной станции. На меня растерянно смотрел Леонид Иванович.

— Я уж и говорить тебе бо-боюсь, — заикаясь, произнес он. — Смотри сам... — И Леонид показал рукой вниз подставку, на которой стояла наша космическая станция.

— Что там случилось?

— Мы стали электрические разъемы крышками закрывать. А перед этим я велел все контакты тщательно осмотреть. На нижнем разъеме один контакт... погнут. Здорово погнут.

Я лег на коврик, взял в руки переноску-лампочку. Внизу, на оболочке контейнера, было два электрических

штепсельных разъема, через их контакты проходили цепи, соединяющие приборы станции с последней ступенью ракеты. В каждом разъеме по пятьдесят контактов. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что слово «погнут» мягковато. Почти в центре контактного поля один из контактов был согнут чуть ли не пополам.

Дыхание в груди сдавило, на лбу выступила противная влага. Ведь все испытания уже закончены! Как же теперь? Что же делать? Ведь это срыв... Полный срыв пуска. Придется все разбирать, снимать все приборы, менять этот злополучный разъем... А это работы на неделю. На неделю!!!

Через секунду я был у телефона:

— Юрий! Юрий Степанович!!! Срочно в монтажный корпус! — только и успел я произнести.

Через десять минут Юрий был в корпусе. Его покрасневшее от пробежки по морозу лицо вдруг сразу побледнело.

— Схему! Немедленно электрическую схему! — И он помчался на второй этаж, туда, где хранилась вся наша техническая документация. Минуты через три он уже разглядывал схему подтайки проводов к этому злополучному разъему.

— Какой разъем? Первый?

— Первый.

— Номер контакта?

— Да не посмотрел я, какой номер.

Двое монтажников нырнули под подставку. Юрий Степанович, глядя на схему, кивнул мне. Я подошел.

— Вот смотри. На первом разъеме из пятидесяти контактов занято сорок девять, свободен тринадцатый.

— Но какой же? — не выдержав, крикнул я монтажникам.

— Вылезайте-ка быстрее, я сам посмотрю! — Юрий Степанович прилег на коврик, пытаясь протиснуться под

станцию. А это при его богатырском росте было не так-то просто.

— Ну, ведущий, ты в рубашке родился, тринадцатый!..

После окончания проверок вместе с ракетой весь комплекс был отправлен на стартовую позицию.

Наступил Новый год. 1959-й. Старт был назначен на 2 января. Очень хотелось сделать этот запуск новогодним подарком, повесить, как кто-то выразился, «на елочку», но небесной механике нет дела до наших праздников.

2 января. Ночь. Темная, безлунная. Нацеленная в зенит ракета побелела от инея. Минутная готовность. Томительные секунды. Который раз — и всегда так. Всплеск света, клубы подсвечиваемого снизу дыма, поднимающиеся вверх, окутывающие ракету, скрывающие ее стройное тело... И вот она, опираясь на огненную колонну, с kloкочущим ревом уходит в небо. Разметанные вихрем, тают и пропадают дымовые покрывала. Ракета идет вверх. В зенит. Но вскоре ложится на курс, наискось разрезая ночной купол неба, и уходит туда, куда повелели ей люди.

И сразу — опустошенность. Болезненная, тягучая опустошенность. Вот была она здесь, рядом. Ей отдавали все — знания, энергию, силы, нервы. Все взяла и упесла с собой. И осталась пустота...

Ракета шла нормально. Первые же поступившие на космодром вести с документальной очевидностью подтвердили: вторая космическая скорость есть!

Обработка результатов измерений траектории полета станции показала, что «Луна-1», как ее называли в официальном сообщении, пролетит вблизи Луны на расстоянии около 6 тысяч километров от ее поверхности, выйдет из сферы действия земного тяготения и станет первым искусственным спутником Солнца, с орбитой, отстоящей от нашего светила от 146 и до 197 миллионов километров. На этой орбите спутник Солнца должен вращаться вечно.

В мировой печати «Луну-1» назвали «Мечта». Неплохое название. Никто его не оспаривал. В этом эксперименте были впервые получены данные об интенсивности и составе космических лучей, газовых компонентов межпланетного вещества, метеорных частиц, корпускулярного излучения Солнца, магнитных полей Земли и Луны.

Итак, можно было подвести некоторые итоги. Вторая космическая скорость есть. Первая искусственная планета — спутник Солнца — есть. И до сих пор мчится наша «Мечта» вокруг Солнца, где-то между орбитами Земли и Марса, со своим «годом» в 450 суток. Но она столь мала, что даже в самые совершенные телескопы ее не заметишь.

На повестку дня встала следующая задача — запуск ракеты на Луну. Не задерживая внимания неискушенного читателя на сложности этой проблемы, достаточно сказать, что при расчетах нужной траектории полета и проектировании приборов системы управления ракетой учитывалось множество различных факторов, весьма серьезно влияющих на возможность попадания в выбранную «цель». Взять хотя бы такой: Луна движется вокруг Земли со скоростью, близкой к одному километру в секунду. Значит, «стрелять» надо не по стоящей мишени, а по подвижной. Место старта ракеты — Земля тоже не стоит на месте, движется вокруг Солнца со скоростью около 30 километров в секунду и, кроме того, вращается вокруг своей оси.

Можно понять, надеюсь, какова была сложность той задачи, за решение которой взялись всего лишь через два года после создания первого космического аппарата. Могли бы быть решены все эти задачи одним человеком, пусть самым гениальным из всех землян? Конечно нет. Это было под силу только коллективному интеллекту, только совместным усилиям многих коллективов. Но совместная деятельность такого рода всегда требует организационного на-

чала, целеустремленного руководства, дающего единственно нужное направление.

Это и осуществлял Сергей Павлович Королев. Его беспределенная энергия, целеустремленность, праведный фанатизм во многом способствовали тому, что советская космическая ракета была создана в 1959 году.

В группе Глеба Юрьевича Максимова все стали что-то очень смахивать на своего начальника. Похудели, побледнели, глаза как-будто стали больше, в голосе появилась хрипотца. Энтузиазмом начальника группы заразились все. Мысли становились в строй, обретая строгую форму проектных документов. А строй — великая организующая сила, об этом все, кто в армии служил, хорошо знают!

И вот выдана формула цели, краткая, четкая, как приказ: «Достижение поверхности Луны восточнее Моря Ясности, вблизи кратеров Аристил, Архимед, Автолик 14 сентября 1959 года в 00 часов 02 минуты по московскому времени. Старт 12 сентября».

Луна... До сих пор человек только смотрел на нее. Смотрел в древности, смотрел и смотрит в наши дни. Глазом простым, глазом вооруженным. Человек дал названия лунным морям, кратерам, горам... В 1959-м кратеры Аристил, Архимед и Автолик с карты астрономов перекочевали в проектные документы, в расчеты инженеров. Теперь туда должен был отправиться посланец Земли. И, как лицо официальное, облеченное доверием, он должен был нести с собой верительные грамоты.

Официальная «визитная карточка» каждой страны — ее герб и флаг. Одинаковых гербов и флагов не бывает. Свидетельством достижения Луны советской космической ракетой должен был стать выпел с гербом СССР.

Маленькие стальные пятиугольнички и алюминиевые полоски сейчас в некоторых музеях хранят как драгоценные реликвии. Это копии — простые кусочки металла. И глядя на них, пожалуй, никто и не представляет, сколь хитроумна была конструкция тех устройств, которые

должны были сохранить памятные вымпелы на поверхности Луны. Задача не из легких, если учесть, что ракета подлетит к поверхности Луны и ударится о нее со скоростью 3,3 километра в секунду, а это намного быстрее летящего артиллерийского снаряда. Да и какова она, лунная поверхность: камень, пыль?

Инженеры получили исходные данные: скорость при ударе 3,3 километра в секунду; и при этом вымпел должен остаться на поверхности целым и невредимым. Вот и думай, как сделать? Придумать, изготовить, проверить, испытать. Убедиться самим, убедить других.

Много предлагалось разных решений, но по каким-нибудь «нюансам» они не подходили. В группе Глеба Юрьевича Максимова родилась идея, точнее, сразу две. Первая: на поверхности шара закрепить стальные пятиугольнички с гербом нашего государства и датой «прибытия» на Луну. А что внутри? Сделать весь шар металлическим, таким пушечным ядром? А какой смысл? Врезался бы он в Луну, углубился в ее поверхность, и все... Но если все же сделать шар, как ядро, только полое, со взрывчаткой внутри? Да-да, взрывчаткой. Нашли специалисты одной из организаций такое вещество, которое могло «работать» без всяких взрывателей и запальных устройств, само — при ударе о поверхность, неважно, каменную или рыхлую, как пыль. Такое вещество могло не только взрываться, но и разбрасывать во все стороны «осколки» — стальные пятиугольнички со скоростью 3,3 километра в секунду. Значит, какой-то их части, оказавшейся в момент удара, скажем условно, «внизу», к их собственной скорости добавится такая же, и они врежутся в Луну с двойной скоростью. Наверное, мало что от вымпелов останется. Те пятиугольнички, которые расположены «с боков», разлетятся по поверхности. А те, что окажутся «сверху»? Энергия взрыва погасит скорость падения в момент удара, и они должны остаться лежать на поверхности. Что и требовалось получить.

Один из монтажников задал тогда вопрос: «А что будет, если шарик с этой самой взрывчаткой скатится со стола на пол?» Его успокоили — ничего не произойдет. Вернее, произойдет, но не взрыв, а разнос... от руководства за разгильдяйство.

Даже если при взлете ракеты что-то случится и она «решит» попасть в Землю вместо Луны, выпел будет совершенно безопасен. Взрывчатое вещество сработает только при контакте с поверхностью небесного тела со скоростью 3 километра в секунду или более. Такая гарантия успокоила слабонервных: на Земле подобных скоростей не получить... Но как же всю эту идею проверить? Помогли артиллеристы.

Они приспособили два специальных орудия, в одно из которых в качестве снаряда был заложен специальный стакан с аналогом лунного грунта (по тогдашним понятиям), а в другое — шар с этим экспериментальным взрывчатым веществом. Стреляли так, чтобы «снаряды» столкнулись в воздухе, так как скорости вылета снаряда из одной пушки не хватило бы. А здесь получалось столкновение со скоростью, равной сумме скоростей выстрелов.

Такова история одной из двух первых лунных «визитных карточек».

Вторая была не менее интересной. Хотя вряд ли простая алюминиевая ленточка с «адресом отправителя» и да той «отправки» производила особое впечатление на тех, кто ее видел.

Надпись на ленточке была сделана химическим способом, что, по мнению специалистов, гарантировало ее вечную сохранность. Но ведь она будет на ракете подлетать к Луне с той же скоростью, что и шарик. Как же сохранить такой нежный предмет?

Еще в 1891 году Циолковским была выдвинута идея о предохранении «слабых вещей и организмов от ударов и толчков и усиленной тяжести» посредством погружения их в жидкость равной им плотности. Циолковский писал

о том, что природа давно пользуется этим приемом, погружая зародыши животных, их мозги и другие слабые части в жидкость. Так она предохраняет их от всяких повреждений.

Для доказательства этой идеи Циолковский провел простой, но убедительный эксперимент. В кружку с водой погружается яйцо, для увеличения плотности жидкости в воде растворяется поваренная соль до тех пор, пока яйцо не начнет всплывать со дна к поверхности. После того как яйцо придет в равновесие, можно ударить сосуд о стол с большой силой, и яйцо не разобьется, в то время как без воды скорлупа яйца даже при слабом толчке расколется.

А что, если ленточку скатать в плотный рулончик и поместить его в ампулу с жидкостью, равной по плотности алюминию? Эта жидкость предохранит ленточку при ударе. Но так будет, если сама ампула не разрушится. Представьте себе, что в эксперименте Циолковского кружка бы разлетелась на мелкие кусочки. Что бы тогда осталось от яйца?

А если ампулу поместить в сверхсверхпрочную оболочку, она не разрушится. Но надо еще, чтобы эта оболочка не ушла глубоко в поверхность Луны, как пуля в стог сена. Энергию удара надо чем-то поглотить. Решили оболочку поместить в еще одну, но менее прочную. Тогда наша прочная оболочка, словно бронебойный снаряд, пройдет через менее прочную, при этом отдаст ей энергию удара, а сама останется целой. Сохранится и ампула с жидкостью, и в ней ленточка с надписью... Прямо как в сказке про Кощея Бессмертного.

Оба варианта «визитной карточки» полетели на Луну.

Сообщение ТАСС о пуске Советским Союзом космической ракеты к Луне:

«В соответствии с программой исследования космического пространства и подготовки к межпланетным полетам

12 сентября 1959 года в Советском Союзе осуществлен второй успешный пуск космической ракеты...

Последняя ступень ракеты, превысив вторую космическую скорость — 11,2 километра в секунду движется к Луне...

По предварительным данным, ракета движется по траектории, близкой к расчетной. Ожидается, что космическая ракета достигнет Луны 14 сентября в 00 часов 05 минут московского времени...»

Весь этот текст можно прочитать за минуту. А сколько за ним труда! Пролетели дни и ночи сборки и испытаний на заводе, недели подготовки «Луны-2» на космодроме. И вот растаял облачно-дымный след. Остается ждать, что принесут радиоволны.

Ночь на приемном пункте в Крыму. Напряженно вслушивались, волнуясь все больше и больше, в сигналы бортового передатчика, всматривались операторы в электронные всплески на зеленых экранах осциллографов. Результаты траекторных измерений, уточненные в последние часы, показывали, что космическая колея строга и что ракета летит точно в тот район Луны, куда ее целили, но все же...

Стрелки хронометра приближались к двум минутам первого. Последние секунды. Сердца частили, обгоняя беспристрастный часовой механизм. Две секунды... Одна... Наконец в 0 часов 2 минуты 24 секунды сигнал передатчика пропал. Как обрезало. Это означало, что поверхность Луны достигнута!

В один прекрасный день инженер группы Глеба Юрьевича, подойдя к своему начальнику, сказал:

— А знаете, по-моему, у нас может получиться не только пролет Луны и попадание в нее...

— А что же еще? — вскинул глаза из-под очков начальник группы.

— Может получится облет Луны с возвратом к Земле. Я вот тут кое-что прикинул...

— Ну и что? Это давно известно. Сергей Павлович об этом еще год назад говорил...

— Я не про простой облет говорю. Можно на невидимую, обратную сторону Луны заглянуть и сфотографировать...

Через час возле стола начальника группы стало тесно. Со стороны были видны только склоненные спины. Так хоккеисты около вратаря «клянутся» перед ответственным матчем. Я подошел. Услышал возбужденные реплики:

— Надо поставить фотоаппарат...

— Не один, несколько. И не простой, а фототелевизионный аппарат. Изображение надо ведь на Землю передать.

— А ориентация на Луну? АМС должна быть сориентирована...

Через часок Глеб рассказал мне об идее, которая всех так раззадорила.

— А Сергей Павлович знает?

— Нет еще. Ему никто не докладывал. Надо все поглубже проработать, со смежниками об аппаратуре договориться. Пока ведь только идея...

Да, идея, скажем прямо, родилась тогда интереснейшая. Но сразу выкатился и целый клубок проблем. В группе Максимова не было специалистов по фотографии. Один из инженеров засел за основы фотографической техники. У нас в ОКБ, конечно, не собирались делать фотоаппаратуру, но ведь со смежниками нужно было уметь разговаривать на профессиональном языке. Постепенно появились предложения, что и как сделать: фотоаппарат, устройство для автоматической обработки пленки на борту станции, систему передачи изображения по радиоканалу. Другая проблема — ориентация космического аппарата при сеансе фотографирования. Все предыдущие спутники и лун-

ные ракеты после отделения от носителя занимали в пространстве произвольное положение. Говоря научно, вращались вокруг своего центра массы, иными словами, просто кувыркались. Такой «режим» при фотографировании недопустим. Это ясно без дополнительных разъяснений. Но своих специалистов, понимающих подобные вопросы, у нас еще не было.

Наконец состоялась встреча проектантов с Сергеем Павловичем. Он очень внимательно выслушал предложения, задал вопросы. Сразу нельзя было понять, одобряет он новую идею или нет. Однако некоторые вопросы он ставил так, словно пытался сравнить чье-то мнение с предложением проектантов. Значит, тоже размышлял над такой задачей. Его очень заинтересовало предложение о несколько необычной траектории полета к Луне и последующей эволюции орбиты станции.

— Подождите, подождите, эта орбита очень интересна, очень. Использование гравитационной силы Луны! Перспективнейшая штука, я вам говорю. Вот увидите, пройдет десяток лет, и космонавтика будет широко пользоваться таким способом.

Насколько тогда был прав Сергей Павлович! История развития космонавтики много раз подтвердила его предвидение.

Его заместитель по проектным делам, Константин Давыдович Бушуев, докладывавший идею «Луны-3», сказал, что, по предварительным данным, в течение года полет по такой траектории может быть сделан только один раз.

Королев вопросительно вскинул на него глаза поверх очков:

— Только один? Значит, если в этом году не сделаем, то только в следующем? Ждать год? Интересно, а когда эта дата?

— По предварительным данным, в октябре. В начале октября.

— Что у вас все «по предварительным да по предварительным»? — взорвался Главный. — Страхуетесь, что ли? Разве можно серьезно рассматривать какие-то предложения, когда все предварительно? Затею работу, а потом у вас вместо одного «предварительного» получится совсем другое — «окончательное». Нельзя так!

Королев обратился к Максиму:

— А как вы думаете обеспечить электропитание?

Глеб Юрьевич доложил все рассмотренные варианты, делая упор на то, что весьма желательно было бы обойтись просто аккумуляторными батареями. Это просто и надежно.

— А на сколько суток в этом случае будет обеспечена работа?

Максимов ответил:

— Нет, это в принципе не годится! Вы что думаете, что такую работу, такое дело можно подвесить на один цикл передачи фотографий по радио? А если помехи какие-нибудь, сбой — прощай все? — И с раздражением: — Я удивлен вашим легкомыслием. Я считал вас более серьезными людьми. Это совершенно безответственное предложение! А вы что смотрите? — Сергей Павлович повернул голову в мою сторону. — Вы — глаза и уши Главного конструктора! Вы ведущий или кто? Потрудитесь этот вопрос рассмотреть заново. И посерьезнее! Удивительное легкомыслие! Мальчишки!

Главный встал из-за стола, вышел в маленькую комнату, что была за его рабочим кабинетом. Мы не глядели друг на друга. Так бывало. Разговор как разговор — нормальный, деловой. Потом вдруг раз — и взрыв. Пауза затянулась. Через неплотно прикрытую дверь было видно, как Сергей Павлович подошел к маленькому столику, налил полстакана воды, вынул из кармана какую-то бумажку, развернул ее, поднес ко рту, запил. Минуты через три-четыре вышел к нам.

— Ну что у вас еще? — тон спокойный, деловой.

Хорошо зная проявлявшуюся порой резкость Королева в обращении с товарищами по работе, много лет спустя, уже после смерти Сергея Павловича, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель Марк Галлай писал, что кроме знаний и конструкторского таланта, не последнюю роль «играла очевидная для всех неугасающая эмоциональная и волевая заряженность Королева. Для него освоение космоса было не просто первым, но первым и единственным делом всей жизни. Делом, ради которого он не жалел ни себя, ни других...

И сочетание такой страстности однолюба с силой воли, подобной которой мне не пришлось встречать, пожалуй, ни в ком из известных мне людей... это сочетание влияло на окружающих так, что трудно им было, да и просто не хотелось что-нибудь ему противопоставлять... А бросавшаяся в глаза резкая манера обращения Королева с окружающими чаще всего была действительно не больше чем манерой. Во всяком случае, при всей своей склонности к тому, чтобы пошуметь, за воротами, без куска хлеба он ни одного человека не оставил и вообще неприятностей непоправимых никому не причинил...»

Месяц проскочил незаметно. Вроде бы и не состоял он из 26 рабочих дней, или 206 рабочих часов, как отмечали табельщицы в своих журналах. На самом деле рабочих часов было существенно больше. И в девять, и в десять вечера горел свет у проектантов. «Луна-3» постепенно вырисовывалась, согласовывалась, становилась похожей на космическую конструкцию. Наконец был готов чертеж: общий вид в натуральную величину. Сами проектанты залюбовались. Станция была красива. И не только с инженерных позиций, технически, конструктивно, но, я бы сказал, и с точки зрения эстетики, формы, композиции. Это детище было красивее всех своих предшественников и предшественниц.

— Ну и красавица!

Мы повернули головы на эти слова.

Бушуев, пришедший вместе с Тихонравовым в зал к проектантам, с явным удовольствием разглядывал чертеж.

— А что, Михаил Клавдиевич, я вижу Максимов компоновку закончил. Наверное, можно и Сергею Павловичу показать?

— Думаю, что теперь можно, Константин Давыдович,— согласился Тихонравов.

— Ну вот и хорошо. Я узнаю, как у него со временем и когда он сможет нас принять.

Королев принял нас часов в восемь вечера.

— Одну минуточку. Еще две бумажки. Вы пока «разворачивайтесь».

Глеб Юрьевич вынул из толстого алюминиевого тубуса — круглого футляра, в котором обычно хранятся чертежи, рулон ватмана с общим видом станции. Мы подвесили его, прицепив прищепками к тонкой стальной проволоке, натянутой вдоль одной из стен кабинета. Здесь всегда вешали плакаты, схемы и все, что нужно было для обстоятельного разговора. Сергей Павлович подошел к чертежу. Несколько минут стоял молча. Смотрел.

— Ишь, красота какая! Прямо японский фонарик, хоть сейчас на елку!

Повернулся к Бушуеву:

— Докладывайте!

Обсуждение продолжалось часа два. В заключение Сергей Павлович сказал, что через несколько дней предлагаемый проект будет рассмотрен в более широком составе, с приглашением всех главных конструкторов-смежников и ученых.

— Времени у нас остается очень мало. Эх! И что за жизнь? Всегда нам мало времени. Но зато не соскучишься. А?

В производстве началось изготовление. Это у пас. А сколько сложностей пришлось преодолеть в смежных организациях? Впервые создавалось фототелевизионное устройство для работы в условиях космического полета, впервые — система ориентации станции, впервые — солнечные батареи должны были обеспечивать электроэнергией все бортовые системы на все время полета...

Сборка. Завершающий этап в многообразном и сложном процессе рождения космического аппарата. Материализация мыслей, овеществление расчетов. Все, что изготавливалось на нашем предприятии и у смежников, в специальных ящиках и ящичках, обтянутых внутри бархатом, все закрепленное на пружинах-растяжках, привезенное, принесенное, прилетевшее к нам, порой даже не успевшее полежать на складских полках, занимало место на монтажных столах в цехе сборки.

Сборка. Бережные руки слесарей-сборщиков в белых перчатках. Уже и не вспоминались те дни, когда работали без белых халатов, без перчаток. Жесткий график торопил, подгонял. Опоздать, задержаться было нельзя. Никак нельзя: станции лететь 4 октября. Другой даты не было. Дорога была выбрана единственная и столь непростая, что лететь по ней только 4 октября в 1959 году. Получалось, словно сама природа, Вселенная, извечные законы движения небесных тел, определившие эту дату, сговорились отпраздновать двухлетнюю годовщину рождения космического первенца ПС — нашего первого спутника.

Несмотря на то что люди делали, казалось, невозможное, работая много больше положенного, забыв обо всем и обо всех, сборку в срок не закончили. Винить за это в общем-то было некого. Еще при составлении графика мы понимали, что он «волевой». Сроки работы в нем были указаны не те, которые были необходимы, а те, которые определялись только одним: «Так надо». Причем и это «так надо» для гарантии было еще урезано процентов на двадцать.

Так решил Сергей Павлович, исчеркав подготовленный мной проект графика своим любимым мягким синим карандашом. И, видимо, в назидание не разрешил перепечатать тот график на чистый лист, без исправлений. На злополучном же экземпляре, демонстрирующем мою незрелость, в левом верхнем углу написал: «Утверждаю. С. Королев». А устно добавил: «Вам понятно? За сроки отвечаете лично!»

Так или иначе, а каждый простой или сложный процесс, раз начавшись, в конце концов завершается. Сборку закончили. Должен признаться, что за день до этого «торжественного» момента у Главного конструктора состоялся не очень приятный разговор. Всем попало. Повод был ясен. Сроки не выдержали. Уж кто-кто, а Сергей Павлович такого срыва оставить без внимания не мог. Разговор был серьезный, как обычно, эмоционально насыщенный. Но что было делать? Несколько суток, необходимых для завершения всего объема подготовки станции, не хватило. Пора было перебираться на космодром. Испытания, не проведенные на заводе, решено было провести там. Это позволит наверстать потерянные дни.

На космодром мы вылетели вечером. В самолете все свои — ученые, инженеры, испытатели. Все те, с кем вместе проведены были последние дни и ночи на заводе.

О чем говорить? Все переговорено. Да и усталость давала себя знать. Через час после взлета почти все спали. Уснул и я. Как спал — не помню, но, наверное, как принято в таких случаях говорить, как убитый...

Ночь с 3-го на 4 октября выдалась прохладной. Особенно это чувствовалось на «козырьке» — самой стартовой площадке. Кругом все открыто, ветру раздолье. Я его как-то особенно ощущал. Последние дни страшно болели правое плечо, шея, рука. Мысль даже мелькнула: «Уж не ранение ли опять начинает сказываться?» Ходил к

медикам, сказали: воспаление нерва, принимать анальгин и держаться в тепле. Советы как раз для работы на «козырьке». Ходил из угла в угол, не зная куда засунуть руку, чтоб хоть немного утихла боль.

Сергей Павлович, очевидно, заметил. Подозвал:

— Ты что, старина? Расклеился? Это, брат, никуда не годится. Давай-ка в машину да отправляйся в гостиницу.

— До пуска никуда не поеду. От этого, как говорят, еще никто не умер. Потерплю.

— Ну смотри, смотри. Утром идет самолет домой. Здесь тебе больше все равно делать нечего. А дома дел куча. «Востоком» надо заниматься.

По тридцатиминутной готовности уехали мы с товарищами на наблюдательный пункт. И там не теплее. Согрело только волнение. «Готовность десять минут». Вроде и боль стала меньше. На горизонте стояла выхваченная из тьмы белая ракета. Стройная. Чистая. «Минутная готовность!» — донесло радио. Начало сердечко частить. Боли в те минуты я почему-то не ощущал, только кровь в висках билась. Вспышка, поначалу вроде робкая, но тут же всплеск света и глухое ворчание, лавинообразно перерастающее в раскатистый грохот. Пошла! И опять, как два года назад, все вокруг заливается слепящим светом, заполняется гулом. Ракета рвалась туда, ввысь, в бесконечный космос... Прошло несколько минут. Тишина. Почувствовал, что боль опять поползла по телу...

Утром я улетел в Москву. Больница. Рабочей информации, естественно, никакой. Помнил, что по программе рано утром 7 октября должно было начаться самое главное — фотографирование. Знал, как волнуются мои товарищи в Крыму, на приемном пункте. Нервничал здорово, должен признаться. А врачи говорили: «Покой, только покой!» Какой, к черту, покой! До покоя ли было? А что делать? Только ждать.

Шла вторая неделя, третья... Станции надо было, облетев Луну, еще вернуться в окрестности Земли,

и тогда... Наконец такое долгожданное сообщение: «Советская наука одержала новую блестящую победу. С борта межпланетной станции получены изображения недоступной до сих пор исследователям невидимой с Земли части Луны...»

Мое здоровье быстро пошло на поправку. Врачи были довольны, что прописанные процедуры столь эффективны. Я их не разубеждал. Из больницы, правда, удалось вырваться только после ноябрьских праздников...

Перед решающим стартом

Прошло несколько дней после возвращения на работу. По дороге из цеха в ОКБ завернул я в помещение парткома. Хотелось повидаться со старыми друзьями. Встретил меня Евгений Тумовский, старый мой товарищ. Он был уже избран секретарем парткома.

— Ну как жизнь, работа, товарищ парторг? — обменявшись приветствиями, спросил я его.

— Сам понимать должен. Не скучаем. Забот хватает. Ты вот, когда парторгом в ОКБ был, за пределы, так сказать, предприятия свою сферу деятельности не выносил, а тут...

И Тумовский рассказал мне о случае, который, как мне кажется, очень ярко характеризует Главного конструктора, нашего СП.

Зашел как-то в партком секретарь комитета комсомола и рассказал, что райком ВЛКСМ поручил нашей комсомольской организации шефство над одним детдомом. Детишки там — круглые сироты от трех до шести лет. Живут они в двух деревянных двухэтажных домах без канализации и водопровода, участок двора совершенно не оборудован, даже зелени никакой нет. Конечно, вопрос с канализацией и водопроводом нашим комсомольцам решить не по силам, но делать что-то надо. Евгений Алек-

сандрович посоветовал комсorghу с утра, до пачала работы, поймать Сергея Павловича в приемной и рассказать ему об этих детишках.

На следующий день Королев позвонил в партком и предложил парторгу вместе с ним выехать в тот детский дом. Взяли они с собой и специалистов по коммунальным вопросам.

— Приехали мы на трех легковых машинах, — рассказывал Тумовский. — Стоят как-то сиротливо эти два деревянных домика, видимо еще до революции построенные. Вышли из машин. Идет нам навстречу худая еысокая женщина, как оказалось, директор детдома. «Ну что, повые шефы, новые знакомства, а будет ли толк?» — проговорила со вздохом. Сергей Павлович ответил ей тихо, но твердо: «Мы хотим осмотреть ваши помещения». Осмотрели все, вышли во двор, и Королев говорит своему заму по хозяйственным делам: «Определите стоимость водопровода, забора вокруг дома и узнайте, как сделать капитализацию».

Во время этого разговора распахнулись двери, и детвора выбежала во двор. Осмотрелись ребята, стали к нам подходить. Один мальчонка подошел почти вплотную и внимательно следил, как Королев руками показывал своему заму, где и что на площадке надо сделать. Ты знаешь, я как-то машинально погладил по голове этого мальчугана, он вдруг замер, бросился ко мне и прижался к ноге. И тут же, заметив, что ко мне подходят еще двое малышей, он вытянул ручонку и говорит: «Мой дядя, мой!» Ты знаешь, это произошло так неожиданно, комок подкатил к горлу. Я поднял глаза и увидел лицо Сергея Павловича. У него по щекам текли слезы...

— Ну а дальше-то что? — спросил я, видя, что Евгений до сих пор без волнения не может говорить о том случае.

— Дальше? А дальше вот что. Когда в машине ехали обратно, с нами сел и наш председатель завкома. Королев сказал: «Капитальный ремонт мы проведем, но мне

хочется этих детишек одеть как следует — каждому по цигейковой шубке, шапке и валенки новые. Обращусь к министру, попрошу у него тысяч восемь. Как вы думаете, откажет?» — «Вам, Сергей Павлович, не откажет», — ответили мы...

Прошло время, и Евгений Александрович рассказал мне, чем вся эта эпопея закончилась. Вел он одно из заседаний парткома, шел острый разговор. Вдруг в момент выступления Сергея Павловича открывается дверь. Королев недовольно покосился, но тут же улыбнулся. В кабинет подталкиваемые сзади директором детдома вошли детишки. Они были одеты в черненькие цигейковые шубки и шапки. Ребята поздравили нас, поблагодарили за заботу и ушли...

— Зайдите-ка срочно ко мне! — Сергей Павлович произнес эти слова по телефону с какой-то непривычной для рабочей обстановки теплотой.

Через несколько минут я вошел в его кабинет. Он был один.

— Ну вот, старина, еще один год нашей жизни прошел. Завтра Новый год. Поздравляю тебя. С наступающим!

Главный, приветливо улыбаясь, вышел из-за стола, крепко пожал руку, взял из стопки книгу в голубом переплете, протянул мне: «Первые фотографии обратной стороны Луны». Не удержавшись, я открыл переплет. На титульном листе, в правом нижнем углу, наискось крупным энергичным почерком: мои имя, отчество, фамилия и «На добрую память о совместной работе. 31.XII—59 г. С. Королев».

— Подожди минутку... — Сергей Павлович вышел в маленькую комнату за кабинетом. Через минуту вернулся. В руках две бутылки, по форме — винные, завернутые в мягкую цветную бумагу.

— А это тебе к новогоднему столу!

— Сергей Павлович, что это? — недоуменно пробормотал я.

— А ничего особенного! В Париже какой-то винодел в своей компании пари держал, что поставит тысячу бутылок тому, кто когда-нибудь на обратную сторону Луны заглянет. Недели две назад в Москву, в академию, посылка из Франции пришла. Ровно тысяча бутылок. Програл мусье! Так что, тысяча не тысяча, а две бутылки твои. С Новым годом!

...Память о тех днях сохранила все. И если «прокручивать», как киноленту, события тех лет, не будет пропущен ни один кадр.

— Зайдите немедленно ко мне! — эти слова Сергея Павловича по диспетчерскому циркуляру многих руководителей в тот день сорвали с рабочих мест. Сергей Павлович был в черном костюме, с золотой звездочкой. Значит, приехал с совещания «в верхах».

— Товарищи! Я только что вернулся из Центрального Комитета партии. Докладывал о возможности создания космического аппарата для полета человека в космос. Вы прекрасно знаете, что в принципе имеются условия и средства, необходимые для того, чтобы пилот-исследователь мог совершить космический полет. Но следует предварительно накопить опыт по запуску таких аппаратов и благополучному спуску их на Землю. Нужно надежно отработать, и не один раз, всю сложнейшую технику этого дела. От нас ждут решения этой задачи. Мы не можем обмануть надежды советских людей. Я прошу всех вас самым тщательным образом обдумать, как лучше организовать работу на каждом участке, на каждом рабочем месте и в ОКБ, и на заводе...

Несколько месяцев шло обсуждение возможных вариантов космического корабля. Делать ли аппарат для полета

человека на ракете, а потом спутник Земли, или сразу делать спутник Земли с человеком? Каким должен быть спутник Земли для полета человека? Какова форма спускаемого аппарата?

Был еще конкурирующий проект автоматического спутника, которому надлежало решать сложные задачи, и конкурирующая группа проектантов доказывала, что «интересы Отечества требуют создания в первую очередь именно их аппарата, а спутник для полета с человеком все равно быстро не сделать, успеем как-нибудь потом». И они были определенным образом тоже правы. «Сражения» в ОКБ (ожесточенные!) шли на протяжении нескольких месяцев с привлечением главных конструкторов и других специалистов ведущих организаций, которые должны были участвовать в этих работах.

А почему, собственно, спутник? Ведь в космос можно подняться и вертикально, не выходя на орбиту, можно совершить полет по баллистической кривой. И высота будет большой, и условия невесомости... Можно. Были сторонники и такого способа решения задачи, и немало было таких.

Как-то Сергей Павлович вошел в кабинет начальника проектного отдела Михаила Клавдиевича Тихонравова, как всегда, быстро и энергично поздоровался, снял пальто, повесил шляпу на изогнутый рог вешалки.

— Ну-ка, друзья мои, показывайте, на чем вы остановились? Понимаете ли вы, что больше ждать нельзя, сколько же можно играть в варианты?

Несколько проектантов, Евгений Федорович Рязанов — заместитель Тихонравова, Константин Петрович Феоктистов, возглавлявший группу сторонников пилотируемого корабля-спутника, еще три-четыре инженера, специально приглашенные для этого разговора с Главным, молчали.

Королев умел устраивать дискуссии по особо сложным вопросам, умел подводить людей к нужному решению.

И получалось так, что его мысли становились коллективным решением, родившимся в процессе дискуссии.

Через три часа решение было принято. Уже надевая пальто, Сергей Павлович повернулся к нам:

— В Центральном Комитете очень интересуются нашей работой. Секретарь ЦК сказал, что на днях заедет посмотреть, как идут дела. Так что теперь держитесь! — и, кивнув нам, он вышел из кабинета.

То, что было решено на этом совещании у Михаила Клавдиевича, стало предметом рассмотрения на Совете главных конструкторов, одобрено им и стало руководством к действию.

Тяжелые корабли-спутники проектировались для орбитального полета с человеком на борту. Но можно ли было на первом лететь человеку? Конечно нет. Космическая техника развивалась не по авиационному пути. В авиации с годами установился порядок, при котором каждый новый самолет после всевозможных испытаний на земле передавался в руки летчиков-испытателей, которые все свое умение и опыт вкладывали в отработку, доводку самолета, изучая его поведение в условиях полета. Но никто из людей еще не поднимался в космическое пространство, никто не испытал на себе длительного воздействия невесомости, никто не только не летал на космическом корабле, но и не видел его!

Кто мог сказать, сумеет ли человек, каким бы он ни был сильным и опытным, проявить свои способности и выучку, оказавшись один на один с космосом? Никто. Корабль, все его системы, конструкции, все-все — до последней детали, до последнего винтика — должно было быть отработано, проверено, испытано и на земле, и в космическом пространстве еще до того, как человек займет место пилота в таком летательном аппарате.

Космический корабль в полете в условиях невесомости, когда нет понятий «верх» и «низ», нет поддерживающей среды — ни тверди, ни воздуха, при скорости полета

28 тысяч километров в час должен «понимать» свое положение в пространстве, а «поняв», уметь изменять его так, как захотят его создатели.

Для этого нужна была система ориентации в пространстве.

При выведении на орбиту необходимую скорость, первую космическую, кораблю сообщит ракета-носитель. А что делать при спуске к Земле? Вернее, для спуска? Первое, естественно, это притормозиться, уменьшить скорость, чтобы под воздействием притяжения вернуться на Землю. В качестве тормоза в космическом пространстве можно использовать только ракетные двигатели. Их называли ТДУ — тормозные двигательные установки. Замечательные люди создали ТДУ. Замечательный человек руководил коллективом конструкторов, производителей, испытателей-огневи́ков. Ракетный двигатель — это всегда огонь, всегда пламя. Стихия. Но стихия, подчиненная воле человека. Главным конструктором ТДУ был Алексей Михайлович Исаев.

Как-то, уже после полета Юрия Гагарина, на одном из больших правительственных приемов Сергей Павлович, с доброй улыбкой представляя Алексея Михайловича кому-то из руководства, сказал: «А это Исаев, который «тормозит» все наше дело».

Они были очень разные — Королев и Исаев. По-разному жили, по-разному работали, но одинаково относились к делу. Исаев никогда не давил, не кричал, хотя и был взрывным. Терпеть не мог расхлябанности. Считал, что за дело должны отвечать каждый и все. Спрашивал с подчиненных строго, но перед начальством любую вину брал на себя.

На совещаниях Исаев выступал редко. Обычно говорил тихо, но твердо: «Сделаем». Был человеком принципиальным и не боялся сказать прямо в лицо людям, даже весьма влиятельным, неліцеприятное, если так ду́мал.

Космический корабль. На что он был похож? Да, пожалуй, только на себя, на то, что было нарисовано на компоновочном чертеже у проектантов. Первый корабль, который был сделан и подготовлен к пуску, не предназначался для полета по полной программе. Его спускаемому аппарату возвращаться на Землю не предстояло. Это была в какой-то степени предосторожность на случай отказа или системы ориентации, или ТДУ. Ведь и то и другое не могло быть полностью проверено в наземных условиях.

Закончились испытания на заводе. Далее космодром: стыковка с ракетой, вывоз на старт, предстартовые испытания, заправка ракеты топливом и старт. 16 мая 1960 года радио и газеты сообщили:

«В течение последних лет в Советском Союзе проводятся научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по подготовке полета человека в космическое пространство... 15 мая 1960 г. в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля на орбиту спутника Земли. По полученным данным, корабль-спутник в соответствии с расчетом был выведен на орбиту, близкую к круговой, с высотой около 320 км от поверхности Земли, после чего отделился от последней ступени ракеты-носителя... Вес корабля-спутника без последней ступени ракеты-носителя составляет 4 т 540 кг. На борту корабля-спутника установлена герметическая кабина с грузом, имитирующим вес человека, и со всем необходимым оборудованием для будущего полета человека и, кроме того, различная аппаратура, вес которой с источниками питания составляет 1477 кг...

По получении с корабля-спутника необходимых данных будет осуществлено отделение от него герметической кабины весом около 2,5 т. В данном запуске возвращение на Землю герметической кабины не предусматривается, и кабина после проверки надежности ее функционирования и отделения от корабля-спутника, как и сам корабль-

спутник, по команде с Земли начнут спуск и прекратят свое существование при вхождении в плотные слои атмосферы...»

Полученные с борта корабля сведения подтвердили: вся аппаратура работает нормально. Прошло трое суток. Близился завершающий этап — снижение, сход корабля с орбиты. Вот здесь и должны были «сказать свое слово» и система ориентации, и ТДУ. Тормозная двигательная установка сработала нормально, а система ориентации подвела. Она не смогла правильно сориентировать корабль перед включением ТДУ, причем ошиблась чуть ли не на 180 градусов! Короче, вместо торможения корабль разогнался и перешел на более высокую орбиту.

Возвращались мы домой вместе с Сергеем Павловичем, вспоминал как-то в разговоре его заместитель Константин Давыдович Бушуев. Не доезжая примерно квартала до дома, он предложил пройтись пешком. Было раннее утро. Мы медленно шли по тротуару. Сергей Павлович возбужденно, даже с восторженным удивлением продолжал говорить о ночной работе. Я что-то поначалу не очень понимал его восторгов: работа-то была неудачной, корабль к Земле вернуть не удалось. А он без всяких признаков огорчения увлеченно рассуждал о том, что это первый опыт маневрирования в космосе, переход с одной орбиты на другую. «Надо овладеть техникой маневрирования, это же имеет большое значение для будущего! А спускаться на Землю, когда надо и куда надо, наши корабли будут, как миленькие будут. В следующий раз посадим обязательно».

И действительно, полет следующего космического корабля был удачным. Это был полет корабля со Стрелкой и Белкой на борту — первыми живыми существами, побывавшими в космическом пространстве в орбитальном полете и вернувшимися на Землю.

Ракетно-космическая техника впервые готовилась принять на борт человека. Принципиально возможность такого полета была обоснована. Теперь все зависело от надеж-

ности ракеты-носителя и самого корабля. А о том, что на это необходимо обратить самое серьезное внимание, предупреждали неудачи при первом запуске тяжелого корабля-спутника с двумя собаками на борту.

Это случилось до полета Стрелки и Белки в 1960 году. Ракета и корабль были тщательно проверены, испытаны. Мы, на нашем «верхнем мостике», провели все необходимые операции по установке кабины с животными, тщательно закрыли люк. Спустились вниз. Тридцатиминутная готовность. Я подошел к Сергею Павловичу и попросил разрешения быть при старте в бункере управления. Он с недоумением посмотрел на меня и вполголоса произнес:

— Ну что ты с таким вопросом лезешь ко мне?

Через несколько минут я был на месте. Смотрел, как работают «пусковики» — команда, управляющая пуском ракеты. По коридору быстро прошли Королев, его заместитель по испытаниям Леонид Александрович Воскресенский. И почти тут же из репродукторов команда: «Минутная готовность!» Потом еще несколько команд подготовительных, и быстро, одна за другой: «Предварительная»... «Главная»... «Подъем». Погасли транспаранты на пультах. Голос хронометриста начал отсчет секунд. Ракета пошла.

У перископа Воскресенский. Сергей Павлович чуть в стороне, за маленьким столиком. И минуты не прошло, как Воскресенский резко повернул перископ влево, потом вправо и сквозь зубы негромко произнес:

— Авария... Отстала боковуха...

Это один из блоков первой ступени ракеты. Сергей Павлович побледнел, желваки заходили по скулам.

Через толщу земли и бетона донеслись глухие взрывы. Минут через пять все вышли наверх. Километрах в трех от стартовой позиции — черные клубы дыма.

Сердце сдавил спазм. Ведь все то, что еще несколько минут назад стояло рядом, во что были вложены все силы, вся энергия, чему была отдана вся душа, — все это у нас на глазах пожирал огонь.

Совершенно убитыми вернулись мы в гостиницу. Не успел я дойти до комнаты, как меня догнал дежурный.

— Срочно к Королеву! Он в своем домике.

Поднялся на маленькое крылечко, потихоньку открыл дверь. Прихожая, за ней вторая дверь. Открываю ее.

— Можно?

— Да. Заходите.

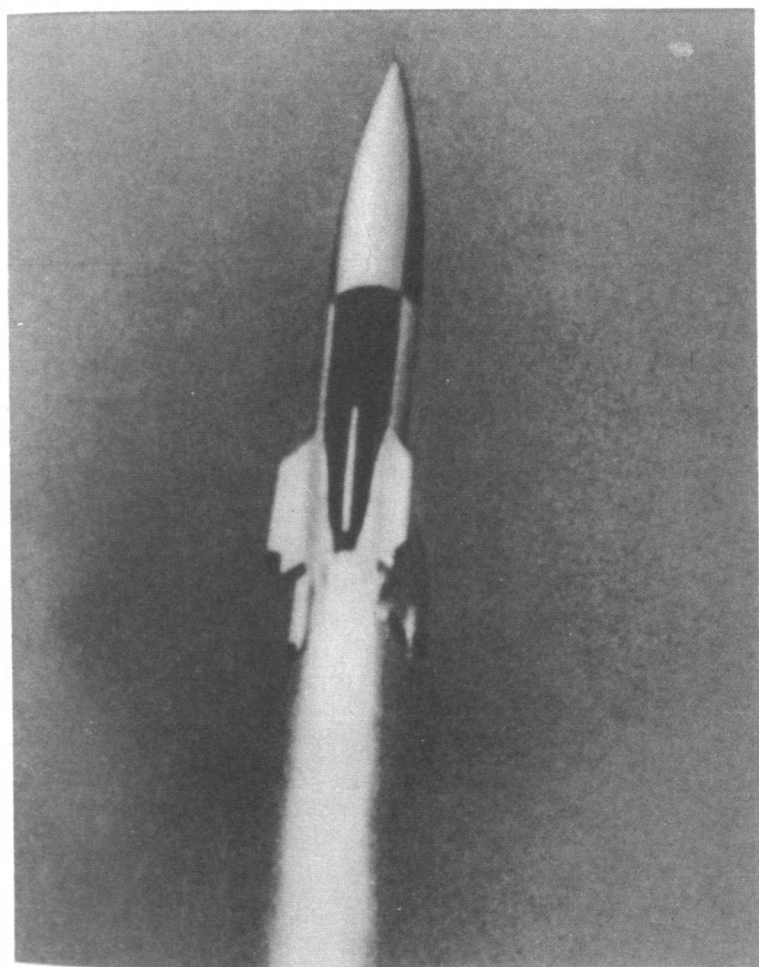
В комнате Сергей Павлович, Валентин Петрович Глушко, Николай Алексеевич Пилюгин, Алексей Михайлович Исаев, еще несколько главных конструкторов. Телеметристы сворачивали разложенные на столе ленты регистрации параметров ракеты. Сергей Павлович, видимо, заканчивал разговор:

— Нет, нет и нет! Случайностей быть не должно! Не может быть. И не пытайтесь меня убедить. Теория вероятностей... Мы эту теорию уважаем, но не в таком, простите, виде. Мы должны ответственнее готовить ракету и корабли. Вся группа остается здесь. Новый корабль и ракета будут на космодроме через несколько дней. Вы поняли, что я говорю?

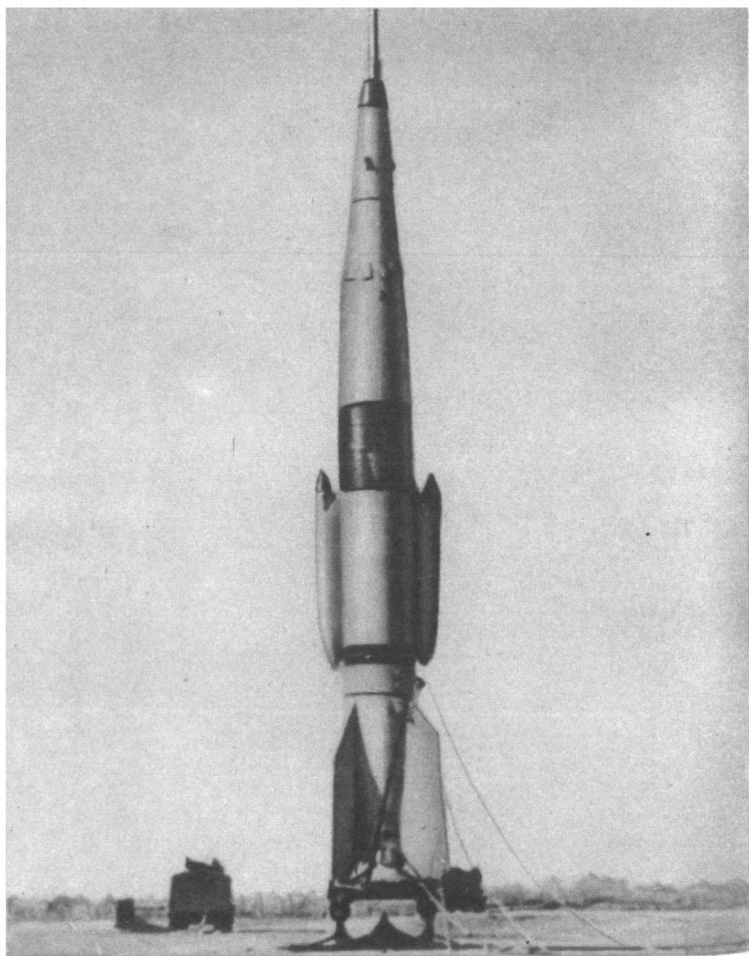
А в декабре — опять авария. Третий космический корабль с собаками на борту был выведен на орбиту нормально, но спуск к Земле произошел не по расчетной траектории...

Это были большие неудачи. Можно понять, как воспринимал их Королев. По натуре он был человеком, жаждущим как можно скорее положительных результатов. Однако в экспериментальной работе он был терпелив и дотошен. Требовал тщательного доведения всех систем и агрегатов, их безотказной работы.

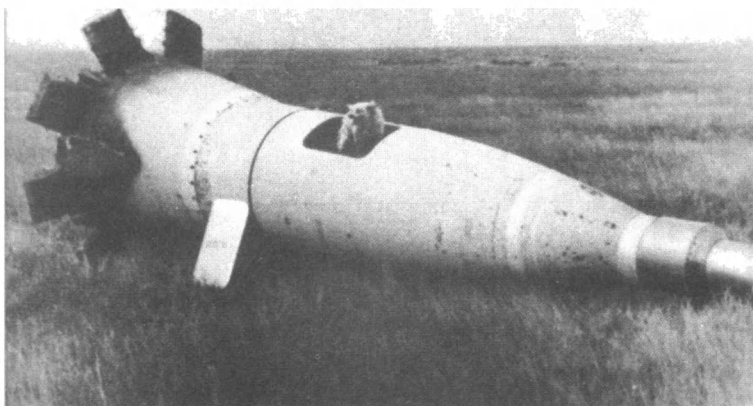
В тяжелых обстоятельствах особенно ярко проявлялась его железная воля. За многие годы мне ни разу не пришлось видеть его растерянным или удрученным. Упорство и стальная воля, помноженные на знания и логику, руководили им. Но давалось все это, вероятно, нелегко. Наверное, оставаясь наедине с собой в маленьком домике на кос-

В полете «единичка».
Запуск первой советской баллистической ракеты.

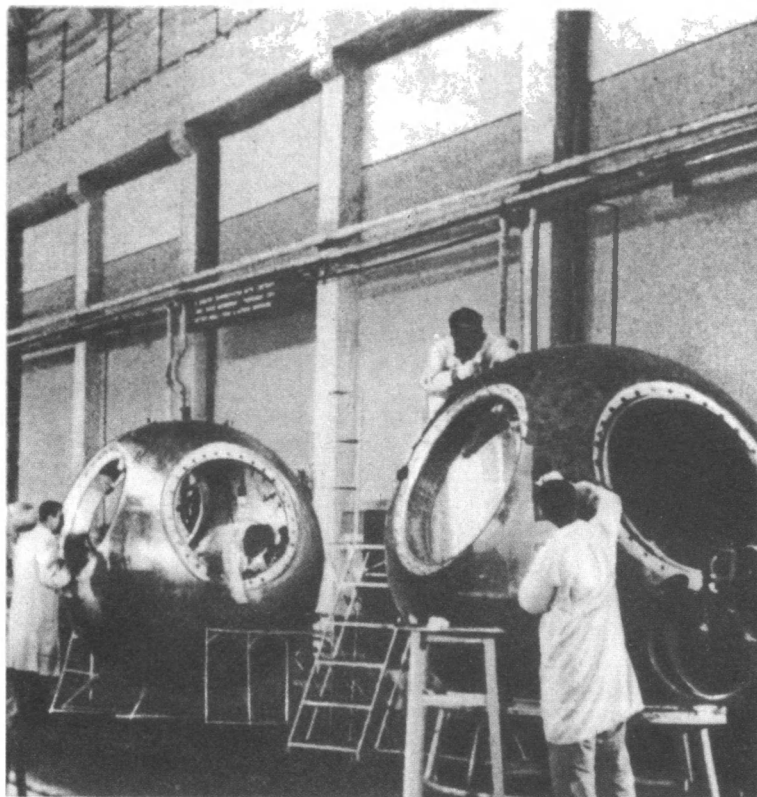
Геофизическая ракета на старте.

Головная часть
геофизической ракеты
с «пассажиром»
после приземления.

Лайка —
первое живое существо,
побывавшее в космосе,
1957 г.

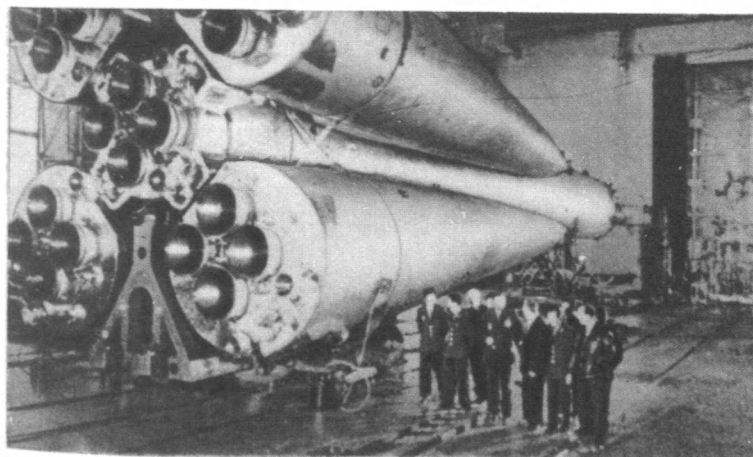

В цехе главной сборки.

Ю. Гагарин, апрель 1961 г.

Будущие космонавты знакомятся с кораблем «Восток»,
апрель 1961 г.

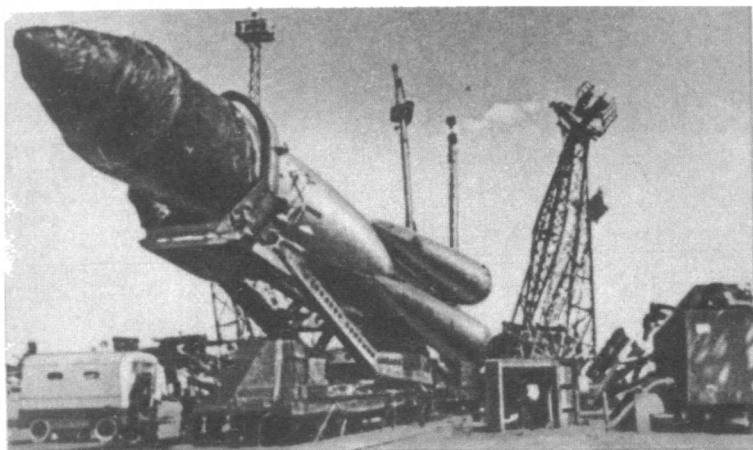

Один из них станет первым космонавтом планеты.
Ю. Гагарин, Г. Титов, Г. Нелюбов, 1961 г.

Заседание Государственной комиссии.
Докладывает С. П. Королев, апрель 1961 г.

Вывоз ракеты-носителя на стартовую позицию.

Объятия перед стартом. Ю. Гагарин и А. Николаев.

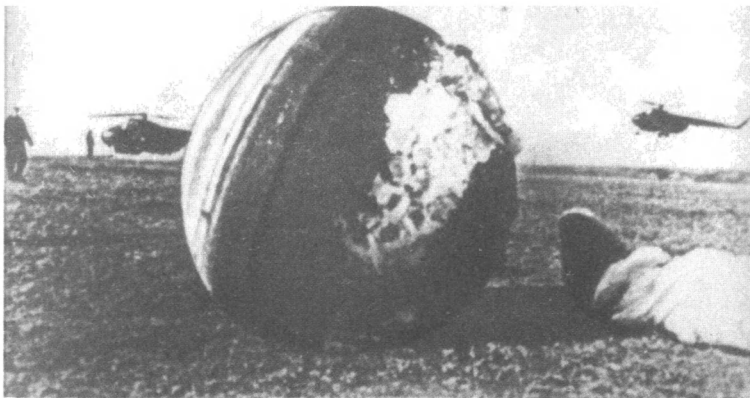
«Восхождение»
к кабине корабля.
Ю. Гагарина
сопровожают
О. Ивановский
и Ф. Востоков.

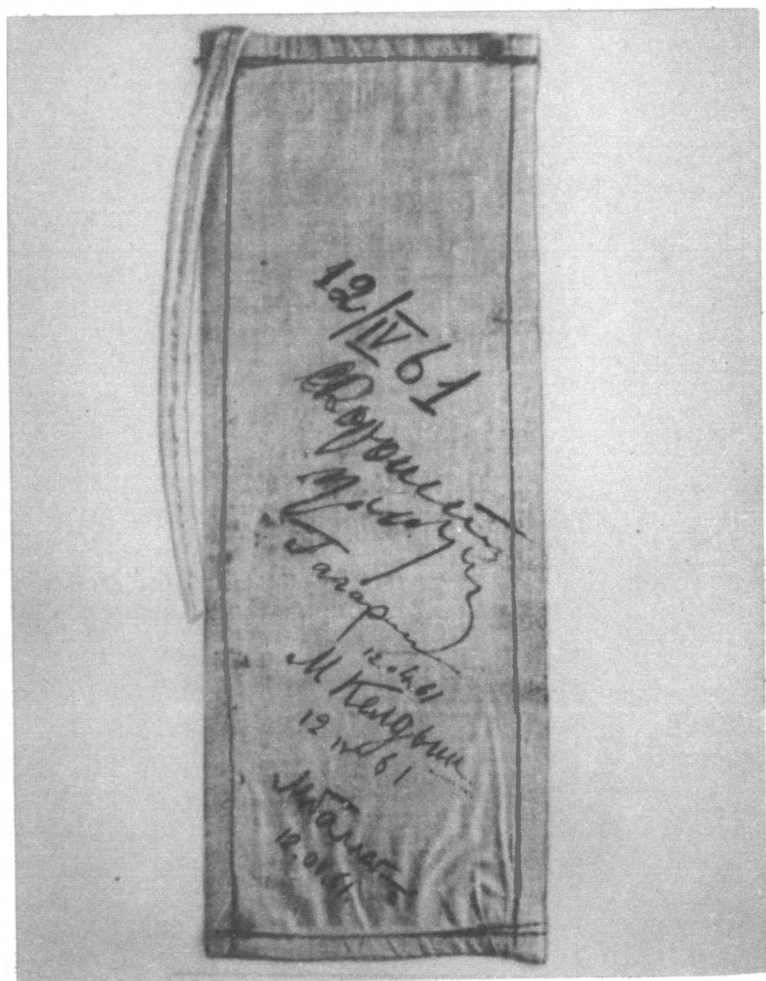
Ю. Гагарин.

Спускаемый аппарат «Востока» после приземления.

Место посадки Ю. Гагарина.

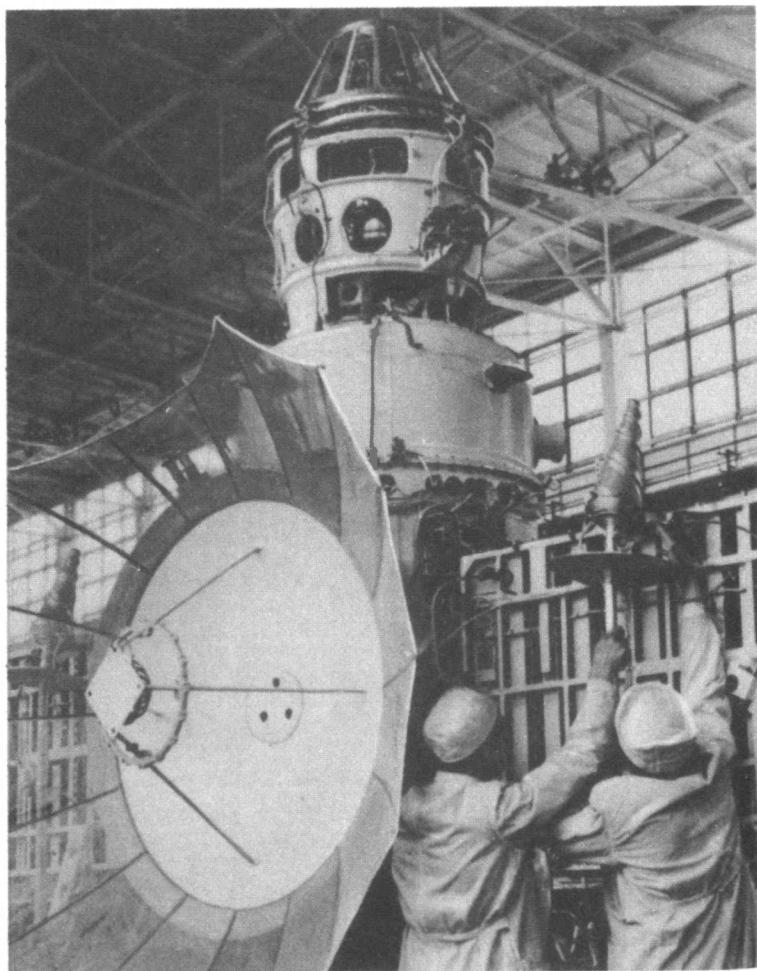

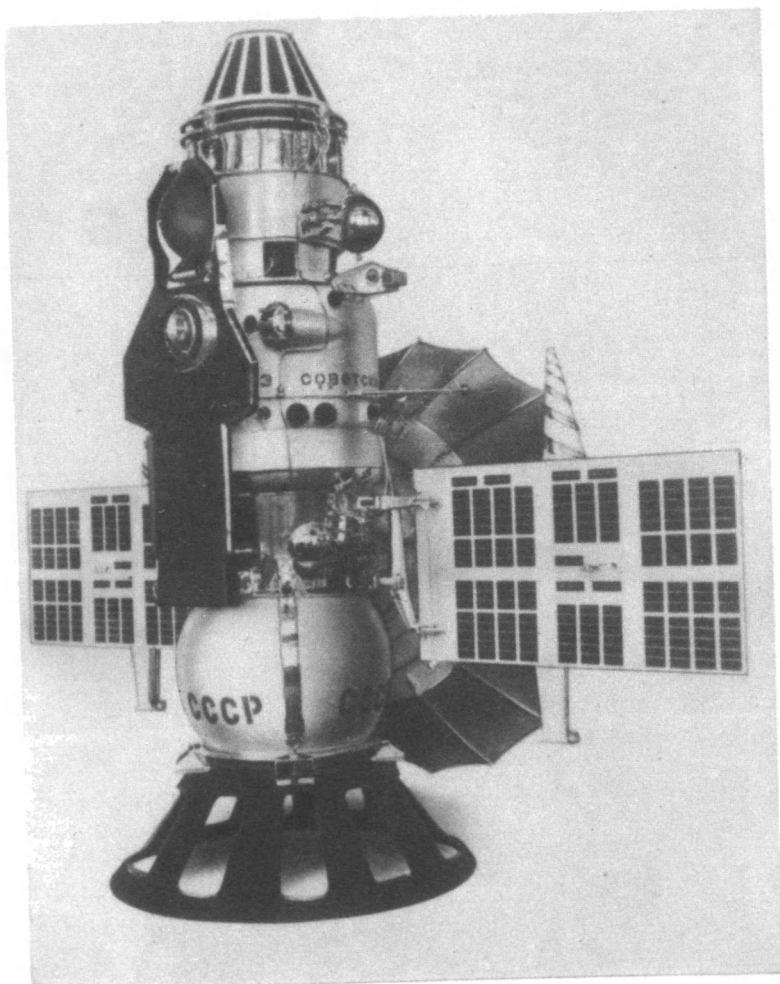
Автографы на нарукавной повязке О. Ивановского,
сделанные 12 апреля 1961 г.

Н. П. Каманин, С. П. Королев, В. И. Яздовский.

Станция «Венера-4» на космодроме.

Станция «Венера-7».

**Г. Н. Бабакин (слева) и Ю. К. Ходарев
в Центре дальней космической связи.**

модроме, в рабочем кабинете в конструкторском бюро или дома, он бывал другим. Но мы этого не видели. Другим Главного мы не знали.

Отработка, проверка, испытания и еще раз испытания стали непреложным законом нашей работы. Естественно, мы стремились использовать богатый опыт и авиационной техники, недаром Сергей Павлович пригласил принять участие в наших работах опытейших летчиков-испытателей. Однако ракета — не самолет! Обнаружив неисправность при выходе на орбиту, не посадишь взлетевшую ракету на космодром. Уже первые космические корабли создавались не для испытаний и доводки их в космическом пространстве, а для гарантированного успешного полета человека. Техника должна была «принять в свои руки» человека, а не человек технику.

В новом светлом и чистом, как операционная, цехе главной сборки вдоль стен, на блестящем полу — ажурные подставки. На них — легкие, серебристые полуоболочки приборных отсеков. На подставках пониже шершавятся теплозащитным покрытием массивные коричневые шары — спускаемые аппараты. В каждом шаре по три метровых круглых люка. Один — основной, для входа и выхода космонавта. Второй — парашютный. Третий — технологический, для установки оборудования.

Человек десять монтажников в белых халатах у отсеков и шаров. Первая смена ведет сборку. Чуть в стороне на высокой подставке с кольцевым помостом уже собранный корабль. Недалеко от входа в цех группа конструкторов и рабочих обступила большой темно-зеленый ящик, только что опущенный краном на расстеленный брезент. Подошел ведущий конструктор смежного завода — Федор Анатольевич Востоков. Мы с ним знакомы были уже не первый год, готовили к полету Стрелку с Белкой. Востоков наклонился к ящику. Щелкнули замки-лягушки на крыш-

ке. В ящике, выклеенном внутри поролоном, серебристо-матово в свете ламп переливалось... кресло космонавта.

Казалось бы, что особенного было в том, что по графику в этот самый день и час Федор Анатольевич привез со смежного завода это «изделие»? Но как-то особенно ясно в тот момент я почувствовал — приближается день, о котором мы мечтали все эти годы. Корабль должен вынести на орбиту человека.

В тот день по плану намечалась примерка кресла в спускаемом аппарате. Только я собрался дать команду о подготовке к этой самой примерке, как по цеху из репродукторов громкой связи гулко разнеслось: «Ведущего конструктора к телефону в кабинет начальника цеха! Повторяю...» Повторения я дожидаться не стал. Если объявление по «громкой», значит, что-то важное. Беру трубку.

— Кто говорит?.. Здравствуйте. Как у вас дела? Привезли кресло?

Я ответил, что все в порядке, корабль готов, кресло в цехе, сейчас начнем примерку.

— Нет, сейчас этого делать не надо. Подождите. Я приеду через несколько минут. И учтите, не один приеду, а с «хозяевами». Да-да, с «хозяевами», — со значением повторил Главный. — Вы поняли меня? И чтобы не было лишнего шума!

В трубке шелкнуло, раздались гудки. Я стоял и никак не мог сообразить, куда ее положить. Подоспевший к тому моменту начальник цеха поинтересовался, что это со мной произошло.

— Люди! Сейчас с Сергеем Павловичем приедут... Люди! Ты понял меня?

Минут через десять в дверях цеха появилась группа. Впереди, в белом халате внакидку, Сергей Павлович. Но на этот раз все смотрели не на него, а на молодых людей, шедших рядом с ним и с интересом осматривавшихся по сторонам.

Теперь нет нужды описывать внешность пришедших тогда и мало кому известных Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валерия Быковского, Григория Нелюбова. Да, это была первая «боевая» шестерка из двух десятков первого отряда космонавтов. Но в этой шестерке еще не было лидера, не было первого. Гагарин был только одним из первых.

О пятерых из них уже столько написано, что нового и не расскажешь. А вот несколько слов о шестом — о Григории Нелюбове, который был вторым, вслед за Германом Титовым, дублером Гагарина, сказать, думаю, следует.

Я не занимался исследованием биографии и судьбы этого человека и не беру на себя смелость делать это сейчас. В 1986 году известный журналист и писатель Ярослав Голованов опубликовал книгу «Космонавт № 1», содержание которой метко названо комментаторами как «неизвестное о известном». Книга эта — документальный рассказ об организации, жизни и тренировках первого гагаринского отряда космонавтов. Голованов писал о Нелюбове так:

«Стать первым очень хотелось Григорию Нелюбову. И может быть, именно эта откровенная жажда лидерства мешала ему им стать. Судя по воспоминаниям свидетелей всех этих событий, Нелюбов был человеком незаурядным. Хороший летчик, спортсмен, он выделялся и своим общим кругозором, удивительной живостью, быстротой реакции, природным обаянием... Однако психологи отмечали в нем постоянное желание быть центром всеобщего внимания, эгоцентризм, который мешал ему соотносить личные интересы с интересами дела».

Вместе с Гагариным и Титовым он ехал на старт в том же автобусе и провожал Юрия до самой ракеты... Но потом случилось так, что за проступок по приказу Каманина Григорий Нелюбов был отчислен из отряда космонавтов и направлен в одну из частей ВВС на Дальний Восток.

В 1966 году он был сбит проходящим поездом. Так нелепо и трагически оборвалась жизнь одного из первой шестерки...

Сергей Павлович подошел к кораблю. Вокруг него тесным кружком сомкнулись пришедшие. Чуть в стороне — начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов. Я подошел к нему:

— Здравствуй, здравствуй, ведущий! Что-то не узнаешь старых друзей...

— Прости ради бога, на ребят твоих засмотрелся.

— Понимаю, понимаю. Но только ты имей в виду — они не «сверхчеловеки». Обыкновенные парни. В этом ты скоро убедишься. Ты знаешь, перед приездом в цех мы у Сергея Павловича были. Он решил вначале с глазу на глаз с ребятами поговорить. Интереснейший разговор, должен сказать, получился. Он и о ближайших задачах, и о завтрашнем дне космонавтики говорил. О космических кораблях, которые будут собираться на орбите, об орбитальных станциях. И о полетах к планетам. Ребята, затаив дыхание, слушали. Ты знаешь, что он им сказал? «До войны ученые считали, что не хватит одной жизни, чтобы пробиться к звездам. А вот начиная с пятидесятих годов стало ясно: этот путь будет открыт в ближайшее десятилетие. И вот видите — мы не ошиблись». Так и сказал. А потом добавил: «Давайте помечтаем, я, знаете ли, люблю мечтать. Без этого я не представляю своей работы...»

Королев минут пятнадцать рассказывал будущим космонавтам устройство корабля. Потом поманил меня пальцем. Я подошел.

— Вот ведущий конструктор кораблей. Я сейчас ненадолго вас покину, а он продолжит рассказ о системах корабля. Я не прощаюсь.

И Главный, взяв под руку Карпова, пошел по пролету цеха. Вернулись они минут через десять.

— Ну, не устали еще товарищи? За один раз корабль не изучить. Мы организуем специальные занятия. И не

думайте, пожалуйста, что мы так просто вам все будем рассказывать.— Главный лукаво улыбнулся.— Мы потом у вас экзамен примем, так, Евгений Анатольевич?

— Конечно, Сергей Павлович,— подтвердил Карпов.

— Вот то-то. Так что смотрите, кто будет плохо заниматься, в космос не полетит...

— Простите, Сергей Павлович, а отметки нам будут ставить? — этот вопрос, улыбнувшись, задал небольшого роста старший лейтенант с приветливым, открытым лицом.

— А вы как думали, Юрий Алексеевич? Обязательно будем. Вот закатим вам двойку, тогда не будете улыбаться! — продолжая шутить, ответил Главный.— А сейчас, я думаю, никто из вас не откажется посидеть в корабле. Давайте отойдем на минутку, товарищи поставят кресло в каabinу.

Через несколько минут на верхний помост площадки поднялся тот самый старший лейтенант, которого Королев назвал Юрием Алексеевичем. Он снял тужурку, ботинки и, осмотревшись, ловко подтянулся на руках, держась за кромку люка, опустился в кресло. Молча, сосредоточенно, серьезно.

Думал ли он в тот момент, что ему придется почти так же, только уже в скафандре, первым садиться в легендарный «Восток»?..

В окончательной подготовке гагаринского «Востока» на заводе я участия не принимал. С февраля с группой испытателей я был на космодроме. Мы готовили к полету два корабля с манекенами на местах будущих пилотов.

Но манекен в настоящем скафандре и со всем пужным оборудованием был не единственным «космонавтом» на корабле. Чтобы ему «не было скучно», за компанию с ними должны были лететь собаки. На первом — Чернушка, на втором — Звездочка. В отличие от Стрелки

и Белки, они не располагали отдельной герметичной кабиной с питанием, регенерационной установкой и индивидуальной вентиляцией. Собачек помещали в простую клеточку, которая устанавливалась вместо «космического гастронома» — маленького шкафчика с продуктами питания для космонавта.

Подобное ущемление собачьего достоинства было допустимо, поскольку полет должен был продолжаться не сутки, а всего около ста минут. Один виток вокруг Земли.

Пуск был назначен на 9 марта. Генеральные испытания на старте прошли без замечаний. Посоветовавшись с заместителем Королева, мы решили перед установкой в кабину корабля клетки с Чернушкой отрепетировать в реальных стартовых условиях закрытие крышки люка. Кто его знает, может быть, такой опыт и пригодится. Десять раз открыть и закрыть люк! Начали. Я с секундомером наблюдал, как наши монтажники это делали. Опыт — вещь великая. С каждым разом все меньше и меньше времени затрачивалось на эту операцию. Еще разок! Еще! Посмотрел вниз — подошла «Волга» Главного. Сергей Павлович махнул мне рукой. Я спустился, подошел к нему.

— Что делаете?

Я доложил.

— А нельзя ли быстрее? — И, не ожидая ответа, добавил: — Что-то медики задерживаются. Почему они до сих пор Чернушку не привезли? Узнай, в чем там дело?

Дежурный ответил, что машина с «медициной» вышла на старт три минуты назад. Не успел я подойти к ракете, как из-за поворота дороги показался «газик», и через минуту на руках лаборанта клетка с Чернушкой поехала на лифте вверх. Минут через десять, устроив свою подопечную, медики спустились. Теперь Федору Анатольевичу Востокову положено было в последний раз осмотреть свое «хозяйство»: кресло с манекеном, скафандр, все пиротехнические устройства, парашюты.

Востоков со своими товарищами поднялся наверх, к кораблю. Зная по опыту, что возиться им не меньше двадцати минут, я решил «перекурить» эту паузу. Но не успел я отойти к курилке, как лифт стремительно понесся вниз. Выскочил из него красный от ярости Федор Анатольевич и, налетев на меня, выдал такую витиеватую и труднопроизводимую тираду, что у меня, прошедшего школу кавалерийской словесности, и то перехватило дыхание. Понял только одно: кто-то жулик, кто-то бандит, те и другие мои любимцы, он этого так не оставит и сейчас же доложит Королеву и председателю Государственной комиссии. Я уж и впрямь подумал, что случилось что-то ужасное: ну, по меньшей мере, украли манекен вместе с креслом.

Дыхание у Востокова больше не хватило, он умолк. Мне удалось в этот момент задать несколько уточняющих вопросов.

— Нет, ты понимаешь, — кипятился он, — что творит эта медицина! Ты думаешь, они только Чернушку сажали, да?

— А что же еще?

— Они самовольно, — он опять начал захлебываться, — да-да, самовольно открыли шлем у скафандра на манекене и напихали туда каких-то пакетиков! Нет, ты представляешь, что это такое?

— Ну и что, — пытался я смягчить ярость своего коллеги, — они же устройство шлема хорошо знают, надеюсь, не сломали ничего?

Федор Анатольевич окончательно потерял дар речи...

Несмотря на некоторый комизм ситуации, явное нарушение установленного строгого порядка было налицо. Пришлось идти к руководству.

Королев мирно беседовал с руководителем медицинской группы Владимиром Ивановичем Яздовским. Обстановка нами была оценена как самая подходящая. Выслушав заикающегося Федора Анатольевича, Сергей

Павлович велел нам отойти в сторонку, на крылечко однопэтажного здания, где обычно проходили последние предстартовые заседания Государственной комиссии.

За дверьми сразу стало шумно. Хотя слышались лишь два голоса. Разговор, как чувствовалось, был серьезный. Через пять минут был вызван я и получил от Главного свою «порцию» за то, что у меня на глазах творятся подобные безобразия.

В тех пакетиках были семена лука. Это медики решили провести еще один, дополнительный эксперимент. С согласия главного конструктора скафандра — начальника Востокова и к величайшему неудовольствию самого Востокова, пакетики разрешено было оставить на их незаконном месте. Однако на следующий день в группе медиков стало на одного человека меньше.

9 марта. Старт. Корабль на орбите. Через полтора часа посадка. Все в порядке! Замечаний по полету никаких не было. Чернушка перенесла полет и приземление вполне удовлетворительно. Только на ее задней лапе были обнаружены... мужские наручные часы. На браслете. Недоумевали мы не очень долго: часы есть часы, у них, конечно, есть хозяин, который заинтересован в благополучном завершении своего индивидуального эксперимента. А как они работали в невесомости? Хозяин достаточно быстро отыскался, хотя по понятным причинам до поры до времени не очень торопился признать приоритет экспериментатора.

Государственная комиссия приняла решение готовить к пуску второй корабль этой «предвосточной» серии. План подготовки прежний. Программа полета та же.

В какой-то мере неожиданностью для нас был прилет группы космонавтов. С ними вместе прилетел и Евгений Апатольевич Карпов. При встрече я спросил его:

— Ну как космос? Понравился?

— Это ты меня спрашиваешь? — На мой вопрос он ответил вопросом.

— Тебя. Но не как тебе понравился, а ребятам. Они-то впервые здесь.

— Да что тебе сказать, одно у них на устах: «Вот это да, вот здорово!» А когда в монтажном корпусе увидели ракету вместе с кораблем, так и вообще дар речи потеряли. А знаешь, что они еще говорили? «А наверное, ей, красавице, надоело на орбиту собачек вывозить, пора за серьезные дела браться!» Вот так, брат!

— Это все хорошо, Евгений Анатольевич, но ты мне скажи, ребята про те аварии, которые у нас в прошлом году были, и про гибель собачонок знают?

Карпов задумался, лицо его сразу посерьезнело.

— Я им про аварии все рассказал.

— И как они прореагировали?

— Во-первых, сразу потребовали, чтобы я им сказал, как себя чувствует Сергей Павлович. Пришлось сказать, что он очень все это переживает. И тогда Гагарин с Быковским тут же заявляют: «Едем немедленно к нему. Его надо успокоить!»

— И поехали?

— Конечно. А ты и не знал? У них состоялся большой и серьезный разговор. Юрий и Валерий старались убедить Королева, что на их решение лететь в космос эти аварии никак не повлияют. Сергей Павлович подробно рассказал им о причинах тех неприятностей и какие меры были приняты для повышения безопасности. Хотя и не отрицал того, что стопроцентной гарантии никто дать не может. В общем, был настоящий мужской разговор...

21 марта подготовка второго корабля и ракеты-носителя была закончена. 25-го — старт. И на этот раз полет и приземление прошли нормально.

К этому времени был создан и проверен самый сложный комплекс наземного связного и командного оборудования — сеть специальных станций, оснащенных радиоло-

кационными и радиокомандными средствами. Телевизионные и связные системы позволяли наблюдать космонавта в кабине и поддерживать с ним двухстороннюю связь. Ракетная техника приобрела достаточный опыт в создании автоматических устройств, обеспечивающих безотказную подготовку на старте, запуск и полет в космическом пространстве строго по расчетной траектории. Был обретен опыт обеспечения полета, спуска и приземления кораблей...

На космодроме, в правом коридоре первого этажа монтажного корпуса, было освобождено несколько комнат. Одна, оборудованная мягкой мебелью и разной немудреной утварью, раздобытой космодромным начальством, была предназначена для отдыха космонавтов. Будто было у них время для этого! Рядом — «кресловая». В ней царство Федора Анатольевича Востокова. Здесь должны были десятки раз проверять все приборы и системы этого хитрого сооружения, перед тем как отдать его испытателям корабля для совместных проверок. Дальше — «скафандровая». Это тоже вотчина Востокова. Была медицинская комната — для предполетного обследования космонавта и, наконец, «гардеробная», в ней проводилась последняя процедура перед отъездом на старт — облачение в космические «доспехи».

Еще перед прилетом на космодром первая шестерка будущих космонавтов доказала авторитетной комиссии, что месяцы подготовки не прошли даром. Экзамены были сданы блестяще. Обещание «закатить двойку» кому-нибудь Главному конструктору выполнить не удалось. Но помимо специальных знаний и приобретенных навыков комиссия тщательно рассматривала и подробные психофизиологические данные каждого претендента. Решение было единодушным: все шестеро одинаково хорошо подготовлены к первому полету.

Однако требовалось выбрать двоих: первого и дублера. И вот тогда с учетом не только всего предусмотренного, но и непредусмотренного — максимального количества положительных человеческих свойств, в том числе таких, как личное обаяние, доброта, способность сохранять эти качества в любых ситуациях, — были названы два первых кандидата: Гагарин, Титов.

В аттестации Юрия Гагарина авторитетная комиссия записала: «Любит зрелища с активным действием, где превалирует героика, дух к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремленность, ощущение коллектива. Любимое слово — работать. На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу невозможно, вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое, вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезво-рассудителен. Наделен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развита весьма гармонично. Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромен. Смущается, когда «пересолит» в своих шутках. Интеллектуальное развитие высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели некоторые его друзья. Отношения с женой нежные, товарищеские».

Программой подготовки на технической позиции предусматривалась тренировочная посадка космонавта в ка-

бину корабля. Для этого Гагарин и Титов облачились в скафандры. «Восток» во всем своем величии стоял на высокой подставке, ярко освещенный мощными светильниками, любезно данными нам «напрокат» кинооператорами «Центрнаучфильма», которые не замедлили приехать на космодром, как только это им разрешили.

С учетом того, что в скафандре человеку забираться по стремяночке к люку кабины будет нелегко, быстро был построен специальный лифт. Только-только мы успели проверить его работу, прокатившись пару раз вверх и вниз, как в дверях зала показались две неуклюжие ярко-оранжевые белоголовые фигуры. За ними целая свита в халатах.

Сергей Павлович догнал Гагарина, взял его под руку и стал что-то оживленно ему говорить. Я подошел к ним.

— Так вот, порядок принимаем следующий,— Королев посмотрел на меня,— первым будет садиться Гагарин. Вы и товарищ Востоков ему помогаете. Потом, когда космонавт займет свое место в корабле, можно будет поднимать медику, потом радисту, потом телевизионщику. Больше трех человек чтобы я наверху не видел. Понятно? После Гагарина будет садиться Титов. У вас все готово?

— Готово, Сергей Павлович.

— Ну, добро. Все их замечания и пожелания запишите. Потом разберем. Действуйте.

Подошли к лифту, десять секунд подъема — и Гагарин перед открытым люком кабины. В ней пока полумрак. Все оборудование ждет хозяина. Поддерживая Гагарина, помогаем ему подняться к люку, лечь в кресло. Теперь его работа. Только я отошел в сторонку, как вижу, что на лифте поднимается Володя Суворов, мой давний «враг», оператор «Центрнаучфильма». А «враг» потому, что интересы кино и наши по времени почти никогда не совпадали. Иными словами, мы должны были давать возможность киношникам снимать как раз тогда, когда у нас не то что часов, минут лишних не было. Господи! Сколько

раз ругались мы с Суворовым по этому поводу, но должен сказать, что это не помешало нам стать друзьями и остаться ими до сих пор.

Так вот, Володя Суворов. А приказ Королева: «Никого больше!» Нарушение явное. Смотрю вниз на Главного. Он прекрасно видит нарушение установленного им порядка, но хитро улыбается и отворачивается в сторону. Володя затрещал своим «Конвасом», зло посмотрев на меня, дескать: «Что? Не вышло?!»

Минут пятнадцать Гагарин работал в корабле. Когда мы помогли ему выбраться, он выглядел куда румянее, чем до эксперимента: жарковато было трудиться в скафандре без подключенной вентиляции!

За ним все повторил Титов...

Космонавт номер один

10 апреля в шестнадцать часов должно было состояться заседание Государственной комиссии. Предстояло обсудить результаты испытаний ракеты, корабля, готовность служб космодрома и, главное, решить: КТО ПЕРВЫЙ? Предварительное рассмотрение этого непростого вопроса уже состоялось. Комиссия согласилась с предложением руководства Центра подготовки космонавтов и медиков: первый — Юрий Гагарин, дублер — Герман Титов. Но жизнь есть жизнь. Все могло случиться.

В небольшом зале верхнего этажа монтажного корпуса собралось все руководство: Константин Николаевич Руднев — председатель Государственной комиссии, Мстислав Всеволодович Келдыш, Сергей Павлович Королев, Валентин Петрович Глушко, Николай Алексеевич Пилюгин, Алексей Михайлович Исаев, маршал Москаленко — главнокомандующий Ракетными войсками, руководство Военно-Воздушных Сил, генерал Николай Петрович Каманин, Евгений Анатольевич Карпов, Владимир

Иванович Яздовский, Олег Георгиевич Газенко... И конечно, именинники — космонавты. В зале суетились кинооператоры. Володя Суворов буквально впился в видеоискатель своей камеры. Волнуется, побледнел даже...

В тот день, в ту минуту не думалось ни о чем другом, а вот сейчас, написав эти строки, посмотрел я на фотокарточку, отпечатанную с тех кинокадров и хранимую как дорогую реликвию, и вспомнился Николай Петрович Каманин...

Когда он появился на нашем «космическом горизонте» и я увидел его, то сразу узнал, хотя встретился с ним впервые. Вспомнилось детство. 1934 год. У нас во дворе все играли в челюскинцев. Тогда я был Каманиным, а мой друг, соседский мальчишка, — Ляпидевским. Через дорогу жили такие же, как мы, Молоков, Водошнянов. И мы тоже спасали челюскинцев... Далекий 1934 год! И вот теперь Николай Петрович Каманин... Космос... «Восток»...

Вспомнилось и другое... Великая Отечественная. 1943 год. Ожесточенные бои на Харьковщине, освобождение городов многострадальной Украины. Наш корпус действовал в составе знаменитой 38-й армии, которой командовал талантливый полководец генерал-полковник Кирилл Семенович Москаленко. Знали мы, что командовал он и 1-й танковой, и 1-й гвардейской армиями, а потом снова своей 38-й на Юго-Западном направлении...

Судьбе угодно, чтобы в жизни моей случились эти встречи и с генералом Каманиным, и маршалом Москаленко через много лет на космодроме. И я благодарен судьбе за это.

Умолкли в зале негромкие разговоры, затихли возившиеся кинооператоры. Поднялся Константин Николаевич Руднев.

— Товарищи, разрешите открыть заседание Государственной комиссии. Слово о готовности ракеты-носителя

и космического корабля «Восток» имеет Главный конструктор академик Королев Сергей Павлович.

Я внимательно смотрел на него. Да не только я. Все сейчас смотрели на человека, который не побоялся взять на себя ответственность перед партией, правительством, перед всем советским народом за подготовку корабля, за осуществление полета на нем. Первого в мире полета...

Он поднялся. Внешне казался очень спокойным. Как всегда, негромко, без всякого пафоса и торжественности начал говорить:

— Товарищи. Намеченная... — он на секунду заппулся, но тут же продолжил: — В соответствии с намеченной программой в настоящее время закончена подготовка многоступенчатой ракеты-носителя и корабля-спутника «Восток». Ход подготовительных работ и всей предшествующей подготовки показывает, что мы можем сегодня решить вопрос об осуществлении первого космического полета человека на корабле-спутнике...

Несколько десятков слов. Так лаконично, строго деловому был подведен итог гигантской работе. Сколько дел и событий за этими словами! Вся история нашей космической техники: мечты Константина Эдуардовича Циолковского, энтузиазм гирдовцев, везших на площадке трамвая завернутую в материю первую ракету, первые управляемые ракеты 50-х годов, первая межконтинентальная, первые спутники, первые «лунники», тяжелые корабли-спутники и вот, наконец...

Никто и нигде не совершал подобного. Это сделал коллектив единомышленников, объединенных одним стремлением, одним желанием, спаянный воедино исключительной волевой и эмоциональной заряженностью Главного конструктора — Сергея Павловича Королева.

— Слово для доклада о готовности космонавтов предоставляется генералу Каманину Николаю Петровичу.

Каманин встал. Минуту стоял молча. Только щеки чуть покраснели.

— Трудно из шести выделить кого-либо одного, по решению нам нужно было принять. Рекомендуется первым для выполнения космического полета назначить старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича. Запасным пилотом назначить Титова Германа Степановича.

И... шквал аплодисментов.

11 апреля Николай Петрович Каманин в своем дневнике записал:

«...Утром были на стартовой площадке. Проверка всего комплекса ракеты показала, что все обстоит благополучно. Сергей Павлович Королев попросил почаще информировать его о состоянии космонавтов, об их самочувствии, настроении.

— Волнуетесь за них?

На мой вопрос он ответил не сразу. Видимо, называется привычка не бросать пустых, необдуманных фраз.

— А как вы думаете? Ведь в космос летит человек. Наш, советский, Юрий.

Помолчав немного, добавил:

— Ведь я его знаю давно. Привык. Он мне как сын.

Такой сердечной откровенности от Сергея Павловича, обычно сосредоточенно-сдержанного, деловитого человека, я еще не видел».

Когда кончилось 11 апреля и началось 12-е, мы не заметили. На востоке небо начало алеть. С верхнего мостика стартового устройства открылась бескрайняя степь. Облака висели над ней нежно-розоватыми комочками. Предрассветный ветерок настойчиво лез под куртку.

На нижних этажах стартового устройства — площадках обслуживания — работают ракетчики. Идет заправка ракеты топливом для ее двигателей. В самом низу, на «козырьке», несколько человеческих фигурок. С высоты они маленькие-маленькие. Но узнать можно. Помню, Сер-

гей Павлович отошел от небольшой группки, посмотрел вверх, махнул рукой. Я спустился на лифте вниз.

Королев казался спокойным. Но очень уставшее лицо, уставшие глаза. Чуть улыбнувшись, кивнул мне:

— Ну как дела, старик?

— Все в порядке, Сергей Павлович, ждем.

— Знаю, что все в порядке... Я, пожалуй, поеду туда, к ребятам, посмотрю, как у них подготовка идет.

И он пошел к своей машине. Понял я, что волнуется Главный, сильно волнуется, что хочет занять чем-то паузу, а занять лучше всего делом... Автобус с космонавтами должен был прибыть через час. Я медленно пошел по «козырьку» вокруг ракеты. Подошел один из наших испытателей, давний мой приятель:

— Что, хороша? Любуешься?

— Хороша, Святослав, очень хороша!

— Давай пройдемся немного, пока автобус не приехал.

Мы спустились с козырька и по дороге, кольцом окружавшей стартовое устройство, пошли вокруг. Говорить ни о чем не хотелось. Да, вот стояла наша ласточка, ждала старта. А сколько людей ждали этого момента в то утро?

Ждали радисты на командно-измерительных пунктах, еще и еще раз проверяя передатчики, приемники, антенное хозяйство...

Ждали операторы, кому надлежало держать связь с космонавтом, еще и еще раз проверяя свою аппаратуру...

Ждали летчики поисково-спасательных групп в районе приземления и еще в нескольких местах, проверяя еще и еще раз моторы и оборудование самолетов, вертолетов...

Ждали баллистики, еще и еще раз проверяя сложнейшие средства координационно-вычислительного центра...

Ждали люди в Крыму, в Москве и Ленинграде, на Кавказе и в Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке...

Обойдя ракету кругом, я поднялся на верхний мостик, к кораблю. Наши монтажники — Володя Морозов и Коля Селезнев, облокотясь на перила, смотрели вдаль, туда, откуда должен был появиться голубой автобус. Минут через десять подъехали автомобили с членами Государственной комиссии. Вернулся Сергей Павлович. По плану в шесть часов утра близ стартовой площадки, в «банкобусе», должно было состояться последнее предпусковое заседание Госкомиссии. Сверху хорошо было видно, как фигурки людей потянулись в ту сторону.

Незаметно прошел час. И вот на бетонке показался автобус. Все ближе, ближе. Остановился он почти у самой ракеты. Внизу все руководство с нетерпением не меньше нашего ждало этого момента. Минута на лифте — и я был внизу. Открылась передняя дверка, и в ярко-оранжевом скафандре показался Гагарин. Несколько шагов, рука, неуклюже поднесенная к гермошлему.

— Товарищ председатель Государственной комиссии, летчик-космонавт старший лейтенант Гагарин к полету на первом в мире космическом корабле-спутнике «Восток» готов!

Королев смотрел на Гагарина добрыми-добрыми глазами, как может смотреть только отец на любимого сына, провожая его в трудный и опасный путь, и ни словом, ни взглядом не показал своего волнения и тревоги.

— Ну, Юрий Алексеевич, пора. Нужно садиться.

Обнялись. Я стоял рядом и, слегка поддерживая Гагарина под локоть, пошел вслед за ним к лифту. Поднялись по лестнице к площадке. Здесь Юрий на минуту задержался, повернулся к провожающим, поднял руки, посылая им свой привет.

В кабине лифта мы трое: Гагарин, Восток и я. Две-три минуты подъема — и верхняя площадка. Открываю дверцу. Прямо в лицо — яркий свет ламп: уже и сюда поспел Володя Суворов. Стрекочет камерой, прильнул к

видеоискателю, как к прицелу. Спешит — дубля таким кадрам не сделаешь.

Прошли к люку. Гагарин заглянул внутрь.

— Все в порядке, «первый сорт», как СП скажет, — не преминул доложить Володя Морозов.

— Раз так, садимся, — улыбнулся Гагарин.

Востоков с одной стороны, я с другой помогли Юрию подняться, закинуть ноги за обрез люка и лечь в кресло. В этот момент всплыло в памяти: первый приход космонавтов в цех, первое наше знакомство, Юрий Гагарин садится в кабину корабля...

Я отошел чуть в сторону, чтобы не мешать Востокову колдовать над привязной системой и креслом. Устроившись, Гагарин начал проверку радиосвязи:

— Как слышите меня?.. Вас слышу хорошо... Вас понял: приступить к проверке скафандра.

Я заглянул внутрь кабины. Юрий почти автоматически делал все, что было многократно отрепетировано. Востоков довольно улыбался.

Минут через пять Гагарин доложил:

— Проверку скафандра закончил.

Вскоре он переключил линию радио на телефоны гермошлема, и мы уже не могли слышать вопросов, задаваемых ему, но по его ответам было понятно, что с ним говорили его товарищи из отряда космонавтов. Говорил и Сергей Павлович.

Я посмотрел на часы. Семь часов пятьдесят минут. Надо прощаться с Юрой и закрывать люк. Что-то хочется еще сказать. Но все сказано. Обнял Юрия, насколько позволяли размеры люка, пожал руку, похлопал по плечу.

— Давайте...

Мгновение — и Володя Морозов с Колей Селезневым накинули крышку на замки. А их тридцать. Руки, словно автоматы, быстро навинчивали гайки замков. Володя Морозов специальным, так называемым моментным, ключом подтягивал каждую из них. Первая, пятнадцатая,

седьмая, двадцать третья... Некогда смотреть на часы. Секунды отстукивали в висках толчками крови. Последняя! Опустили облегченно руки. И тут же тревожный, настойчивый сигнал телефонного зуммера. Взволнованный голос:

— Почему не докладываете? Как у вас дела?

— Сергей Павлович, тридцать секунд назад закончили установку крышки люка. Приступаем к проверке герметичности.

— Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?

— Нет, Сергей Павлович. Все нормально...

— Вот в том-то и дело, что не нормально! Нет сигнала КП-3!

Я похолодел. КП-3 — это специальный электрический контакт прижима крышки, сигнализирующий о ее нормальном закрытии.

— Крышка установлена правильно, Сергей Павлович!

— Что можете сделать для проверки контакта? Успеве снять и снова установить крышку?

— Успеем, Сергей Павлович. Только передайте по радио Гагарину, что будем открывать люк.

— Все передадим. Спокойно делайте свое дело, не спешите.

А времени-то почти не было.

Из фонограммы переговоров:

«7 часов 58 минут. «Заря-1» (Королев). Юрий Алексеевич, у нас так получилось: после закрытия люка вроде один контактик не показал, что он прижался, поэтому мы, наверное, сейчас будем снимать люк и потом его поставим снова. Как поняли меня?

«Кедр» (Гагарин). Понял вас правильно. Люк открыт, проверяют сигнализаторы.

«Заря-1» (Королев). Ну отлично...»

В одно шестирукое существо слились мы трое. Не то что теперь, но и тогда не понять было, кто и что делал.

Казалось, все делалось само. Помню только, что скрипнула крышка на полу нашей рабочей площадки, прикрывавшая лаз вниз по лестницам стартового устройства, и показалась голова заместителя Королева — Леонида Александровича Воскресенского.

Очевидно, он, встревоженный происшедшим, несмотря на солидный возраст и, скажем прямо, отнюдь не богатырское здоровье, поднялся сюда, на высоту пятнадцатого этажа, не воспользовавшись лифтом. Минуту он молча смотрел, потом его плечи и голова медленно ушли в проем люка, и крышка опустилась. По всей вероятности, он понял, что его вмешательства не требуется.

Сняли тридцать гаек с замков. Сняли крышку. Только и успел я заметить, что Гагарин, чуть приподняв левую руку, внимательно смотрит на меня в маленькое зеркальце, пришитое к рукаву, тихонечко насвистывая мотив песни: «Родина слышит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает». Смотрю на кронштейн этого КП-3. Все на месте. Так, на всякий случай переместили его чуть-чуть. Подумалось, наверное, это наши электроколдуны — пультавики — там, в бункере, проморгали, не заметили загорелась или нет пужная лампочка. Так оно и было, но в этом признались они гораздо позже.

Последний взгляд, попрощаться с Юрием уже некогда, успел только поймать в зеркальце его хитрющий взгляд. Крышка опять на замках. Снова гайки: первая, пятнадцатая, седьмая, двадцать третья... Есть последняя!

Из фонограммы переговоров:

«8 часов 13 минут. «Заря-1» (Королев). Как слышите меня? Крышку уже начали ставить, наверное?»

«Кедр» (Гагарин). Вас слышу хорошо. Крышку уже, очевидно, кончают заворачивать.

«Заря-1» (Королев). Понял вас. У нас все хорошо... Только что справились из Москвы о вашем самочувствии. Мы туда передали, что все нормально.

«Кедр» (Гагарин). Понял вас. Передали правильно... Если есть музыка, можно немножко пустить».

В телефоне голос Сергея Павловича:

— КП-3 в порядке. Приступайте к проверке герметичности.

— Есть!

Фу-у! Как гора с плеч...

Из фонограммы переговоров:

«8 часов 17 минут. «Заря-1» (Королев). Ну как, музыку дали вам? Нет?

«Кедр» (Гагарин). Пока не дали.

8 часов 19 минут. «Заря-1» (Королев). Понятно, это же «музыканты»: пока туда, пока сюда — не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается, Юрий Алексеевич.

«Кедр» (Гагарин). Дали. Про любовь...

«Заря-1» (Королев). Дали музыку про любовь? Это толково, Юрий Алексеевич, я считаю...»

Герметичность проверили быстро — все в порядке.

— Есть герметичность! — это я в трубку телефона. В ответ голос Сергея Павловича:

— Хорошо. Вас понял. Заканчивайте ваши дела, сейчас мы объявим тридцатиминутную готовность.

Из фонограммы переговоров:

«8 часов 25 минут. «Заря-1» (Королев). Герметичность проверена — все в норме, в полном порядке. Как поняли?

«Кедр» (Гагарин). Вас понял: герметичность в порядке. Слышу и наблюдаю: герметичность проверили. Они что-то там постукивают немножко».

Мы собрали инструмент, надо спускаться вниз, а до чего же не хочется! Руки так и тянулись к шарiku — дотронуться еще раз, похлопать его по круглому боку...

Стукнула дверь лифта, рывком пол ушел из-под ног, минута — и мы вниз. Подошел к Сергею Павловичу:

— Прошу разрешения быть во время пуска в бункере управления.

— Ну что же, не возражаю. Только в пультовой будет народу много, так что будь где-нибудь поблизости.

До старта еще минут двадцать. Можно побыть еще здесь, рядом с ракетой. Заканчивалась заправка топливом третьей ступени. Центральный блок и боковушки были заправлены раньше. Их бока покрылись толстым слоем инея, он пластами отваливался и слетал вниз. Будто елочка зимняя отряхивалась.

От ракеты отъехала высокая металлическая ферма с площадками обслуживания и лифтом, на котором мы спустились. Теперь, если и захочешь, к кораблю не доберешься. Но зато ракета предстала во всей красе, ничего ее не закрывает. На самом верху, словно шлем древнего витязя, снежно-белый обтекатель. Под ним укрыт корабль, и только через большое окно сбоку поблескивает крышка люка. Того самого. А за ней...

Что он думал тогда, в эти минуты? Я твердо знал лишь одно — Гагарин верил нам, верил в то, что сделано все, что только было в человеческих силах, для успешного полета. Он отдавал свою жизнь, себя машине, созданной людьми.

Восемь часов сорок пять минут. Королев, Воскресенский, начальник испытательного комплекса Кириллов около ракеты. А «kozyрек» уже опустел. Все закопчено. Теперь ждать. Из репродукторов громкой связи доносится: «Десятиминутная готовность! Готовность десять минут!» Заметил я, что Королев и Кириллов косо посмотрели в мою сторону. Пора уходить. Взглянул на ракету последний раз. Больше ведь ее не увидишь! Спустился в бункер, расположенный глубоко под землей. Крутая широкая лестница вниз, тяжелые массивные двери. Прошел по коридору, заглянул в пультовую. Стартовики на своих местах, за пультами. Тихо. Все сосредоточены, предельно внимательны, серьезны. За их спинами на невысоком помосте — два перископа, как на подводных лодках. Рядом — небольшой столик. У перископов встанут

Воскресенский и Кириллов. За столиком — место Сергея Павловича.

Я остался в боковой комнате рядом с пультовой. Народу много — главные конструкторы смежных организаций, испытатели, медики, связисты. В углу на столе телеграфный аппарат, радиостанция, микрофон. Как раз в ту минуту шел разговор с Гагариным. Слышно было, как кто-то из медиков проговорил:

— Займите исходное положение для регистрации физиологических параметров.

— Исходное положение занял,— донеслось из динамика.

Раздался голос Сергея Павловича. Это он говорил еще оттуда, с «козырька».

— Ну вот, все нормально, все идет по графику, на машине все хорошо...— Он говорил нарочито спокойно, растягивая слова.

Юрий спросил полусуто-полусерьезно:

— Как по данным медицины, сердце бьется?

— Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание — двадцать четыре. Все нормально.

— Понял. Значит, сердце бьется!

Посчитали бы пульс у кого-нибудь здесь, в бункере. Интересно, сколько бы ударов было? Уж никак не шестьдесят четыре.

В нашей комнатке становилось тесновато. Прошли еще минута-две. Через открытую дверь донесся вой сирены. Это сигнал не для нас — для тех, кто, не дай бог, замешкался с отъездом где-нибудь неподалеку. Хотя таких быть не должно. Порядок строгий.

В коридоре промелькнули три фигуры. Королев, Воскресенский, Кириллов. Дверь в пультовую тут же закрылась. Из динамика голос:

— Пятиминутная готовность!

Медленно, медленно тянутся минуты. Голос Королева в динамике:

— «Кедр», я «Заря», сейчас будет объявлена минутная готовность. Как слышите?

— «Заря», я «Кедр». Занял исходное положение, построение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

Должен еще раз признаться, что волнение, громадное напряжение тех минут не оставляли места для мысли о стенографировании. Мы слышали эти фразы, понимали, знали их значение, но запомнились ли они? Одна-две, не более. Только потом помогли магнитофонные записи.

— Всем службам космодрома объявляется минутная готовность! Готовность одна минута!

Тишина такая, что казалось, не дышит никто.

— Ключ на старт!

Оператор на главном пульте повернул металлический серый, с кольцом на конце небольшой ключ.

— Протяжка один! — это включились регистраторы.

— Продувка!

— Есть продувка!

— Ключ на дренаж!

— Есть ключ на дренаж! Есть дренаж!

Захлопнулись на баках дренажные клапаны, перестал парить кислород, контур ракеты стал отчетливей. Но это отмечал лишь в сознании. Видели это своими глазами только Леонид Александрович Воскресенский и Анатолий Семенович Кириллов.

В динамике — голос Гагарина:

— У меня все нормально, самочувствие хорошее, построение бодрое, к старту готов. Прием...

— Отлично. Дается зажигание. «Кедр», я «Заря-один».

— Понял вас, дается зажигание.

— Предварительная!

— Есть предварительная! — это режимы выхода двигателей на основную тягу.

— Промежуточная... Главная... ПОДЪЕМ!!!

И вдруг сквозь шорох помех и обвалный грохот работающих двигателей из динамика голос:

— Поехали-и-и!
— Одна... две... три...— это хронометрист отсчитывал секунды.

Слышу голос Сергея Павловича:

— Все нормально, «Кедр», я «Заря-один». Мы все желаем вам доброго полета!

Ракета пошла. Казалось, что миллионы рук и сердец человеческих, дрожащих от чудовищного напряжения, выносили корабль на орбиту. И «Восток» вышел на орбиту!

Все сорвались со своих мест. Сидеть и стоять больше сил не было. Самые разные лица: веселые, суровые, сосредоточенные — самые разные. Но у всех — слезы на глазах. И никто не стесняется этих слез. Обнимаются, целуются, поздравляют друг друга.

В коридоре у пульта окружили Сергея Павловича. Наверное, по доброй традиции подняли бы на руки, да качать негде. Потолок низковат. Кто-то снял с рукава красную повязку и собирает на ней автографы. Мелькнула мысль: «Вот это да! Правильно! Такое не повторяется!» Подошел к Королеву:

— Сергей Павлович...

— Давай, давай...

Эта повязка с автографами Королева, Келдыша, Воскресенского, Галлая и вернувшегося из полета Гагарина — самый дорогой сувенир в моем шкафу.

Из коридора вышли наверх. На первой же подвернувшейся машине удалось уехать на пункт связи. На площадке народу полным-полно...

Из динамика — торжественный голос Левитана:

«...Первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик, летчик, майор Гагарин Юрий Алексеевич...»

Как майор? Почему майор? Ведь полетел он старшим

лейтенантом? Потом... потом. Праздник, большой праздник. Человек в космосе! Человек на орбите! «Юра. Юрий. Гагарин...» — только и слышалось кругом.

— Ну что, здорово, а?

— А ты как думал?

— «Поехали!» А? Ведь силен, а?

— Молодец Юра! Настоящий парень!

— Братцы, ну и дрожал же я! Пошла она вроде, а потом, смотрю, будто остановилась! Аж похолодел...

Кто-то выбежал из центра связи, кричит:

— Пролетает над Африкой!!!

Над Африкой... В эти минуты на корабле все готовилось к спуску с орбиты. Протиснувшись в толпе, я вошел в помещение пункта связи. В небольшой комнатке перед кинозалом Сергей Павлович разговаривал с кем-то по ВЧ-аппарату. Рядом Константин Николаевич Руднев, Мстислав Всеволодович Келдыш, маршал Москаленко, главные конструкторы. Королев закончил говорить, слушал.

— Спасибо вам, спасибо большое. Нет-нет, рано еще, все основное, пожалуй, еще впереди. Спасибо. Передам, передам обязательно. Да, да, все в порядке. Пока к тому, что доложил вам Константин Николаевич добавить ничего не могу. Всего вам доброго. Да, будем докладывать.

Он положил трубку:

— Товарищи! Сейчас нам звонил Никита Сергеевич Хрущев. Центральный Комитет и правительство внимательно следят за полетом и волнуются вместе с нами. Секретарь ЦК просил передать всем большое спасибо за подготовку ракеты и корабля...

Прошло минут десять.

Стрелка часов приближалась к половине одиннадцатого. Если все в порядке, то в это время должна включиться тормозная двигательная установка. Но с кораблем нет связи и не будет еще двадцать минут. Долгих двадцать минут.

Минута... две... три... Как же они медленно тянутся!
И наконец-то радостный возглас:

— Пеленги есть!!!

И сразу снялось напряжение. Все кричали, хлопали друг друга по плечам, кто-то закуривал, кто-то бросал оземь папиросу, и все-все — на улицу, на солнце.

На крылечко гостиницы, где был пункт связи, вышли Руднев, Келдыш, Королев... Шквал аплодисментов. Всего семь часов назад мир ничего не знал. И вот радио разнесло по всем странам и континентам: человек в космосе!

Не успели еще стихнуть аплодисменты, как кто-то тронул меня за рукав:

— Срочно собирайтесь. Сергей Павлович приказал через десять минут быть в машине. Выезжайте на аэродром.

...Степные километры пролетели с сумасшедшей скоростью. Наш «газик» въехал на аэродром. Заводской ИЛ уже прогревал моторы. Всего несколько минут — и взлет. Если бы кто-нибудь заглянул в тот момент в салон! Константин Николаевич Руднев, Мстислав Всеволодович Келдыш, Сергей Павлович, главные конструкторы смежных организаций напоминали студентов-первокурсников после успешно сданного экзамена.

— Ну и молодец же Гагарин! — Сергей Павлович, до слез расхохотавшийся по поводу какого-то каламбура Келдыша, вытер глаза платком, сел в свое кресло.

— Вы знаете, подхожу я на днях к нему, он спокойный, веселый, сияет, как солнышко. «Что ты улыбаешься?» — спрашиваю. «Не знаю, Сергей Павлович, наверное, человек я такой несерьезный!» Подумал я, побольше бы там таких «несерьезных»... А сегодня утром, когда они с Титовым одевались, приехал я к ним, спрашиваю Гагарина: «Как настроение?» А он отвечает: «Отличное. А у вас?» Посмотрел на меня внимательно и улыбаться перестал. Наверное, хороший видок у меня был! И говорит: «Сергей Павлович, да вы не беспокойтесь, все будет хоро-

шо!» Самому до полета час, а он меня успокаивает!.. А знаете, товарищи, ведь этот полет откроет новые, невиданные перспективы в науке. Вот полетят еще наши «Востоки» — Титов, Николаев. Славные ребята, должен вам сказать. А потом... Потом надо думать о создании на орбите постоянной обитаемой станции. И мне кажется, что в этом деле нам нельзя быть одинокими. Нужно международное сотрудничество ученых. Освоение космоса — дело всех землян.

Королев замолчал и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза, потер виски...

Под крылом самолета блеснула Волга. Сели. К этому времени уже было известно, что приземление состоялось, Гагарин чувствует себя нормально, отдыхает. Пересев на вертолеты, мы вылетели к месту приземления.

Вот и наш дорогой шарик — спускаемый аппарат, обугленный, растрепанный...

Руднев, Королев, Келдыш, все, кто прилетел, с большим интересом разглядывали только что вернувшийся из космоса аппарат. Арвид Владимирович Палло, давний товарищ Королева еще по ГИРДу, руководил поисковой группой. Подойдя к Сергею Павловичу, он старался докладывать кратко и официально. Но тут же сбился и уже другим тоном:

— Жив! Жив! Никаких повреждений. Ни у Юрия, ни у спускаемого аппарата. И тому и другому чуть отдохнуть — и опять можно в полет.

Улучив минутку, я залез в люк. Осмотрелся. Действительно, все было в полном порядке. Подошел Арвид Владимирович, облокотился на обрез люка:

— А знаешь, мы еще из окон вертолета увидели, что все в порядке. Как только сел, помчался я со всех ног к шарiku. В кабине еще что-то жужжало...

— Это вентилятор. Он должен был работать.

— Может и вентилятор. Но представь себе, в кабине уже успел побывать механик из колхоза и доложил, что

во всем полностью разобрался, что о космической технике у него сложилось положительное впечатление. Каково?! Правда, тубу с космической пищей отдавал со слезами. И вообще, должен тебе сказать, тут по части сувениров пришлось большую воспитательную работу провести. Вот гляди, поролоновую обшивку пообщипали, фольгу кусками отодрали. И все на сувениры...

Конец фразы услышал подошедший к нам Сергей Павлович.

— Так говоришь, старина, воспитательную работу провести пришлось? «Восток» чуть на сувениры не разобрали? Это же безобразие! Это черт знает что такое! А вы куда смотрели?

Не выдержал, рассмеялся:

— Ну ладно, механику вы сувенира не дали. А мне и вот товарищам, может быть, что-нибудь дадите?

— Сергей Павлович! Вам — весь спускаемый аппарат!

— Нет, дорогие товарищи, — посерьезнел Королев, — он теперь достояние всего человечества. Пройдет совсем немного времени, и «Восток» установят на высокий пьедестал, люди будут перед ним шапки снимать. Он теперь уже не наш, други мои, он — история!

В центре неглубокой луночки, оставленной спускаемым аппаратом при приземлении, был забит железный лом, на котором зубилом тут же вырубили: «12.IV.61».

Утро 13 апреля запомнилось мне в куйбышевской гостинице праздничной музыкой, лившейся из репродукторов. В десять часов мы выехали из гостиницы в домик на берегу Волги, где отдыхал Гагарин. В большой комнате первого этажа народу собралось уже предостаточно: члены Государственной комиссии, главные конструкторы, ученые, медики, фотографы, корреспонденты газет. Все ждали. Юрий должен был выйти с минуты на минуту.

Вот он, наш Юра! Такой же, как и вчера, только не в скафандре, а в новенькой форме с майорскими погонами. Не помню, что и как было в эти минуты, кто и что говорил,

для меня существовал только он один. Окружили его со всех сторон. С трудом удалось пробиться поближе. Увидел. Протянул мне обе руки:

— Ну здравствуй, ведущий, здравствуй, «крестный»! Как себя сегодня чувствуешь? Посмотрел бы ты на себя вчера, когда люк открывали. Видел я в зеркальце — на лице все цвета побежалости!

Помню, надоумил меня кто-то в последний момент газету со стола взять. Протянул ему. Юрий вынул ручку из кармана и рядом со своим портретом написал: «На память добрую и долгую». И подпись свою поставил.

Государственная комиссия и гости собрались в небольшом зале. Наконец все немного успокоились. Гагарин начал подробно рассказывать о полете, о работе систем корабля, обо всем, что пережил за недолгие минуты полета. Здесь я хочу привести с некоторыми сокращениями, но без стилистической правки доклад Юрия Алексеевича. Более четверти века этот доклад был доступен лишь узкому кругу специалистов. Между тем он, на мой взгляд, представляет интерес для широкого круга читателей как живой и обстоятельный репортаж первого космического полета. Вот этот доклад:

«Последняя, предстартовая подготовка производилась утром. Производились проверка наклейки датчиков для записи физиологических функций, медицинское обследование. Все это прошло хорошо. По мнению врачей, которые осматривали и записывали данные, самочувствие было хорошее. Перед этим хорошо отдохнул, выспался, чувствовал себя хорошо.

Скафандр одели правильно, подогнали. Затем положили в технологическое кресло. В технологическом кресле пробовали, как на скафандре лежит привязная система, вентиляцию скафандра, проверили связь. Все действовало хорошо.

Затем состоялся выезд на стартовую позицию в автобусе. Вместе с товарищами (моим заместителем был Титов

Герман Степанович) и друзьями-космонавтами поехал на старт. Вышли из автобуса, и тут немножко я растерялся: доложил не председателю Государственной комиссии, доложил Сергею Павловичу и Маршалу Советского Союза. Был такой момент — я просто растерялся. Потом извинился, заметив свою оплошность.

Затем подъем на лифте, посадка в кресло. Посадка в кабину прошла нормально. Подсоединили, подключили — все хорошо. Проверка оборудования прошла хорошо. При проверке связи получилось так, что я сначала слышал хорошо, а меня не слышали, потом стали слышать хорошо. Связь была двусторонняя, устойчивая. Настроение в это время было хорошее, самочувствие хорошее. Доложил о проверке оборудования, о готовности к старту, о своем самочувствии. Все время была непрерывная связь.

Затем произвели закрытие люка номер один. Слышно, как его закрывают, стучат ключами. Потом что-то начинают отворачивать, присняли люк. Я понял, что-нибудь не в порядке. Сергей Павлович говорит: «Вы не волнуйтесь».

Закрыли крышку люка, все нормально. Объявили часовую готовность, получасовую. В общем, все проходило нормально. Закрыв шлем. Пятиминутная готовность, минутная готовность... Слышно, когда разводят фермы обслуживания. Получаются какие-то мягкие удары, прикосновение чувствуется: слышно, по конструкции, по ракете идет. Немножко покачивается. Потом началась продувка, захлопали клапаны, слышно, как работают клапаны. Дали зажигания, заработали двигатели, шум. Запуск на предварительную ступень. Шум усилился несколько. И когда вышли двигатели на главную, основную ступень, тут уже шум больше, но я бы не сказал, что слишком резкий, который оглушает, мешает работе. Шум приблизительно такой, как в кабине самолета. Во всяком случае, я готов был к большому шуму. И так плавно, мягко снялась ракета, что я не заметил, когда она пошла. Потом чувствую, мелкая дрожь по ней идет, мелкая вибрация.

Сергей Павлович информирует: 70-я секунда. Здесь, в районе 70-й секунды, плавно меняется характер вибраций. Частота вибраций падает. Перегрузка плавно растет. Перегрузка вполне переносимая, как на обычных самолетах, — примерно пять. При этой перегрузке я вел все время доклады, вел связь со стартом. Правда, немного труднее разговаривать, ведь стягивает мышцы лица. Потом перегрузка достигает своего пика и начинает плавно уменьшаться, и затем резкий спад перегрузок — и как будто что-то отрывается от ракеты, чувствуется такой хлопок, резко падает уровень шума в ракете. После этих перегрузок — как будто состояние невесомости. Потом опять начинается перегрузка расти, начинает прижимать, уровень шума уже меньше.

На 102-й секунде слетел головной обтекатель. Процесс очень яркий — сход головного обтекателя. Получился толчок, хлопок, и обтекатель медленно пошел от «Взора»¹. В это время прямо во «Взоре» видна была Земля. Очень хорошо, как раз не было облачности. Складки местности, лес видно, реки видно, реки большие. По-моему, Обь была в этом районе или Иртыш. Большая река, видно хорошо острова на этой реке. Складки местности такие крупные, овраги — все видно. Я вел репортаж.

Потом, на 211-й секунде, перегрузки растут, растут, и примерно так же, как первая ступень, выключается и вторая ступень. Тоже резкий спад перегрузок, резкое падение шума, и тут же — состояние невесомости. Причем по «Взору» можно наблюдать, идет ракета или нет...

Выключилась вторая ступень, спали перегрузки. Затем был глухой хлопок, и включилась третья ступень, причем так плавно-плавно, как будто она так подошла и нежненько, плавно стала набирать перегрузку.

¹ Оптический ориентатор, встроенный в иллюминатор крышки третьего люка спускаемого аппарата. Через него Ю. Гагарин наблюдал поверхность Земли.

Все время я наблюдал, вел репортаж. Видна была облачность, тень облаков на Земле. Землю видно очень хорошо, предметы на Земле хорошо различимы. Кончила работу третья ступень. Выключилась третья ступень так же резко, таким же хлопком. Затем, примерно через десять секунд, произошло разделение. Почувствовал я толчок, и началось медленное вращение. Стала Земля уходить влево и вверх.

Тут я увидел горизонт. Все время вел репортаж. Звезды, небо, совершенно черный цвет неба. Звезды немощко четче на этом черном фоне, такие светящиеся точки. Очень красивый горизонт. Вокруг Земли, у самой поверхности, нежный-нежный голубой цвет, затем постепенно темнеет, немощко фиолетовый оттенок приобретает и переходит в черный цвет. Такой нежный-нежный ореол вокруг Земли. Красивый очень.

В районе примерно градусов 30 северной широты я услышал «Амурские волны» — передавал Хабаровск. И на этом фоне телеграфные позывные «Весны».

Записи свои производил в боржурнал. Над морем поверхность какая-то серая, неровная. За счет этих неровностей видно перемещение, и мне кажется, что ориентироваться над морем вполне возможно, привязаться к местности и ориентировать корабль для включения тормозной установки.

Затем продолжал полет уже без связи, связи не было. Произвел прием воды и пищи. Воду и пищу принял нормально — затруднений никаких я не наблюдал.

Чувство невесомости немощко непривычное. В земных условиях мы привыкли к какому-то определенному положению. Если сидишь, то спиной прижимаешься, а здесь получается такое ощущение, как будто висишь в горизонтальном положении на ремнях, на лямках. Тут ясно, что плотно подогнана привязная система, а она оказывает давление на грудную клетку, и поэтому, очевидно, создается такое впечатление, что висишь.

Немного необычно, но потом привыкаешь, приспосабливаешься.

Производил я и записи. На вопросы хотел ответить. Взял планшет, карандаша нет — улетел куда-то. Было ушко повернуто к карандашу шурупчиком. Шуруп вывинтился, карандаш и улетел, осталось на шнурке одно ушко от карандаша.

В это время был уже в тени Земли. А еще до входа в тень Земли у меня все время производилась запись на магнитофон. Вход в тень Земли очень резкий, переход от света к тени. Причем такое ощущение, что Солнце заходит то в один иллюминатор, то в другой — приходится отворачиваться или прикрываться как-то, чтобы не попадало в глаза. А тут смотрю в один иллюминатор — ничего не видно, в другой — тоже темно. Думаю, что же это такое? Заметил по времени — вошел в тень. Корабль все время вращался с угловой скоростью примерно 2—3 градуса в секунду. Горизонта Земли не видно, звезд тоже не видно. Тут я сообразил, что, очевидно, иллюминатор был обращен на Землю. Но на Земле ничего не видно. А потом, когда иллюминаторы выходили на небо, то на черном фоне неба видны стали звезды. Иногда попадало в иллюминатор две-три звезды. Но созвездия определить очень трудно, невозможно, потому что проходит все очень быстро, и не все созвездие попадает в иллюминатор.

Включилась солнечная система ориентации, я доложил по КВ- и УКВ-каналам и продолжал полет... Я почувствовал, что угловое перемещение корабля изменилось, стало медленным, почти незаметным. В это время также производил доклад по КВ-каналу.

При подлете примерно к 40 градусам южной широты я не слышал Земли, абсолютно ничего не слышал, а к 40—45 градусам южной широты — слабо, на несколько секунд: пробивалась музыка, иногда удавалось слышать позывной «Весны». Меня телефоном вызывали. Я сразу включился на передачу. И потом, чем ближе к апогею подлетал, тем

слышимость все улучшалась. И когда проходил мыс Горн в апогее, мне сообщили, что иду правильно, орбита расчетная, все системы работают хорошо.

Перед выходом из тени я более внимательно смотрел. Тут была такая вещь: иллюминатор был как раз под углом к горизонту, и перед самым выходом очень интересно был виден горизонт. По самому горизонту такая радужно-оранжевая полоса, цвет примерно как на скафандре, потом она немного темнеет, темнеет и цветами радуги переходит в другой — голубой цвет. И этот голубой цвет опять переходит в черный, совершенно черный цвет.

В это время производил доклады о системе ориентации. В системе ориентации давление постепенно падало, и к моменту запуска тормозной двигательной установки давление в системе ориентации упало примерно до 110 атмосфер. Производил записи на магнитофон, докладывал по телеграфу и телефону. Тут уже по КВ связь была хорошая, я слышал хорошо Землю, и, как я понял, меня хорошо слышали.

На 56-й минуте проходит первая команда. Ориентация уже идет четко: вращения корабля по крену, и то очень-очень маленькие. Затем проходит вторая команда. Опять доложил телефоном, телеграфом проход второй команды. Заметил давление в балоне ТДУ, давление в системе ориентации, показания всех приборов, время прохождения этой команды, приготовился к спуску. Закрыв правый иллюминатор, притянулся, закрыл гермошлем и переключил освещение на рабочее.

Затем проходит третья команда точно в заданное время. Давление заметно падает, и — запуск. Как заработало, я услышал через конструкции, небольшой «зуд» передается на корабль. Я сразу засек время включения ТДУ. ТДУ работает, кончает работать, причем выключается резко — шум, перегрузка небольшая, и потом резкая невесомость. Я засек время работы — у меня получилось точно 40 секунд.

В момент выключения тормозной двигательной установки произошел резкий толчок, и объект начал крутиться вокруг своей оси с очень большой скоростью. Угловая скорость была градусов около 30, не меньше. Над Африкой произошло это. Я ждал разделения. По телефону доложил, что ТДУ сработала нормально, доложил давление в начале, давление в конце, время работы ТДУ.

Лечу, смотрю — северный берег Африки, Средиземное море. Четко все видно, все хорошо, все колесом крутится. Жду разделения, и разделение произошло приблизительно на 10-й минуте после работы тормозной двигательной установки. Разделение я резко почувствовал: хлопок, затем толчок, вращение продолжалось. Тут погасли все индексы на приборе контроля работ (ПКР), погас «Спуск-1», включилась только одна надпись: «Приготовиться к катапультированию». Заметно даже на глаз, что высота все-таки ниже, чем была в апогее: здесь уже предметы на Земле различаются резче.

Я закрыл светофильтры «Взора». Начинается вхождение в плотные слои атмосферы, причем вращается шар по всем осям с большой скоростью. Скорость была градусов 30 все время и после разделения сохранилась. Затем чувствуется, начинается торможение, какой-то слабый «зуд» идет по конструкции. Я уже позу для катапультирования занял, жду. Иллюминатор «Взора» закрыт шторкой, но по краям этой шторки появляется такой ярко-багровый свет. И слышно или потрескивание конструкции, или, может быть, расширяется теплозащитная оболочка при нагреве. Чувствуется, температура высокая была. Здесь перегрузки были маленькие — единица, полторы. Потом плавный рост перегрузок, очень плавный. Колебания шара все время продолжают. Солнце попадало в иллюминаторы, и по этим «зайчикам» я мог определить примерно, как корабль вращается. Но чувствуется, идет с подрагиванием. Перегрузки, по моим ощущениям, были за десять.

Был такой момент, примерно секунды две-три: в глазах начали расплываться приборы. И этот пик — небольшой, его продолжительность очень маленькая. Затем начинается спад перегрузок. Падают перегрузки, причем падают плавно, но более быстро, чем они нарастают. Думаю: сейчас, наверное, скоро будем катапультироваться. И здесь — очевидно, после перехода звукового барьера — слышен свист воздуха.

Настроение хорошее. Разделение произошло, как я заметил, и глобус остановился посередине Средиземного моря. Думаю: все нормально — дома сажусь. Жду катапультирования. В это время происходит отстрел крышки люка номер один: хлопок, и ушла крышка люка. Тихонько голову вверх повернул, и тут хлоп — выстрел, и я быстро катапультировался. Очень мягко и хорошо. Вылетел я с креслом, вошел в действие парашют стабилизирующий. На кресле сел, как на стуле, — удобно, хорошо.

Я сразу увидел — река большая. Ну, думаю, тут больше других рек таких нет, значит, это Волга. Потом смотрю, что-то вроде города на одном берегу и на другом берегу.

Произошло катапультирование приблизительно около километра, может быть, даже меньше, от берега Волги. Думаю, ветерок сейчас меня потащит туда, буду приводняться в Волгу. Потом отцепляется стабилизирующий, вводится в действие основной парашют. И тут мягко так, я даже ничего не заметил, кресло ушло от меня, вниз пошло. Я стал опускаться на основном парашюте. Ну, на основном парашюте меня опять развернуло к этим городам, к Волге. Смотрю, один город большой на том берегу, здесь — поменьше.

Я вспомнил, что, еще когда учился в Саратове, прыгали мы за этим лесом, много летали. Там железная дорога, мост и длинная коса в Волгу к этому мосту. Думаю, наверное, Саратов. В общем, я приблизительно опознал.

Затем раскрылся запасной парашют. Наблюдал за местностью: видел, где приземлился шар — спускаемый аппарат. Белый парашют, шар лежит недалеко от берега Волги. Приземлился он на расстоянии примерно километров четырех от меня. Затем лечу, смотрю — справа от меня полевой стан. Там видно много народу, машины едут, дорога проходит. Дальше такой овраг, и за оврагом домик. Вижу женщину. Ну, думаю, сейчас я угожу как раз в этот самый овраг. Несет меня и несет, ничего не сделаешь. Купола красивые, я чувствую, все смотрят. Хорошо идет спуск. Потом я смотрю, приземляюсь как раз на пашню. Спинной меня несет, но трудно развернуться, не развернешься. Перед землей, метрах в 30, меня плавно повернуло прямо лицом. Ветерок метров 5—6. После посадки ногами ткнулся, собрался, покатился, ничего не повредив. Приземление очень мягкое было — на пашню. Я сам и не понял, как стою на ногах. На меня падает задний парашют, передний парашют пошел вперед. Я его погасил, снял подвесную систему. Посмотрел, все цело, жив-здоров.

Снял привязную систему с себя. За пригорочком этим полевой стан оказался. Вышел на пригорок, смотрю, женщина идет с девочкой ко мне. Метрах в 800 она была от меня. Я к ней иду. Смотрю, она шаги замедляет. Тут я начал махать, кричать: «Свой, свой, советский, не бойтесь, не пугайтесь. Идите сюда». Тогда она неуверенно, тихонько ступает ко мне. Я подошел, сказал, что я советский человек, прилетел из космоса. Познакомились с ней. Я говорю: «Ну, идемте к парашютам. Я попрошу вас побыть здесь, никому не разрешайте трогать это место, а я схожу до полевого стана». Думаю, сейчас сниму скафандр и пойду туда. Только подхожу к парашютам, идут мужчи́пы — трактористы, механики с полевого стана. Шесть человек подошли. Познакомились мы с ними. Я им сказал, кто я. Они говорят, что сейчас передают сообщение по радио. Мы с ними минуты три поговорили. Смотрю, подъезжает на ЗИЛ-151 майор Гасиев. Мы представились

друг другу. Я попросил, как можно быстрее сообщить в Москву...»

Доклад Гагарина все слушали затаив дыхание. Потом — вопросы, вопросы, вопросы...

Медики, ревниво оберегавшие Юрия, стали уже беспокоиться. Ему предстояла еще встреча с журналистами, с корреспондентами...

Сергей Павлович Королев был вынужден подвести черту:

— До встречи! До встречи в Москве!

Разведчики Вселенной

Шел июнь 1961 года. В цехе главной сборки полным ходом готовили «Восток-2». И не только второй корабль, целый ряд спускаемых аппаратов и приборных отсеков выстроился вдоль стены цеха. Нет, это был не конвейер, по было ясно, что полет Юрия Гагарина не эпизод, а начало. Только начало проникновения человека в космическое пространство. За «Востоком-2» в очереди были и третий и четвертый корабль...

Часов в одиннадцать в цех пришел Королев. Я подошел к нему, поздоровались. Сергей Павлович взял меня под руку, отошли в сторонку.

— У вас партийный билет при себе? Вам нужно сейчас поехать в Центральный Комитет партии, там вас примет...— и он назвал фамилию.

— Сергей Павлович, а зачем?

— Там все узнаете.— И, крепко пожав мне руку, пошел по пролету цеха.

Должен признаться, что подобное поручение меня не очень озаботило. Я знал, что после апреля многие руководители всех степеней и рангов интересовались подробностями первого полета в космос и некоторым из наших товарищей пришлось не раз выступать в роли консультантов...

— Есть решение руководства о переводе вас в аппарат Совета Министров.— Принявший меня товарищ внимательно смотрел из-за стола.

— Простите, но я...

— Нам все известно о вас. Решение принято. Оформляйтесь, через три дня вы должны быть на новом месте работы. Желаю успеха.

Вот так произошло совершенно непредвиденное событие в моей жизни. Все заботы и дела по «Востоку-2» и стоявшими за ним в очереди «изделиями» были переданы моему заместителю Евгению Фролову.

Почти пять лет работы в аппарате Совета Министров пролетели быстро. В конце 1965 года, после ноябрьских праздников, на одном из совещаний мы встретились с Сергеем Павловичем.

— Ну, как жизнь, как работа? Не соскучились по производству, по испытаниям? — улыбнувшись, спросил Главный.

— Сергей Павлович, зачем травить душу? Я знаю, вам предлагали быть министром. Вы согласились? Вот то-то... Конечно, соскучился.

— А знаете, что я вам хочу предложить? В ОКБ Бабакина — вы его хорошо знаете — я передал часть своей тематики. Они начали заниматься автоматическими станциями. Луна, Венера, Марс. А что, если и вам свою руку приложить? Не забылось?

— С удовольствием! — только и смог ответить я.— А как это сделать?

— Это моя забота.

...Автобус, притормозив около прозрачного павильончика, плавно перевалившись с боку на бок, свернул с шоссе. Мы подъехали к нашему заводу. Теперь и моему заводу.

В декабре — сдержал свое обещание Сергей Павлович — я был переведен в ОКБ Георгия Николаевича Бабакина.

Со стороны поселка, в котором живет большинство из тех, кто трудится на заводе и в ОКБ, движется густая цепочка людей; у стеклянных дверей она растекается к сверкающим хромом вращающимся турникетам. Это проходная. За ней небольшая площадь. Строгий гранитный бюст Ильича на высокой стеле. У подножия — цветы. И зимой и летом.

Рядом с памятником, на фоне деревьев, Доска почета. С левой стороны барельефы двух орденов: Ленина и Трудового Красного Знамени. Первый — времен Великой Отечественной войны, второй — за создание новой техники в послевоенные годы. Фотографии лучших производственников сняты на рабочих местах — около испытательного стенда, за станком, за чертежной доской...

К десяти часам все, кого вызывали, собрались в кабинете Главного. За большим столом — уж так повелось — почти у каждого, кто обычно бывал на совещаниях или оперативках, свое место. Эти места никто не распределял, никто не утверждал. Сам Георгий Николаевич этой традиции строго не придерживался. Он то стоял у стола, то садился рядом с начальником какого-нибудь отдела, а чаще рассказывал по кабинету. Подходил к большой коричневой доске на манер школьной, чтобы написать, а то и тут же вывести какую-то формулу, что-нибудь начертить — схему, график, диаграмму, нужную именно сейчас, к разговору.

Обстановка на совещаниях всегда была непринужденная, свободная, демократичная. Говорить мог любой: соглашаться, возражать, даже перебивать Главного. Георгий Николаевич поддерживал этот свободный стиль. Честно говоря, сначала меня это несколько озадачивало. У Королева было не так. Бабакин ничем не подчеркивал свою «особость». За глаза его звали «голуба»...

«...Георгий Николаевич... Жизнерадостность, общительность, острое слово, простота в обращении — вот, по-

жалуй, первое, что бросалось в глаза при контакте с ним. При более глубоком знакомстве давали себя знать такие его качества, как чуть ли не фанатическая целеустремленность, исключительная инженерная интуиция, умение оперировать категориями совершенно реальными, когда речь шла о планах, казалось бы, фантастических.

Главный конструктор автоматических космических станций для исследования Луны, Венеры, Марса, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР. Под его непосредственным руководством и при личном участии были созданы принципиально новые типы автоматических станций, решившие многие, весьма сложные и с каждой работой, с каждым новым проектом усложнявшиеся задачи изучения небесных тел. Научные открытия, сделанные по материалам и информации, добытым этими станциями в противоборстве с силами природы, не потеряли своего значения и сегодня. Сами станции, конструкторские и инженерные решения, воплощенные в них, успешно развиваются и до сих пор поражают воображение своей жизненностью, значимостью, оригинальностью и смелостью технических решений, помогают и сегодня решать новые задачи космических исследований...»

Прочитав пол-листа текста доклада, который мне поручено было сделать в Доме ученых в Москве в день семидесятилетия со дня рождения Георгия Николаевича, я подумал, как мало написано об этом человеке, с которым судьба дала мне счастье трудиться рядом, в руководимом им конструкторском бюро. Именно счастье. А как иначе можно оценить годы работы с Сергеем Павловичем Королевым, потом с Георгием Николаевичем Бабакиным?!

Я не пытался написать исчерпывающий портрет Сергея Павловича Королева, понимая, что такая задача мне не по плечу. Не возьму на себя смелость дать полное представление о жизненном пути Георгия Николаевича.

Лишь некоторые штрихи его жизни, работы в области космической техники.

...В 1923 году Юра, как звали его в семье, поступил в школу-семилетку в Хамовническом районе Москвы. Учился нормально. В пятнадцать лет окончил семь классов. Учитывая, что семья находится в довольно стесненных обстоятельствах, решил быстро освоить какую-нибудь специальность и идти работать. Юра устроился на курсы радиомонтеров. Эти курсы — единственное место стационарного образования, поскольку больше нигде и никогда он очно не учился.

Спустя годы он писал в автобиографии: «С 1930 по 1932 год работал в Московской радиодирекции по трансляции театральных передач, передач со съездов и конференций. За проведение передач парадов и митингов с Красной площади неоднократно премирован». С 1932 по 1936 работал в парке «Сокольники» старшим радиотехником. А в 1936 году — призыв в Красную Армию. Московская Пролетарская дивизия. Радист-красноармеец Бабакин служит в 3-м стрелковом полку, но через полгода по состоянию здоровья он уже на всю жизнь стал, по его собственному выражению, «рядовым необученным белобилетником».

После увольнения из армии пошел работать в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, а в 1937 году экстерном сдал экзамены за 10 классов и поступил в заочный институт. Поступил, но окончил он этот институт лишь через... 20 лет, когда ему исполнилось уже 43 года и он был уже начальником научного отдела крупного конструкторского бюро, возглавлял сложнейшие комплексные разработки по системам управления, радиолокации. Природа наградила его необычайно цепкой памятью и острым умом, способностью воспринимать множество новейших сведений из различных областей науки и техники.

В 1941 году он стал научным сотрудником, в 1943-м

старшим научным сотрудником, но еще 14 лет он будет ходить в студентах. Многие его сотрудники и помощники будут «остепеняться», а он... Никогда ученые степени и другие внешние атрибуты общественного положения не волновали Георгия Николаевича. Он не мог отвлекаться от любимого дела. В первую очередь он уважал и ценил в человеке ум, знания, понимая, что не всегда и не для всех обстоятельства должны быть милостивы.

Именно поэтому в его кабинете, вечно переполненном тянущимися к нему людьми, в лабораториях, где он бывал, пожалуй, чаще, чем это было необходимо, и у кульманов в окружении конструкторов, у стендов и на сборке космических станций, в цехах участники обсуждений всех рангов и возрастов чувствовали себя одинаково раскованно и непринужденно — здесь на пьедестал возносилась оригинальная мысль, толковое предложение, техническая находка, независимо от того, кто был ее автором — седой ветеран или молодой специалист, недавно пришедший в конструкторское бюро, доктор наук или рабочий...

В послевоенные годы произошла встреча Георгия Николаевича с Сергеем Павловичем Королевым. На одном из технических совещаний Бабакин докладывал о работах в своем конструкторском бюро. Королев слушал очень внимательно и в конце сказал:

— А у него есть искра божья!

Пройдут годы. И когда Королев будет принимать решение о передаче в ОКБ Бабакина части своей обширной тематики, он повторит эту же фразу, добавив: «Ему можно доверять».

Академик, лауреат Ленинской премии Борис Викторович Раушенбах вспоминает: «Сергей Павлович был человеком необычайно широким... Он, если можно так сказать, раздаривал свои направления. Можно назвать нескольких видных конструкторов, рожденных им. Георгий Николаевич Бабакин входил в их число. Сергей Павлович

всегда относился к этим людям на редкость доброжелательно. Отдав им тему, никогда больше, ни при каких обстоятельствах не говорил о своей причастности к этому, даже при больших последующих успехах. Наоборот, он всегда повторял «они, они» и продолжал ненавязчиво помогать им, иногда даже издали...»

Георгий Николаевич был мягким, душевным, веселым, энергичным. Мог на спор с кем-нибудь перебежать улицу Горького в Москве в запрещенном месте. И это не в детстве, нет. Это будучи членом-корреспондентом Академии наук. Мог, вызывая ярые протесты рабочих, вместе с ними тащить тяжеленный кабель, когда требовалась его срочная замена на стартовом устройстве космодрома, а потом, взяв в руки паяльник, распаявать контактыштепсельного разъема или, заскочив на минутку в лабораторию, забыв обо всем, наблюдать на экране осциллографа, как дрожит и дышит электронная схема.

Он не бравировал этим, это не было позой. Он прекрасно понимал, что есть люди, которые сделают это лучше, чем он. Но без этого он не был бы Бабакиным, тем Бабакиным, который за многие годы привык, отвечая за порученное дело, все делать своими руками.

Он мог поздно вечером, прилетев из Центра дальней космической связи, прямо с аэродрома приехать к инженеру конструкторского бюро на повоселье, поздравить его с получением квартиры. Ездил с работы домой в собственном, выдавшем виды «Москвиче». Мог легко сходить-ся с людьми. А это — исключительное качество, весьма помогающее в затруднительных ситуациях.

При современной широкой кооперации работ, когда головное предприятие имеет связи с десятками, а то и с сотнями контрагентов, эти отношения — основа успеха. Здесь нужен помимо директивно определяющих эти взаимоотношения документов еще и такт, и авторитет Главного конструктора, особое объединяющее чувство личной причастности к делу.

Георгий Николаевич не был участником работ ГИРДа и ГДЛ, с космической техникой был знаком только по литературе; многое в космонавтике и ему и всем сотрудникам конструкторского бюро пришлось постигать впервые. Тем более достойно удивления и признания, что этот период познания нового был так мал, а практические результаты стали столь очевидны.

Предложение Сергея Павловича о передаче всего «дальнего космоса» в организацию, где уже многие годы работал Георгий Николаевич, было поддержано на всех уровнях не случайно. Авторитет этого коллектива — конструкторского бюро и производства — определялся большой отдачей, работами, выполненными на высоком научном и техническом уровне. Более того, ряд разработок, скажем прямо, опережали время, и это иногда препятствовало их внедрению. Но ведь ценность работ состоит не только в том, что результаты их показали пути, по которым нужно двигаться сегодня, завтра, но и в том, что при их выполнении был создан, а это не менее важно, коллектив, отличающийся перспективностью мышления, жаждой нового, коллектив творческий, дерзающий, дружный. Коллектив, для которого практически не существовало непосильных задач.

Как-то на вопрос, почему бы не сделать это предприятие филиалом «королевского», Сергей Павлович ответил категорично:

— Филиал в общем-то подневольная организация, в известной мере лишенная самостоятельности и, как следствие этого, ответственности. Нет. Я против.

...О начале «лунной» дороги в 1959 году в ОКБ Сергея Павловича Королева я уже рассказывал. Следующим этапом было создание станции для мягкой посадки на лунную поверхность. Эта задача оказалась посложнее. Появилась система ориентации, корректирующий двигатель, новый радиокомплекс, обладающий телевизионными возможностями. Все это теперь уже было разработано

и изготовлено. В апреле 1963 года в полет пошла «Луна-4», но ей не удалось решить поставленную задачу до конца. Затем «Луна-5», «Луна-6», «Луна-7», «Луна-8»... С каждым пуском накапливалась новая информация, необходимая для осуществления мягкой посадки на Луну.

Подготовка «Луны-9» велась уже в коллективе Бабакина, и вряд ли надо говорить, как Главному конструктору и всем соратникам хотелось, чтобы «девятка», первая «космическая ласточка», рождавшаяся в новом гнезде, обязательно решила задачу!

14 января 1966 года под вечер я зашел в кабинет Георгия Николаевича. Он был один.

— Ну, что нового? Осваиваешься?

Мне нужно было рассказать Главному о некоторых своих сомнениях по поводу нового проекта, которым были заняты разработчики. Задуман был искусственный спутник Луны с большими и интересными задачами. Но некоторые выводы меня насторожили. Вот об этом и хотел я поговорить с Георгием Николаевичем.

Он слушал меня как-то не очень внимательно, заметно было, что его собственные мысли где-то далеко... Резкий телефонный звонок заставил меня замолчать. Георгий Николаевич поднял трубку прямого телефона, через мгновение его глаза широко раскрылись, рот перекосялся, и рука с трубкой упала на колени.

— Сергей... Павлович... Умер...

— Как!!! Когда?!!

— Сегодня. Во время операции...

«...14 января 1966 года в Москве на 60-м году жизни скоропостижно скончался крупнейший советский ученый, член президиума Академии наук СССР, коммунист, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик Сергей Павлович Королев.

В лице С. П. Королева наша страна и мировая наука потеряли выдающегося ученого в области ракетно-космической техники, конструктора первых искусственных

спутников Земли и космических кораблей, открывших эру освоения Человечеством космического пространства...

Память об академике Сергее Павловиче Королеве — верном сыне Коммунистической партии, беззаветно служившем своей Родине, навсегда сохранится в нашем народе».

Это строки из некролога, подписанного руководителями партии и правительства, видными учеными, соратниками Сергея Павловича. 51 человек поставил свои подписи под этим скорбным документом...

На фасаде Дома Союзов в траурном обрамлении большой портрет. Королев. Только в эти дни люди узнали имя, увидели лицо того человека, подвигу которого рукоплескали все эти годы. Люди знали о делах Главного конструктора, но не знали Главного конструктора. Узнали теперь, когда перестало биться его сердце, когда ушел он из жизни, не дожив до шестидесяти, недосвершив, недорешив, недоделав, невыполнив...

Каждый год в день его рождения к Кремлевской стене приходят люди. Те, кто знал, кто любил его. И незнакомые, которые чтят и помнят Главного. Несут цветы к строгой мраморной плите, закрывшей навеки нишу с прахом нашего СП.

31 января 1966 года. Старт «Луны-9». 3 февраля, совершив мягкую посадку в районе Океана Бурь, станция передала впервые в мире телевизионные изображения поверхности Луны на Землю. Эти панорамы обошли в те дни всю мировую печать. Впервые человек, находящийся на расстоянии чуть ли не в полмиллиона километров от Луны, получил возможность рассмотреть как на ладони частицы ее грунта размером в несколько миллиметров.

Значение мягкой посадки станции вышло далеко за рамки этого эксперимента. Общепризнано, что именно

«Луна-9» развеяла миф о пыли, якобы укрывающей толстым слоем лунную поверхность и исключавшей посадку на нее. Результаты, полученные «Луной-9», сыграли огромную роль в становлении Георгия Николаевича как Главного конструктора. Оценивая его роль и роль коллектива конструкторского бюро, производства, испытателей, смежных организаций, нужно, безусловно, иметь в виду, что конкретные доработки, позволившие станции выполнить задачу — мягко опуститься на поверхность Луны, — родились под его руководством, при его непосредственном участии.

Но нельзя забывать, что сам ход предыдущих пусков, анализ работы всех систем и ракеты и станций, проведенный в ОКБ Сергея Павловича Королева, подготовили почву для такого успеха. Первая в мире мягкая посадка на Луну явилась объективным подтверждением правильности замыслов Королева. К великому сожалению, сам он не дожил до свершения своей мечты. Не дожил всего девятнадцать дней...

Успех первой лунной «ласточки» открыл широкую дорогу к исследованиям нашего естественного спутника. И не только в нашей стране. Через четыре месяца на поверхность Луны садится американская автоматическая станция «Сервейер-1». А вот листок «лунного календаря» 1966 года — самого трудного года для нашего предприятия:

3 февраля: «Луна-9» — первая мягкая посадка и передача телевизионной панорамы;

3 апреля: «Луна-10» — первый искусственный спутник Луны;

27 августа: «Луна-11» — второй искусственный спутник Луны;

25 октября: «Луна-12» — третий спутник и фотографирование Луны с орбиты;

24 декабря: «Луна-13» — вторая мягкая посадка на Луну.

Пять лунных станций за один год, и ни одна из них не повторяет предыдущую, каждая имеет что-то свое — научную аппаратуру, новые конструктивные решения; каждая — движение вперед.

В 1966 году отдельные мысли, проработки, рекомендации ученых легли в основу разрабатываемого плана исследования Луны и планет Солнечной системы. Исполнителем этого плана должна была быть и наша организация. Помимо Луны план предусматривал решение конкретных задач в исследовании Венеры и Марса — ближайших к Земле планет Солнечной системы.

Дорога к этим планетам была открыта в ОКБ Сергея Павловича Королева. «Венера-1» — в 1961 году, «Марс-1» — в 1962-м, «Венера-2» и «Венера-3» — в 1965-м. Полет этих станций дал много интересных данных о космическом пространстве по дороге к планетам, но, к сожалению, не принес никаких сведений непосредственно о самих планетах.

Продолжалась и широкая программа исследования Луны. Не перечисляя всех созданных в ОКБ Георгия Николаевича лунных автоматических станций, достаточно сказать, что после первого «лунного» года были созданы и успешно решили поставленные задачи станции «Луна-16», «Луна-20», «Луна-24» — они принесли на Землю образцы лунного грунта; станции «Луна-17» и «Луна-21», доставившие на Луну наши первенцы внепланетного транспорта — луноходы, прошедшие по лунной поверхности почти 50 исследовательских километров; «Луна-19» и «Луна-22» — тяжелые, богато оснащенные научной аппаратурой искусственные спутники Луны; станции для исследования Венеры, Марса, впервые достигшие поверхностей этих планет.

Пятнадцать станций стартовало к Луне, Венере, Марсу при жизни Георгия Николаевича, а сколько уходило в полет, неся его идеи, его мысли, его планы потом...

В марте 1965 года Георгий Николаевич стал Главным конструктором. В августе 1971 года Георгия Николаевича не стало...

Чтобы читатель поближе узнал этого замечательного человека, позволю себе дать две зарисовки с натуры. Два обычных рабочих дня.

...Осторожно высунув «нос» из ворот и переждав несколько машин, проскочивших мимо, новенькая черная «Волга», наискось срезав половину Ленинского проспекта, взвизгнув шинами, круто повернула налево. Георгий Николаевич, сидевший с водителем (он никогда не садился на заднее сиденье), пригнувшись на вираже, тотчас повернулся вполоборота к нам:

— Ну что, братцы, в горы, на материк топать?..

Только что закончилось совещание в президиуме Академии наук у президента Мстислава Всеволодовича Келдыша. Рассматривалась программа дальнейших исследований Луны.

Георгий Николаевич помолчал, думая о чем-то своем или, скорее, о нашем общем.

— Да-а... материк, материк! — Он достал из кармана серого пиджака пачку «Новости», чиркнул зажигалкой, затянулся. — Маловато у нас данных о рельефе этого района. Ведь этот перешеек между морями Изобилия и Кризисов — корявый, черт бы его подрал. Не морская гладь. Где там площадку для посадки искать? Кто ее нам приготовил? Приедем — соберемся, посоветуемся. Вероятность успешной посадки, я думаю, будет меньшей. Но подумать, толково посчитать необходимо. Надо, чтобы все понимали, что задачка эта сложнее, чем для «Луны-16»... А интересно, черт возьми!

Он так и сидел, полуобернувшись к нам. На минуту его карие глаза устремились куда-то вверх проносящихся мимо машин и крыш домов.

«Волга», резко вильнув от подвернувшегося «Москвича», взвизгнула тормозами.

- Да тише ты, Володя!
- Ничего, Георгий Николаевич, не первый год заму-жем,— усмехнулся шофер Главного.
- Первый не первый, а лихачить не положено.
- А вы, когда сами за баранкой, по пятьдесят кило-метров в час ездите?
- Ну я — это другое дело. Сам себя везу... Да-а, ин-тересно это будет, братцы. Очень интересно.
- Остаток дороги он молчал.

— Клавочка,— проходя мимо секретаря, проговорил Георгий Николаевич,— давай-ка быстренько ко мне начальников отделов, всех замов и... и... — он на секунду задумался и назвал еще несколько фамилий.

Через десять минут все вызванные расселись за большим «совещательным» столом, стоящим в кабинете чуть поодаль от рабочего. Главный с кем-то говорил по телефону. Может быть, с руководством, может быть, с кем-то из своих коллег — главных конструкторов.

Люди, собравшиеся вместе, работающие в одном конструкторском бюро не один десяток лет, всегда найдут о чем поговорить. Прошло минут пять. Наконец Георгий Николаевич положил трубку, нажал на белом пульتيки, стоящем на краю стола, красную кнопку, потом одну из многочисленных белых. В динамике раздался голос секретаря:

- Слушаю, Георгий Николаевич!
- Клавочка, меня нет!
- Хорошо, Георгий Николаевич,— щелчок, динамик умолк.

— Ну что, братцы, все собрались? Хорошо. Поговорим «за жизнь», как говорят. Мы сегодня у президента были. Разговор был о Луне. Наука считает, что теперь машину нашу надо сажать не в морском районе, а в горах...

— В горах??! — несколько удивленных возгласов.

— Да, в горах. Точнее, на материк. В морях, они думают, ничего нового найти не удастся. Там и мы, и американцы побывали. Так вот, я считаю... — Он подошел к висящей на стене большой темно-коричневой доске, взял в руки мел. — Какие у нас предельные углы наклона местности при посадке? Так? — На доске появилась цифра. — Допустимые размеры камней, чтобы не поломаться, так? — Опять цифры. — Район для обратного старта нам известен? Юлий Давыдович, — обратился он к одному из сидящих за столом, — у тебя определены районы для этого и следующего года?

— Районы-то определены, но хорошего там ничего нет. Площадки очень ограниченные. Страшновато туда лезть...

— Свяжитесь с кем надо, посмотрите все возможные варианты. Район посадки надо найти обязательно. И не тяните.

— Георгий Николаевич, это мы посмотрим, но вы же понимаете, что в материковой области условия посадки будут заведомо хуже. Что же мы можем гарантировать? Пусть нам дадут подробные карты, характеристики этих районов. Тогда посмотрим...

— А ты, Юлий Давыдович, хочешь святее папы римского быть? Нет, дорогуша. И район выбирать, и гарантии давать все вместе будем. Ясна задачка? Теперь тепловикам. Вы помните, братцы, как дрожали прошлый раз, на «Луне-16»? Температура в приборном отсеке куда ползла? Какой темп падения был? По вашим расчетам? Вот то-то и оно. Изобретатели-рационализаторы!

— Так ведь на Луне-то ночью впервые сидели...

— Ночью-то впервые. Ночью на ней действительно «не сахар», градусов за сто мороз. Но ведь вы и систему готовили на ночь или, может быть, по ошибке на день, а?

— Да нет, считали на ночь...

— Надо внимательно посмотреть наши резервы. Мы и днем и ночью должны уметь садиться на Луну и работать на ней. Вот тут пусть ваши изобретатели и поизобретают. Но только не очень увлекайтесь. Помните: лучшее — враг хорошего!..

Разговор о том, как лучше подготовить станцию «Луна-20» к полету и посадке в материковый район Луны, продолжался до позднего вечера. Главный то подсаживался к кому-нибудь, то, присев на край стола, внимательно слушал говорившего, затягиваясь очередной сигаретой, то подходил к доске и набрасывал чертеж какого-нибудь узла, о котором шла речь, то рисовал диаграмму направленности излучения бортовой антенны, если разговор заходил об уровне радиосигнала, то наизусть называл номера радиокоманд, которыми на этих станциях включались в полете те или иные приборы...

— А знаете, братцы, нам надо посмотреть еще...

— Георгий Николаевич! — усталым голосом заметил кто-то из сидящих за столом, — ведь уже десятый час.

— Как десятый? Фу-ты, черт! Опять десятый! И когда мы нормально работать начнем?!

...«Луна-20» благополучно доставила на землю еще одну порцию лунного грунта — бесценный подарок науке.

А вот «картинка» другого обычного рабочего дня.

Совет главных конструкторов по новым «Венерам» был созван на среду. К четырем часам приемная Георгия Николаевича стала заполняться приехавшими. Кто-то заходил прямо в кабинет, пользуясь несколькими минутами, решить, так сказать, «попутный» вопросик, кто-то стоял скромненько в углу приемной, словно первый раз к нам приехал, ждал приглашения. Люди-то разные...

Расселись за большим столом, Главный встал.

— Сегодня у нас разговор о наземных испытаниях. О всех результатах я сейчас говорить не буду, а вот об одном стоит. Это испытания спускаемого аппарата на центрифуге.

— Георгий Николаевич, простите, пожалуйста, мы к вам подключились недавно,— перебил Главного представитель смежной фирмы.— Не подойдет ли ваша центрифуга для испытания нашего прибора?

— Вашего? А сколько он весит? Если я не ошибаюсь, около четырех килограммов? Так? Ну вот, а наша центрифуга может раскрутить полтонны и с перегрузочкой в четыре сотни. Четыре сотни! Так вот, я вам доложу, что после первых испытаний на этой центрифуге мы из спускаемого аппарата вынули... дрова. Да-да, не удивляйтесь, дрова! Половина приборов не работала. Из некоторых, простите за грубость, кишки повывезли. Штепсельные разъемы вместе с проводами от стенок оторвались, а сами стенки вместо плоских выпуклыми стали. Вот вам и перегрузочка в четыреста единиц! Между прочим, Сергей Николаевич, это твоих приборов касается. Как же ты их у себя проверял?

— Георгий Николаевич, мы все испытания у себя провели.

— Все?

— Ну все, которые могли.

В кабинете раздались приглушенные смешки.

— Вот то-то и оно — «которые смогли»! А те, какие не смогли, нам за вас проводить? Мы провели. Так что забирайте свои «дрова».

— Да забрать-то не проблема, а вот что с ними делать? Вот если бы ваши товарищи помогли нам в расчетах и испытаниях...

— Сергей Николаевич, голуба ты моя, да ведь мы в этих делах, как говорят, еще не волшебники, еще только учимся. Сами «ребенки». Ну, пожалуйста. Давайте посмотрим вместе.

— Георгий Николаевич, а пельзя ли пемного спизить требования по перегрузкам при входе в атмосферу Венеры?

Главный на минуту задумался и, быстро повернувшись к доске, написал формулу, тут же для наглядности набросал график изменения перегрузок при входе в венерианскую атмосферу.

— Вот они откуда, перегрузочки! Не пами выдумавы — природой. Так что хотите или не хотите, а приборы переделывать придется...

Действительно, в области «венерной» космической техники мы влезали в условия высоких давлений, необычных перегрузок и температур. Венера заставила космонавтику осваивать несвойственные ей области науки и техники, изобретать новые способы испытаний, новые материалы, новые конструкции. Пришлось знакомиться с воздействием таких перегрузок при входе в атмосферу планеты, о которых даже в фантастических произведениях не мечталось: 400—450 единиц. До той поры космонавтика знала лишь десяти — двадцатикратные. А теперь надо быть готовыми к тому, что любой болт, любой прибор, кронштейн становятся тяжелее своего нормального земного веса в 400—450 раз! И ничто не должно разрушиться, потерять работоспособность.

Ясно, что, создавая новый аппарат, конструктор изучает последние достижения, обобщает опыт предшественников, ворошит перечни изобретений и патентов. А что было делать нашим конструкторам? Где и чей заимствовать опыт? Чьи достижения использовать? Да мало того, что давление и перегрузки сумасшедшие, так еще и температура 400—500 градусов. Ладно уж, если бы все это действовало порознь, а то ведь все вместе...

Перегрузки будут действовать при входе в атмосферу «утренней звезды», пока не погаснет сумасшедшая скорость — 11 километров в секунду. А дальше? Парашют? Вроде бы простая штука. Чего проще. Горячие головы

в свое время, при создании первых космических кораблей «Восток», говорили Сергею Павловичу Королеву: «Космонавтика! Космические корабли! И... тряпки! Атавизм! Где же прогресс? Неужели нельзя придумать что-то помимо этих тряпок? Ну взяли бы вертолетный винт, что-нибудь более надежное!..»

Нет, остался и в космонавтике парашют. Но проблема парашюта — забота парашютных фирм. Им и карты в руки. А вот нашим конструкторам надо было сделать так, чтобы парашют смог выполнить свою нелегкую обязанность. Его надо было разместить в аппарате соответствующим образом и обеспечить возможности ввода в действие.

Задачи! Есть над чем поразмыслить. Все было бы прекрасно, если бы не астрономические сроки — сроки, когда наиболее выгодно, а порой и только возможно лететь к Венере. Сроки-то эти никто не изменит, никто не перенесет...

Уныло шел к Главному конструктору начальник одного из отделов ОКБ. Разговор предстоял о решении заковыристой проблемы — устойчивости входа и спуска аппарата в венерианской атмосфере. Гасить колебания пужно, и для этого необходим какой-то особый демпфер — так называются подобные устройства. Но какой?

— Да... — Георгий Николаевич почесал затылок. — Раз нужно это устройство, значит, оно должно быть. Мысли есть какие-нибудь?

— Ничего конкретного, Георгий Николаевич. Вот одна мыслишка... Совсем сырая. Видели, как детишки на тротуаре прыгают по клеточкам? «Классики» это у них называется. И ногой камешек плоский или стеклышко подталкивают...

Главный с недоумением покосился на начальника отдела.

— Ну и что? — он закурил.

— А вот что. Теперь ребята умнее стали. На днях шел я вечером, смотрю — прыгают. И что интересно, кидают они железную баночку из-под гуталипа...

— Слушай, голуба, а ты сегодня не того, а?

— Да нет, Георгий Николаевич, я серьезно. Бросает девчушка эту баночку, а она так и припечатывается к тротуару, словно ее клеем намазали: не подскакивает и вдоль не перемещается. Сразу и гасится в ней, так сказать, энергия броска. Не вытерпел я, попросил эту баночку, чувствую — внутри что-то катается. Открыл — камушки круглые внутри, да не плотно набита коробочка. Вот ведь хитрецы какие!

— Эта девчушка случайно не твоя внучка? Может, ты ее по-родственному к себе в отдел научным руководителем возьмешь? Так... так... так... Постой. Да ведь это же демпфер! Нет, ты понимаешь? Это же демпфер! А вот как его сделать... Как его сделать? Ты говорил со своими?

— Говорил. Идея есть у одного инженера.

— Ну-ка зови его сюда, послушаем.

— Может, рановато, Георгий Николаевич? Дайте нам еще немного поработать.

— Тащи его сюда, кому говорю!

Такой демпфер был сделан и установлен в спускаемом аппарате нашей «Венеры».

Хроника двух рабочих дней Главного конструктора. Нет, это не документальная запись. Никто и никогда не ставил перед собой задачи документировать со стенографической точностью разговоры на совещаниях, за рабочим столом или в конструкторских залах. Это написано по памяти. Это лишь маленькие штрихи, раскрывающие характер, манеры этого безвременно ушедшего от нас удивительного человека.

Очень много сил и энергии отдал Бабакин становлению наших отечественных и инопланетных космических автоматов. Его энтузиазм, профессиональная фанатичность, тут же облакаемая в реально осуществимую инженерную задачу, его широкая эрудиция в самых разных направлениях космической науки и техники, безукоризненная память удивляли не только тех, кто встречался с ним впервые, но часто поражали и нас, работавших с ним постоянно.

1971 год был последним в жизни Георгия Николаевича. Станции «Марс-2» и «Марс-3» достигли планеты через четыре месяца после кончины Главного конструктора. А начали свой почти пятисотмиллионкилометровый путь они еще при его жизни.

Потом пойдут в полет новые «Марсы» и «Венеры». Будут получены уникальные телевизионные панорамы венерианской поверхности, радиокарты приполярных областей Венеры. В том, что каждая станция, стартовавшая уже после Бабакина, стала новой вехой в изучении космоса — огромная заслуга людей, успешно продолжающих дело, которому он служил.

За большой личный вклад в создание «Венер» в 1968 году Бабакину была присуждена ученая степень доктора технических наук, а в конце ноября 1970 года он был избран в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Главных конструкторов не так уж много. Если бы кто-то поставил перед собой задачу проанализировать творческий путь каждого из них и на основании этого анализа провести обобщения, то прежде всего выявилась бы беспредельная, всепоглощающая преданность делу. Такими были Сергей Павлович и Георгий Николаевич. Такими они останутся в памяти тех, кто делил с ними радость успехов, тревоги и горечь неудач.

ЭПИЛОГ

Знаю, что для многих молодых желание стать конструктором космических кораблей, автоматических межпланетных станций является продуманной, осознанной целью. Не быстро проходящей и капризной модой, а серьезной и большой мечтой.

В наши конструкторские бюро из вузов ежегодно приходит молодежь — наша смена. Некоторые очень горды тем, что им выпало счастье попасть и трудиться в коллективе, создающем космические аппараты. Как правило, это те, кто еще в вузе «заболел» космосом. Но бывают, к сожалению, и иные «фанаты». Таких интересует, как это ни печально, прежде всего: «А что я буду иметь?»

Однажды Сергей Павлович Королев рассматривал списки испытателей, которые должны были ехать на космодром. Рядом стояло несколько человек. Один из них спросил: «А это очень вредно? Молоко давать будут?» Сергей Павлович внимательно посмотрел на этого товарища, подумал минуту и тихо произнес: «Молоко, конечно, давать будут...» И вычеркнул фамилию задавшего вопрос.

На пути молодого ученого, инженера, решившего посвятить себя космической технике, встают проблемы не только технические, но и психологические, этические. Придя в конструкторское бюро, он зачастую очень быстро убеждается в том, что кроме большого желания сделать

конструкцию как можно лучше ничего не может. Надо советоваться. С кем?

Конечно, с более опытным товарищем, чтобы перенять опыт. Своего-то еще нет. Но нужно, оказывается, уметь и бороться с опытом. Парадокс? Да. Нужно порой уметь противопоставить опыту риск. Иначе конструктор будет раздавлен накопленным же опытом, привязан к одним и тем же решениям. Существует истина: когда выдающийся, но пожилой специалист, большой мастер своего дела, говорит, что «это осуществимо», он почти всегда прав. Когда же он заявляет, что какая-нибудь идея неосуществима, он, вероятнее всего, ошибается.

Необходимо уметь фантазировать, развивать в себе особое чутье. В конструкторском отделе десятки инженеров, расчетчиков, техников. Разные способности, характеры, умения, опыт, интуиция, интересы. Здесь проза и поэзия, смелость и осторожность, честолюбие и патриотизм. И не всегда трогательное единение мыслей и чувств. А результат? Рождается конструкция космического чуда — единая, общая. Во всех деталях тщательно продуманная, гармоничная, цельная, словно сотворенная одним гениальным человеком.

И весь этот многотрудный процесс, все это «не космическое», а земное, обычное, каждодневное, будничное «взрывается» сообщением о полете, о запуске в космическое пространство созданного аппарата. И когда удастся раньше других увидеть еще сырой снимок панорамы, скрывающей в себе столько загадок — каприз ли это приборов, или на самом деле пейзаж далекого и таинственного мира, увидеть на телевизионном экране своими глазами то, что «видит» вот сейчас луноход, карабкающийся по миллиарднополетней пыли за 400 тысяч километров от Земли, — тогда каждый прикасается словно к чему-то огромному, чему-то захватывающему — к Космосу!

Познание неизведанного — характерная черта рода человеческого во все времена его существования. Так было,

и так есть. И нет оснований считать, что будет иначе, пока живет человечество. Мысль человека беспредельна, бес-пределен и космос. Быть может, поэтому мысль как средство и космическое пространство как среда применения этого средства и нашли друг друга.

Три десятка лет прошло с того времени, когда начали преодолеваться первые ступени на пути в космос. Сегодня людей перестали удивлять и восхищать космические полеты. Можно не вспомнить точных дат запуска ну, скажем, «Космоса-1275», «Луны-19», «Венеры-12», «Союза-18». Но нельзя забыть первых. Тех, кто открывал новое направление в человеческом прогрессе.

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне возможность жить в столь прекрасное время, за то, что, проведя дорогами войны, она вывела меня на трудную, но счастливую орбиту.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД СВОИМ ИМЕНЕМ	3
Часть I.	
ИСПЫТАНИЕ	6
Граница	10
Отступление	26
Кавадерийская дивизия	47
Мы рвемся на запад	72
Дубновский рейд	100
Командир полка	116
К Параду Победы	129
Часть II.	
У КОСМИЧЕСКОГО ПОРОГА	142
Полигон Капустин Яр	—
Первый спутник	160
«Визитная карточка» на Луне	186
Перед решающим стартом	214
Космонавт номер один	237
Разведчики Вселенной	264
ЭПИЛОГ	285

Олег Генрихович Ивановский
НАПЕРЕКОР ЗЕМНОМУ ПРИТЯЖЕНИЮ

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*
Редакторы *Ю. И. Веслинский, А. И. Глушай*
Младший редактор *Н. М. Жилина*
Художники *Л. В. Морозова, И. Л. Рогачевский*
Художественный редактор *П. В. Меркулов*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 7823

Сдано в набор 06.11.87. Подписано в печать 29.01.88. А00019. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,65. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 14,97. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3297. Цена 80 коп.

Политиздат. 125814, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

80 коп.

**О моем поколении эта книга.
О людях, отстаивших
независимость нашей Родины
в жесточайшей битве с фашизмом,
возродивших страну из пепла и руин,
отправивших в космическое
пространство своего посланца —
первого человека планеты;
о тех, кто и сегодня делает
важнейшее для страны,
для всего человечества дело —
борется за счастье, за мир,
за жизнь на Земле.**

О. Ивановский

Политиздат